

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина»

На правах рукописи

Мелихова Диана Игоревна

**ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИЧЕСКОЙ
КАТЕГОРИИ «МЛЕКОПИТАЮЩИЕ»
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент **Панасенко Л.А.**

Тамбов 2018

Оглавление

Введение	5
Глава I. Теоретические основы исследования интерпретирующего	
потенциала лексических категорий области «Животный мир».....	
1. Исследование лексической системы языка в рамках традиционной лингвистики.....	13
1.1. Фаунистическая лексика как объект лингвистического исследования.....	20
1.2. Подходы к рассмотрению фаунистической лексики в языке и способы ее группировки.....	24
2. Исследование лексической подсистемы языка в когнитивном аспекте.....	33
2.1. Концептуализация как основа формирования лексических категорий.....	36
2.2. Изучение лексических категорий в рамках теории категоризации.....	42
3. Исследование лексических категорий в рамках теории лингвистической интерпретации.....	48
3.1. Понятие «интерпретации» и сущность интерпретирующей деятельности в сознании человека	48
3.2. Психологический подход к исследованию проблем интерпретации в языке.....	53
3.3. Понятие и роль картины мира человека при исследовании проблем интерпретации	57
3.4. Общие положения теории лингвистической интерпретации.....	60
3.5. Когнитивные механизмы формирования интерпретирующих значений.....	67
3.6. Интерпретирующий потенциал лексических категорий области	

«Животный мир» в языке.....	77
Выводы по Главе I	85
Глава II. Моделирование интерпретирующего потенциала лексической категории «Млекопитающие» (на материале английского и русского языков)	88
1. Структурная организация лексической категории «Млекопитающие» в языке.....	88
2. Уровневая организация лексических единиц категории «Млекопитающие».....	103
3. Интерпретирующие форматы знания лексической категории «Млекопитающие».....	114
3.1. Интерпретирующие признаки формата перцепции.....	116
3.1.1. Размер.....	117
3.1.2. Телосложение.....	120
3.1.3. Волосяной и кожный покров.....	130
3.1.4. Звуки.....	135
3.1.5. Окрас.....	137
3.2. Интерпретирующие признаки формата наблюдения.....	142
3.2.1. Кинетические характеристики.....	143
3.2.2. Повадки.....	153
3.3. Интерпретирующие признаки формата экспериенциальных эффектов.....	161
3.4. Интерпретирующие признаки формата функции.....	163
3.5. Интерпретирующие признаки формата операционального опыта.....	164
3.6. Интерпретирующие признаки ассоциативного формата.....	169
4. Роль когнитивных и языковых механизмов в формировании интерпретирующих значений лексических единиц категории	

«Млекопитающие».....	174
4.1. Профилирование как когнитивный механизм формирования интерпретирующих смыслов лексических единиц категории «Млекопитающие».....	175
4.2. Метафора как когнитивный механизм формирования интерпретирующих смыслов лексических единиц категории «Млекопитающие»	178
4.3. Метонимия как когнитивный механизм формирования интерпретирующих смыслов лексических единиц категории «Млекопитающие».....	188
4.4. Сравнение как когнитивный механизм формирования интерпретирующих смыслов лексических единиц категории «Млекопитающие».....	190
4.5. Генерализация и конкретизация как когнитивные механизмы формирования интерпретирующих смыслов лексических единиц категории «Млекопитающие».....	193
4.6. Фразеологизация как языковой механизм формирования интерпретирующих смыслов лексических единиц категории «Млекопитающие».....	196
4.7. Словообразование как языковой механизм формирования интерпретирующих смыслов лексических единиц категории «Млекопитающие».....	199
Выводы по Главе II.....	205
Заключение.....	213
Список использованной научной литературы.....	217
Список использованных словарей.....	236
Список источников фактического материала.....	238
Приложение.....	239

Введение

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению интерпретирующего потенциала лексической категории «Млекопитающие».

На современном этапе развития лингвистической науки важным представляется выявление механизмов категоризации и концептуализации, а также изучение индивидуальной концептуализации мира человеком и передачи полученных знаний посредством определенных языковых форм, что в свою очередь является результатом интерпретирующей функции языкового сознания. На сегодняшний день для лингвистических исследований актуальным является положение о том, что интерпретация онтологически связана с когницией, которая в свою очередь является сутью мыслительной операции, цель которой представляет собой получение нового знания, где особая роль отводится языку (Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Н.Н. Болдырев). В связи с этим исследование интерпретирующего потенциала лексической категории «Млекопитающие» невозможно без обращения внимания на динамический характер концептуальной системы человека, а также на процессы оперирования знанием, которые обеспечивают формирование интерпретирующих смыслов.

Человек в процессе своей жизнедеятельности находится в тесной взаимосвязи с объектами и явлениями окружающей его действительности. Представители животного мира обнаруживают наиболее близкое взаимодействие, поскольку человек не только наблюдает за животными в дикой природе, но и имеет непосредственное общение с ними в хозяйственной жизни и во время досуга. Поэтому лексические единицы, обозначающие представителей животного мира в языке, обладают широкой репрезентативностью в плане формирования переносных значений при актуализации соответствующего знания в процессе интерпретирующей деятельности человека.

Объектом нашего исследования являются единицы лексической категории «Млекопитающие» в английском и русском языках.

Предмет исследования составляют интерпретирующие значения единиц лексической категории «Млекопитающие», которые они развивают в дискурсе.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что оно опирается на теоретические положения когнитивной парадигмы знания. Решение поставленной научной проблемы – изучение интерпретирующего потенциала лексической категории «Млекопитающие» – может осуществляться в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, позволяющего рассмотреть специфику интерпретирующей деятельности человеческого сознания с позиций взаимодействия ментальных и языковых структур.

В качестве **гипотезы** исследования выступает предположение о том, что лексические единицы категории «Млекопитающие» в результате процесса концептуальной деривации выступают средством вторичной концептуализации и категоризации, развивая вторичные, интерпретирующие смыслы; они не только отражают обыденную и научную картины мира, но и являются средством интерпретации объектов и явлений других концептуально-тематических областей на основе выделения общих признаков между объектами интерпретирующей и интерпретируемой областей.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении признаков, формирующих интерпретирующий потенциал лексической категории «Млекопитающие», и изучении его особенностей.

В соответствии с заявленной целью предполагается постановка и решение соответствующих **задач**:

1. Изучить и обобщить основные положения современных лингвистических теорий, включая теории концептуализации и категоризации, лингвистическую теорию интерпретации и интерпретирующего потенциала лексических категорий, а также принципы

организации и работы сознания человека, включающие основные процессы психики человека: восприятие, внимание, память, которые являются основополагающими в процессе интерпретирующей деятельности субъекта;

2. Выявить принципы организации лексической категории «Млекопитающие» в языке;

3. Выявить лексические единицы исследуемой категории, развивающие переносные значения в языке;

4. Представить типологию признаков, выступающих в качестве интерпретирующего потенциала лексической категории «Млекопитающие» и являющихся основанием для формирования интерпретирующих смыслов в языке;

5. Выявить и описать когнитивные и языковые механизмы формирования интерпретирующих смыслов в языке;

6. Определить концептуально-тематические области, в рамках которых реализуется интерпретирующий потенциал лексической категории «Млекопитающие».

Научная новизна исследования заключается в выявлении и систематизации признаков интерпретирующих форматов знания, заложенных в концептуальном основании лексической категории «Млекопитающие» как одной из базовых категорий, объективирующих онтологию мира. Новым также является описание концептуально-тематических областей, объекты которых получают интерпретирующую концептуализацию в результате реализации межконцептуальных проекций, устанавливаемых при активизации знания о представителях животного мира. В работе выделяются когнитивные и языковые механизмы, обеспечивающие реализацию интерпретирующего потенциала лексической категории «Млекопитающие» в дискурсивном употреблении языковых единиц, а также проводится исследование лексических единиц категории «Млекопитающие» на материале английского и русского языков, т.е. языков, принадлежащих к

разным языковым ветвям и имеющих существенные различия в своей системе.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что исследование процесса формирования интерпретирующих значений единиц лексической категории «Млекопитающие», когнитивных и языковых механизмов, участвующих в формировании интерпретирующих значений, а также интерпретирующих форматов знаний как типов признаков, вносит вклад в дальнейшее развитие теории лингвистической интерпретации, а также теории интерпретирующего потенциала лексических категорий. Исследование структуры лексической категории «Млекопитающие» и принципов ее организации с позиции когнитивно-дискурсивного подхода способствует дальнейшему развитию теории концептуализации и категоризации в языке.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при разработке лекций по лексикологии, стилистике, интерпретации текста, когнитивной лингвистике, при подготовке курсов по теории и практике перевода, при обучении практическому владению иностранным языком. Результаты проведенного диссертационного исследования могут также быть использованы при подготовке бакалаврских, магистерских, диссертационных работ и в исследовательской практике в целом.

Теоретической базой исследования послужили основные положения, разрабатываемые отечественными и зарубежными учеными в области когнитивной лингвистики, касающиеся проблем концептуализации и категоризации в языке (Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, А. Вежбицкая, Л. Барсалоу, Э. Рош, Ф. Варела, Э. Томпсон, Б., П. Кэй, Р. Браун, Р.Лэнекер и др.), теории интерпретации (Н.Н. Болдырев, Е.Г. Беляевская, А.Л. Шарандин, В.З. Демьянков и др.), теории интерпретирующего потенциала лексических категорий (Л.А. Панасенко), а также положения психологического подхода к анализу языка (Г. Штейнталь, А.А. Потебня, А.Р. Лурия, Л. Барсалоу и др).

Материалом исследования послужили более 4500 примеров, полученных методом сплошной выборки из англоязычных и русскоязычных словарей, словарей разговорной и жаргонной лексики, национальных корпусов (British National Corpus, Corpus of Contemporary American English, национальный корпус русского языка), а также художественных произведений английских, американских и русских авторов.

Апробация работы. Основные результаты проведенного исследования отражены в докладах на Всероссийской научной конференции с международным участием «Язык и человек: проблемы когниции и коммуникации» (Тамбов, ТГУ имени Г.Р. Державина, 2016), V Международной научной конференции «Культура в зеркале языка и литературы» (Тамбов, ТГУ имени Г.Р. Державина, 2016), Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Белгород, НИУ БелГУ, 2017), Международной конференции «Языковые и культурные контакты в контексте развития гуманитарного образования в Саратовском государственном университете (лингвистический и лингводидактический аспекты)» (Саратов, НИУ СГУ имени Н.Г. Чернышевского, 2017), Всероссийской конференции преподавателей и студентов «XXIII Державинские чтения» (Тамбов, ТГУ имени Г.Р. Державина, 2018), Всероссийской научной конференции с международным участием «Когнитивные исследования в гуманитарных науках» (Тамбов, ТГУ имени Г.Р. Державина, 2018), а также на аспирантском семинаре кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики в ТГУ имени Г.Р. Державина в 2017 г. и в научных статьях по теме исследования.

Анализ фактического материала проводится в рамках когнитивного направления с использованием комплекса **методов**, которые включают концептуально-дефиниционный анализ и концептуально-контекстуальный анализ лексических единиц категории «Млекопитающие», метод моделирования интерпретирующего потенциала лексических категорий.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие **положения**, выносимые на защиту:

1. Интерпретирующий потенциал лексической категории «Млекопитающие» представлен признаками объектов живой природы, спроецированными в концептуальное основание исследуемой категории, которые сводятся к следующим форматам знания: формат перцепции, наблюдения, экспериенциальных эффектов, функции, операционального опыта и ассоциативный формат.

2. Основу вторичной интерпретации составляют признаки, которые являются релевантными для первичной категоризации лексических единиц категории «Млекопитающие». К ним относятся признаки формата перцепции: размер, телосложение (особенности форм тела/частей тела), волосяной и кожный покров (объем волосяного покрова, текстура кожного покрова), окрас (однотонность, многоцветность, рисунок на теле), признаки формата наблюдения: кинетические характеристики (манера движения за счет актуализации признака «среда обитания»), операционального опыта (манипуляции с млекопитающим за счет активизации признака «назначение животного»).

3. Процесс интерпретации объектов и явлений различных концептуальных областей посредством лексических единиц, репрезентирующих млекопитающих, может основываться на синкретичной актуализации признаков одного или нескольких форматов.

4. Формирование интерпретирующих смыслов единицами лексической категории «Млекопитающие» происходит за счет работы таких когнитивных механизмов, как профилирование, метафора, метонимия, сравнение, генерализация и конкретизация. К основным языковым механизмам относятся механизмы фразеологизации и словообразования.

5. Интерпретирующий потенциал лексической категории «Млекопитающие» распространяется на такие концептуально-тематические области, как «ЧЕЛОВЕК», «АРТЕФАКТ», «ЖИВОТНОЕ», «РАСТЕНИЕ»,

«НЕЖИВАЯ ПРИРОДА», «ЦВЕТ», «МЕСТО», «АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ» и реализуется в соответствующих доменах этих областей. При этом интерпретация может иметь разновекторный характер для отдельных форматов знаний.

Структура диссертации. Настоящее диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной научной литературы, списка использованных словарей, списка источников фактического материала и приложения.

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы исследования, определяется объект, предмет проводимого исследования, обозначаются цель и круг задач для решения поставленной цели, а также обозначается научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, теоретическая база, материалы исследования, методы, использованные при анализе фактического материала, формулируются положения, выносимые на защиту, отмечаются сведения об апробации полученных результатов и описывается структура диссертационного исследования.

В **Главе I** *«Теоретические основы исследования интерпретирующего потенциала лексических категорий области «Животный мир»* приводится обзор исследований, посвященных изучению системы языка в рамках традиционной лингвистики в целом, дается определение понятию зоонима и фаунистической лексики в языке, рассматриваются различные подходы к анализу фаунистической лексики, определяются основные теоретические и методологические основы исследования, описываются когнитивные механизмы формирования интерпретирующих значений в языке, а также рассматриваются основные аспекты интерпретирующего потенциала лексических категорий области «Животный мир» в языке.

В **Главе II** *«Моделирование интерпретирующего потенциала лексической категории «Млекопитающие» (на материале английского и русского языков)»* осуществляется анализ фактического материала,

включающий в себя анализ лексических единиц исследуемой категории, а также случаев употребления данных лексических единиц в дискурсе, описывается структура лексической категории «Млекопитающие» относительно субкатегорий и уровней категоризации, определяются форматы знания как типы признаков, формирующих интерпретирующий потенциал исследуемой лексической категории, представляется и описывается типология данных интерпретирующих признаков, анализируются когнитивные и языковые механизмы, участвующие в формировании интерпретирующих смыслов, а также определяются концептуально-тематические области, на которые распространяется интерпретирующий потенциал лексической категории «Млекопитающие».

В **Заключении** в обобщенном виде излагаются результаты проведенного исследования.

Глава I. Теоретические основы исследования интерпретирующего потенциала лексических категорий области «Животный мир»

1. Исследование лексической системы языка в рамках традиционной лингвистики

Проблемы языка, его структуры и законов привлекали исследователей еще с давнего времени.

Язык является неотъемлемой частью человеческого существования, его жизнедеятельности и взаимодействия, как с самим собой, так и с другими людьми и окружающим его миром. Как писал В. фон Гумбольдт, язык – это своего рода «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека», это средство, которое заложено в природе человека и необходимое для формирования его мировоззрения [Гумбольдт 1984: 304]. Мир вокруг нас представляет собой сеть отношений, в центре которых человек и его взаимодействие с миром (с семьей, государством, миром идей и т.д.), и основная роль в этом взаимодействии принадлежит языковому общению. Язык неразрывно связан с познанием и познавательной деятельностью человека. Являясь частью познания, человек посредством языка исследует свой внутренний мир, а также мир окружающей его действительности.

Язык представляет собой систему знаков. Системность языка подчеркивал Ф. де Соссюр, давая следующее определение языку: «...язык, как он нами определен, есть явление по своей природе однородное — это система знаков...» [Соссюр 1999: 21]. На системную организацию языка также обращал внимание Л.В. Щерба, давая такое определение: «Слова каждого языка образуют систему, и изменения их значений вполне понятны только внутри такой системы» [цит. по Серебрянников 1970: 152]. Поэтому изучение элементов языка необходимо проводить, исходя из системного характера его организации.

Системность и знаковость языка также подчеркивали представители копенгагенской школы, которые являлись последователями Ф. де Соссюра. Л. Ельмслев дает следующее определение языка: «Язык — это иерархия, каждая часть которой допускает дальнейшее членение на классы, определяемые посредством взаимных отношений, так что каждый из этих классов поддается членению на производные, определяемые посредством взаимной мутации». Таким образом, любая структура, которая удовлетворяет этому определению, есть язык. Язык – это лишь частный случай такого рода структуры [цит. по Звегинцев 1964:38]. Л. Ельмслев полагал, что «знак» есть носитель значения. Все слова при этом строятся из незнаком, т.е. фонем или слогов. Такие незнакомы, входящие в знаковую систему, Л. Ельмслев называл фигурами [Ельмслев 1960].

Системный характер языка предполагает структурную организацию его составляющих. Элементы лексической системы языка находятся в определенных связях и отношениях. Таким образом, в системе языка можно выделить различные типы группировок на основе понятийной, тематической и ассоциативной общности. Обычно выделяют такие модели лексической подсистемы как лексико-семантические поля и группы, синонимические ряды, а также лексико-фразеологические поля, тематические группы, ассоциативные группировки.

Определение «семантического поля» было введено в лингвистическую науку Г. Ипсеном. Под семантическим полем, он понимал совокупность слов, обладающих общим значением [Ipsen 1924]. К исследованию семантических полей впервые обращался в своих работах Й. Трир. Семантическое поле он именовал как понятийное и понимал под ним структуру определенной сферы и круг понятий. По мнению Й. Трира, понятийному полю соответствует лексическое поле, состоящее из совокупности отдельных слов. Другими словами, лексическое поле вычленяется из словарного состава в процессе соотнесения его с каким-либо понятийным полем [цит. по. Schwyter 1996: 30-31]. Основой выделения семантического поля Й. Трира является

логический подход. Он настаивает на жесткой детерминации между понятием и лексемой, на однозначной корреляции между системой понятий (логических компонентов) и полевыми структурами в языке [Башарина 2007: 94].

Ю.Д. Апресян понимает под семантическими полями незамкнутые и многократно пересекающиеся семантические группировки, «любые две из которых связаны, как и отражаемый ими мир вещей, процессов и идей, непрерывной цепью посредствующих семантических звеньев, независимо от того, насколько далеко друг от друга отстоят в семантическом пространстве языка эти группировки» [Апресян 1995а: 254-255].

В.Б. Гольдберг, анализируя различные типы лексических группировок, подразделяет модели подсистемы на симметричные и асимметричные. К асимметричным моделям она относит иерархически организованные модели и модели, имеющие ориентацию относительно центрального элемента или элементов, т.е. полевые модели (например, родовидовая или таксономическая классификация). Модели, не ориентированные относительно центрального элемента, В.Б. Гольдберг называет симметричными [Гольдберг 2000: 65]. Что касается симметричных моделей, то Д. Круз в своих работах выделял такие модели, как цепь (прямая линейная последовательность: *beginning – middle-end*), цикл (цветообозначения), спираль (линейность совмещена с цикличностью: времена года, периоды суток), ранг (воинские звания), шкала, пропорциональные серии [Cruse 1986: 187-195].

Лексико-семантическое поле (ЛСП) представляет собой совокупность большого числа слов одной или нескольких частей речи, объединяемых общим понятием (семой). Именем поля, как правило, является словосочетание, называющее понятие и объединяющее слова в поле («виды транспорта» – машина, троллейбус, велосипед и т.д.). Под лексико-семантическим полем Ю.Н. Караулов понимает «группу слов одного языка, достаточно тесно связанных друг с другом по смыслу» [Караулов 1972: 57].

Т.Н. Куренкова отмечает следующие важнейшие свойства ЛСП: взаимосвязанность элементов, их упорядоченность и иерархичность, а также ряд свойств, которые выделяют ЛСП среди других лингвистических систем: отсутствие четких границ, континуальность, незамкнутость, взаимодействие, взаимодействие с другими полями, аттракция, наличие лакун, асимметричность построения, автономность, самостоятельность в лексико-семантической системе, специфичность в разных языках [Куренкова 2006: 176]. В ЛСП отдельные значения слов вступают в связи друг с другом. Значение слова представляет собой множество дифференциальных компонентов значения, которые рассматриваются как компоненты множества. Между двумя множествами могут существовать оппозиции. Ю.Н. Караулов выделяет следующие типы оппозиций:

1. Нулевая оппозиция (равенство между множествами). К данному типу оппозиций относятся синонимы и синонимические выражения: *лоб-чело*.

2. Привативная оппозиция. В данном типе оппозиции находятся родовые и видовые понятия: *автомобиль - транспортное средство*.

3. Эквиполентная оппозиция. Данный вид отношений возможен между словами как одной части речи, так и между значениями полисемантического слова. Эквиполентная оппозиция строится на пересечении одинаковых компонентов у сравниваемых значений слов. При этом помимо одинаковых элементов у сравниваемых слов есть неодинаковые. Например: *ум-умный; мысль-думать*.

4. Дизъюнктивная оппозиция. Данную оппозицию формируют слова, значения которых не имеют общих компонентов: *косить (траву)- косить (глазом)* [Караулов 1972: 57-68; Куренкова 2006: 176].

В составе ЛСП выделяются лексико-семантические группы (ЛСГ). К изучению ЛСГ обращались в своих исследованиях многие ученые [см: В.И. Кодухов 1987, А.А. Уфимцева 1962, Ф.П. Филин 1967, Л.М. Васильев 1971, Б.А. Серебrenников 1970 и др.]. Так, Л.М. Васильев под ЛСГ понимает «любой семантический класс слов (лексем), объединенных хотя бы одной

общей лексической парадигматической семьей (или хотя бы одним общим семантическим множителем)» [Васильев 1971: 110]. Под ЛСГ В.И. Кодухов понимает объединение слов одной части речи одинаковой предметной направленности [Кодухов 1987]. Ф.П. Филин считает тематическую отнесенность одним из признаков ЛСГ, хотя и не решающим, а также полагает, что ЛСГ является продуктом законов и закономерностей развития лексической системы языка [Филин 1967]. А.А. Уфимцева отмечает, что слова, входящие в лексико-семантическую группу не создают новых языковых единиц. Границы ЛСГ обладают относительным характером, поэтому ЛСГ не является единицей словарной структуры языка. Одно и то же слово в разных значениях может включаться в состав нескольких лексико-семантических групп. Границы ЛСГ подвижны и изменчивы в ходе исторического развития языка, поскольку словарный состав отражает происходящие в обществе изменения, в связи с чем одни слова появляются, а другие, наоборот, исчезают из употребления [Уфимцева 1962: 139-141]. Как отмечает Б.А. Серебренников понятие лексико-семантической группы «не рассматривается только лишь инвентарным перечислением ее членов и их значений», поэтому в составе ЛСГ можно выделять центральное слово, которое обладает наибольшим количеством значений, выражающих признаки понятия [Серебренников 1970: 154]. Таким образом, можно говорить о том, что ЛСГ представляет собой большую группу слов, объединенных одним словом-идентификатором или устойчивым словосочетанием, значение которого полностью входит в значение остальных слов группы и которое может заменить остальные слова в некоторых контекстах (Например: *молоток, лопата, грабли* – «инструменты»).

Структура ЛСП и ЛСГ представляет собой ядро и периферию. К ядру относятся единицы, значения которых имеют общие признаки с ядром. Сюда относятся варианты, синонимы, антонимы, родовидовые группы, объединенные нулевыми и привативными оппозициями. На периферии

находятся слова, связанные эквиполентными оппозициями с ядерными лексемами [Караулов 1972].

Помимо лексико-семантических групп и лексико-семантических полей языковые единицы могут объединяться в лексико-фразеологическое поле, т.к. системные модели, построенные только на основе одних слов являются неполными [Гольдберг 2000]. Под лексико-фразеологическим полем А.Е. Гусевой понимается совокупность лексических и фразеологических единиц, объединенных общей семантической идеей и характеризующихся определенными системными отношениями, а также обладающих стилистической неоднородностью [Гусева 2008: 116]. Лексико-фразеологическое поле – это лексико-семантическое поле, в которое также входят и фразеологические единицы.

Под тематической группой Ф.П. Филин понимал «группу слов, объединенных на основе классификации самих реалий, а не лексико-семантических связей. Замена одного из слов тематической группы другим с течением времени не приводит к изменению в значении, стилистической окраске слов той же группы, что свидетельствует о почти полном отсутствии семантических связей между словами группы в языке на данном этапе его развития» [Филин 1967: 526]. Другими словами, тематическая группа или поле представляет собой совокупность большого числа слов, устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, единиц разных частей речи, относящихся к одной сфере действительности (например, «спорт»). А.А. Уфимцева называет тематические группы «предметными», и полагает, что объединение слов в одну группу происходит в результате общности функций обозначаемых словами предметов и процессов в одном или разных языках. Такие объединения, по ее мнению, происходят только по номинативной, а не сигнификативной стороне слов [Уфимцева 1962: 133]. Помимо предметных (тематических) групп А.А. Уфимцева в своих работах выделяет также терминологические группы (объединение слов происходит по принадлежности к одной и той же профессиональной сфере),

этимологические (слова объединяются по генетической общности), семантико-синтаксические группы (представляют собой словосочетания, имеющие чисто смысловые или синтаксические связи), фонетико-семантические группы (объединения фонеморфологических вариантов слов, разошедшихся в своем лексическом значении), лексико-грамматические классы слов или частей речи (объединение производится с точки зрения морфологической природы и синтаксических функций), словообразовательные связи (сюда входят два основных типа словесных групп: 1) суффиксально и префиксально образовательные слова, 2) слова, образованные при помощи парадигмы, т.е. по конверсии), понятийные поля (абстрактные понятийные сферы, различные области жизни народа, присутствующие в его сознании говорящего на данном языке коллектива) [Уфимцева 1962: 133-137].

Важной моделью или способом группировки лексических единиц является ассоциативная группа. Под ассоциативной группой понимается совокупность слов, связанных в сознании человека с каким-либо словом стимулом. В.М. Швецова со ссылкой на М.М. Покровского утверждает, что «если изначально предметы внешнего мира, психики, культуры народа и т.п. ассоциированы в сознании человека, то слова, служащие для их обозначения, так же ассоциированы между собою в языке» [Швецова 2013: 74]. Ассоциации подразделяются на синтагматические и парадигматические. Синтагматические ассоциации образуют со стимулом сочетания (например, «идти пешком»), а парадигматические имеют какую-то общность со стимулом, но не образуют с ним словосочетание (например, «идти-бежать»).

Таким образом, при описании лексики учеными предпринимались различные попытки группировки лексических единиц. Системный принцип описания лексики является ведущим в традиционной лингвистике. Упомянутые ранее и некоторые другие модели группирования лексики использовались лингвистами при описании лексических единиц, обозначающих животных, которые являются объектом нашего исследования.

1.1. Фаунистическая лексика как объект лингвистического исследования

Единицы языка, представляющие собой наименования животных и выражающие их характеристики своим значением, составляют обширный пласт в лексической системе языка. В лингвистике такие лексические единицы обозначают термином «фаунистическая лексика». На протяжении многих лет фаунистическая лексика привлекает внимание многих лингвистов, поскольку наличие такого рода лексики в языке и использование лексических единиц, обозначающих животных, в своих вторичных значениях для характеристики человека является проявлением антропоцентрического принципа, исследование которого является наиболее актуальным на сегодняшний день для современной науки. Изучением фаунистической лексики на разных этапах развития лингвистической науки занимались такие ученые, как Ф.А. Литвин, М.Н. Лапшина, Ю.Г. Завалишина, И.В. Миронова, С.Г. Ватлецов, Н.В. Солнцева, Е.А. Аквазба, Д.А. Тишкина, Ю.С. Орехова, М.В. Горбенко, Р.А. Карам, Е.В. Метельская, С.А. Ганичева и др.

В лингвистической науке существуют различные термины для обозначения животных, как в прямом, так и в переносном смысле. Наиболее употребительным термином является «зооним», однако не существует строгого определения данного понятия, и различные ученые под «зоонимами» подразумевают лексические единицы разной семантики. Так, лингвистические и толковые словари дают определения «зоонима» как разновидности имен собственных или клички животных [Жеребило 2010: 114; Ефремова 2000]. Е.В. Метельская под зоонимом понимает передаваемую посредством наименования животного вербализацию образа человека, на которого в процессе коммуникативного акта в определенной речевой ситуации направлено высказывание. Она отмечает, что данный термин может обозначать не только собственные имена животных, но и имена нарицательные, поскольку родовые и видовые названия также можно отнести к зоонимам. Исследуя субстандартную лексику, Е.В. Метельская в

структуре лексического значения «зоонима» выделяет следующие компоненты: денотативный (отображение в значении наиболее общего представления о предмете коммуникации), коннотативный (передача дополнительных значений и оттенков лексической единицы) и национально-культурный (представление философского мироощущения народов-носителей языков, стереотипов мышления этноса, устоявшихся в ходе развития языков) [Метельская 2012]. По мнению М.В. Горбенко, зоонимам присуща как коммуникативная, так и кумулятивная функция, то есть функция фиксации и накопления в их семантике общественно значимого опыта. Возникая в речи, такие единицы воспроизводятся, закрепляются и переходят в язык в результате своей образности, эмоциональной окрашенности, экспрессивности [Горбенко 2009].

Близким к понятию «зоонима» является понятие «зоологизм», которое обозначает языковую единицу, употребляемую для номинации животного как биологического существа. По характеру номинации Р.А. Карам подразделяет зоологизмы на простые (синица, волк, собака и т.д.), сложные (носорог, овцебык, тонконог, т.п.) и сложносоставные (лебедь-грубач, заяц-беляк, бобр-производитель и т.п.) [Карам 2010].

Названия животных широко используются в переносном смысле для характеристики человека. По мнению М.Н. Лапшиной, это связано с достаточной абстрактностью важных для человека понятий (например, особенностей характера и поведения человека), что приводит к необходимости их фиксирования с помощью других, более предметных и ясных, понятий [Лапшина 1998]. Для метафорических обозначений с использованием лексических единиц животной семантики учеными используется термин «зооморфизм» [Литвин 1975; Лапшина 1998, 2016; Ватлецов 2001; Солнцева 2004]. Так, Н.В.Солнцева четко разграничивает понятия «зоосемизма», как наименования животного в прямом смысле, и «зооморфизма», использующегося для характеристики объекта. Зоосемизмы и зооморфизмы она относит к вариантам зоонима, составляющие его

смысловую структуру, т.к. в наименовании животного также проявляется признак качества (положительный или отрицательный): «гиена» - злой, коварный человек. Н.В.Солнцева определяет зооморфный образ как национально-культурное представление, связанное с конкретным животным и облеченное в форму оценочного стереотипа (квазистереотипа). В структуре коннотативного значения зооморфизмов образность находится в тесной взаимосвязи с оценочным компонентом. Оценка имеет соотношение с представлением о ценностных достоинствах денотата, выражает личное или общественно закрепленное отношение носителей языка к объекту внеязыковой действительности. В языке оценка представлена двумя типами - общей и частной, а общеоценочное значение зооморфизмов соотносится с понятиями «отрицательный» и «положительный». Общая оценка складывается из частных оценок. Характеристика лица, передаваемая зооморфизмами, связывается со следующими частными оценками: нормативной, утилитарной, эстетической, этической, эмоциональной, интеллектуальной [Солнцева 2004].

Зооморфная метафора большей частью строится на визуальном подобии - прямом или опосредованном, часто приобретая гротескные, гипертрофированные формы. Г.Н. Складаревская полагает, что признак, формирующий зооморфную метафору, не является существенным для исходного понятия. Зачастую он не входит в его смысловую характеристику. Кроме того, в отдельных случаях он даже противоречит привычным для человека ассоциациям, которые вызывает то или иное слово. В качестве примера Г.Н. Складаревская использует зооморфизм «собака» и обращает внимание на то, что в русском языке ни один человек не назовет верного и преданного человека собакой, в то время как собака издавна воспринимается как символ преданности, бескорыстной дружбы и верности. В метафорическом значении закрепилось значение как о злом, жестоком, дурном человеке [Складаревская 1993: 60-61].

С.Г. Ватлецов, исследуя зооморфную лексику, отмечает, что место зооморфизмов в системе языка определяется лингвистическими и экстралингвистическими факторами, поскольку зоонимы обладают прагматической функцией, выражая оценку, чувства, эмоции. Зооморфизмы способны отражать как универсальные свойства (состав слова, системная организация и т.д.), так и национальную специфику, к которой могут относиться особенности словообразования, сочетательные свойства, способность к развитию полисемии и т.д. В своем исследовании С.Г. Ватлецов обращает внимание на то, что зоосемичные единицы могут указывать как на естественные особенности животных, так и на неестественные, вымышленные и возникшие на религиозных представлениях или суевериях. К первым он относит зооморфизмы, а для единиц, относящихся ко второй категории, он вводит такое понятие как «паразооморфизм». В качестве примера «паразооморфизма» он рассматривает устаревшее значение слова *shrewd* (относящийся к землеройке) в значении «злой, коварный», которое было основано на поверье, что землеройка ядовита [Ватлецов 2001].

И.В. Миронова в своем исследовании фаунистической лексики предлагает использовать термин «зооцентрическое обозначение человека и его действий», тем самым указывая на то, как использование наименований животных, их характеристик, особенностей их поведения, а также действий людей, направленных на животных для характеристики действий человека, определяет зооцентрический принцип номинации [Миронова 2000].

Таким образом, терминологический аппарат фаунистической лексики составляют понятия «зоонима» и «зоологизма», обозначающих языковые единицы, которые употребляются для наименования животного. Лексические единицы, репрезентирующие животных, которые используются для характеристики человека, обозначаются термином «зооморфизм» или «зооморфная метафора». Также терминологию лексики, исследуемой семантики, составляет термин «зооцентрическое обозначение человека и его

действий», который включает в себя как наименования животных, их характеристик и особенностей поведения, но также и характеристику действий человека, направленных на животных.

1.2. Подходы к рассмотрению фаунистической лексики в языке и способы ее группировки

Фаунистическая лексика рассматривалась лингвистами в рамках различных подходов, среди которых выделяются литературоведческий, лингвокультурологический, структурно-семантический, семасиологический и ономасиологический подходы, проводился этимологический анализ, а также предпринимались различные попытки группирования и классификации единиц данного типа лексики.

Так, в русле литературоведения Ю.С. Орехова исследовала анималистическую литературу Франции. Она утверждает, что в сказке, басне, бестиарии и животном эпосе образы животных используются для достижения более наглядного и углубленного представления о человеке. Анализируя творчество С-Г Колетт, она приходит к выводу, что животное французской писательницы включает в себя видимые литературные элементы (сам образ животного) и скрытые, невидимые (то, какую функцию животное выполняет в повествовании) [Орехова 2008].

В рамках структурно-семантического подхода С.А. Ганичевой были рассмотрены глаголы-зоофоны. В своем исследовании она предложила описание семантической системы глаголов-зоофонов, которые функционируют в русских говорах, сочетая семасиологический подход с ономасиологическим. Она выявила аффиксальные парадигмы, типичные для глаголов-зоофонов русских говоров, а также определенные принципы варьирования корневых морфем данных слов [Ганичева 2016]. А.В. Балабанова исследовала структурно-семантическую организацию зоонимического лексикона и функциональные особенности зоонимической

лексики в художественном дискурсе Е.И. Носова. В ходе своего исследования она пришла к выводу о том, что зоонимическая лексика в идиостиле Е.И. Носова реализует как прямое, так и переносное значение, имеет культурную коннотацию и относится к разным стилям лексики русского языка [Балабанова 2008].

В русле семасиологического и ономасиологического подходов А.О. Кубасовой была рассмотрена зоолексика румынского языка при ее использовании для характеристики человека. Она рассматривала вопросы, связанные с взаимодействием компонентов семантической структуры зоолексем и конкретными формами их семантического согласования с внеязыковой ситуацией и прагматической направленностью высказывания в целом. В своем исследовании она разработала новую методику семантической интерпретации поливалентных сравнений человека с животными [Кубасова 2008].

В рамках лингвокультурологии М.В. Соколовой проводился анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом марийского и финского языков. В ходе исследования ею были выявлены типы межъязыковых соответствий, которые подтверждают универсальность и уникальность культурно-значимых понятий, средствами марийского и финского языков, а также посредством сравнения зоосемических фразеологических единиц данных языков автору удалось установить фрагменты национальной картины мира. В своей работе М.В. Соколова также выделяет ассоциативные фразеологические поля в результате проведенного ассоциативного эксперимента с носителями исследуемых языков. Автор отмечает образность зоонимов и относит некоторые из них к разряду оценочных существительных, указывая на наличие зоохарактеристик, содержащихся в собственно названиях животных в марийском и финском языках [Соколова 2015].

Т.И. Скикевич исследовала тематическую группу названий животных в русском языке и дала этимологическую характеристику всей тематической

группы. Русская зоологическая номенклатура, по ее мнению, представляет собой систему наименований, которая состоит из различных по происхождению групп, отражающую исторически сложившиеся отношения людей к животным и определенный уровень познания их свойств на различных этапах развития русского языка. Она полагает, что номинация диких животных в русском языке происходит в соответствии со следующими мотивационными признаками: по цвету шерсти или по цвету отдельных частей тела; по форме (наиболее заметным внешним признакам); по особенностям поведения и способу передвижения; по месту обитания, по характерному запаху, по характеру питания, по времени наибольшей суточной активности, по сходству с другими животными или предметами [Скикевич 1998]. А.В. Шевчик выделяет в составе зоонимов характерные для данной тематической группы номинационные признаки, связанные с 1) внешним видом животных (белодушка, толсторог, носач, слепыш); 2) с особенностями их поведения (боксер, ленивец, летяга, рысак); 3) образом жизни (полёвка, сеноставка, песчанка, вечерница); 4) с использованием животных (гончая, овчарка, ищейка, крысоловка); 5) их питанием (медоед, ракоед, вампир); 6) издаваемыми ими звуками (волк, лайка, пищуха); 7) принадлежностью животного к определённому виду или роду (козерог); 8) происхождением породы / вида животного (болонка, донец, йоркшир); 9) запахом животного (вонючка). По мнению ученого, данные номинационные признаки несут информацию об особенностях восприятия мира животных языковым коллективом [Шевчик 2011].

В различных исследованиях выделяются классификации зоонимов по тематической общности, оценочному признаку, степени переосмысления фразеологизма, его структуре и степени мотивированности, а также по типам сравнительных конструкций. В процессе группировки лексических единиц, обозначающих животных, авторы выделяют лексико-семантические группы, области, разряды, поля и кластеры. Так, Е.В. Метельская, исследуя зоонимы в субстандартном лексическом фонде русского и английского языков,

представила классификацию, в которой выделяются следующие тематические группы зоонимов: *интеллектуальная оценка; моральные качества; полоролевая референция; социальные связи; возраст; род занятий, вид деятельности; внешность, физические данные, национальная и расовая принадлежность, место проживания, сексуальные пристрастия, отношение к еде отношение к спорту; отношение к армии; отношение к алкоголю и наркотикам; аппелятивы* (презентация образа людей разных возрастов и социальных статусов относительно их манеры обращения друг к другу, употребляемой лексики, конструкций и предложений); *инвективы* (воссоздание образа человека, использующего в своём лексиконе бранные слова и человека, на которого в процессе коммуникативного акта данные слова направлены) [Метельская 2012]. А.В. Балабанова в своем исследовании зоонимов в творчестве Е.И.Носова выделяет следующие тематические группы зоонимической лексики: *«Человек», «Животный мир», «Растительный мир», «Природа», «Неживые предметы», а также «средства и способ передвижения»* [Балабанова 2008]. Л.Ф. Пуцилева подразделяет русские зоонимы и фитонимы относительно их характеристик на две тематические группы – *зоонимические и фитонимические неантропохарактеристики* (метафорические характеристики явлений и объектов действительности) и *антропохарактеристики* (к ним относятся зооморфизмы и фитоморфизмы). Последние Л.Ф. Пуцилева классифицирует на две лексико-семантические группы (ЛСГ): *«качества характера, поведение человека»* и *«внешний вид человека»*. К первой группе она относит зооморфизмы и фитоморфизмы, характеризующие морально-этические, интеллектуальные, социально-коммуникативные качества и личностно-поведенческие характеристики. Во вторую группу она включает зооморфизмы и фитоморфизмы, обозначающие анатомо-физические, физиолого-возрастные, функциональные, социальные характеристики внешности человека. По аксиологическому признаку коннотации зоонимов и

фитонимов она подразделяет на три группы: с мелиоративной, пейоративной оценками и без оценки или «нейтральные» [Пуцилева 2009].

Е.О. Аквазба выявила денотативное и коннотативное значения растительной и животной лексики в произведениях М.М. Пришвина. В своем исследовании она выделила следующие лексико-семантические группы и сферы, присутствующие в семантической картине природы М.М. Пришвина: *Земля, Фауна (растительный мир), Флора (животный мир)*, которые делятся на следующие семантические участки: *Земля - Рельеф; Флора - Лес, Деревья, Кустарники, Травы, Цветы, Грибы, Мхи, Огород, Поле; Фауна - Животные (дикие и домашние), Птицы (дикие и домашние), Пресмыкающиеся, Земноводные, Рыбы* [Аквазба 2004].

Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом составляют значительный пласт в языках. Основными типами переосмысления для ФЕ являются метафорическое и метонимическое. Метафорические фразеологизмы основаны на различных видах сходства, реальных или воображаемых, и могут обозначать только лиц, только нелиц или тех и других. Подавляющее большинство ФЕ носит антропоцентрический характер, т.е. относится к человеку или тому, что с ним связано. Оценки могут быть как пейоративными, так и мелиоративными, но встречаются и безоценочные или немаркированные обороты [Назарян 1976: 72-77]. Комплекс представлений носителей языка о том или ином эталоне, стереотипе, концепте национальной культуры формирует национально-культурное своеобразие ФЕ [Соколова 2015].

Д.А. Тишкина, рассматривая субстантивные фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в русском и английском языках, опирается на классификацию фразеологизмов, предложенную А.В. Куниным, т.е. 1) полностью переосмысленные субстантивные ФЕ со структурой словосочетания; 2) полностью переосмысленные ФЕ с частично предикативной структурой; 3) частично переосмысленные субстантивные ФЕ

[Тишкина 2007; Кунин 1986: 209-216]. Субстантивные ФЕ в обоих языках могут использоваться для обозначения лиц. В этой группе она выделяет:

1. ФЕ с пейоративной оценкой. В основе ФЕ может лежать: сходство поведения: *a dog in the manger* – собака на сене;

2. ФЕ с мелиоративной оценкой. В основе ФЕ лежит сходство внешности: *a dolly bird* – жарг. хорошенькая, нарядная девушка, «куколка»; сходство повадок, привычек: *an early bird* – ранняя пташка (об удачливом человеке, рано принимающемся за работу) [часть пословицы *the early bird catches the worm*];

Субстантивные ФЕ также могут использоваться для обозначения нелиц. Д.А.Тишкиной выделяются следующие группы таких ФЕ:

1. Безоценочные фразеологизмы, в основе которых лежит сходство движения: *ducks and drakes* – «блины» (игра, состоящая в бросании плоских камешков по поверхности воды так, чтобы они подскакивали);

2. ФЕ с пейоративной оценкой: *сказка про белого бычка* – бесконечное повторение одного и того же с самого начала, возвращение к одному и тому же;

3. ФЕ с мелиоративной оценкой: *animal spirits* – жизнерадостность, бодрость.

Некоторые ФЕ могут относиться как к лицам, так и к нелицам: *a dead duck* – разг. 1) конченный человек; ~ его песенка спета (обыкн. о политическом деятеле) [первонач. амер.]; 2) безнадежное дело; полный провал.

Д.А. Тишкина также отмечает, что многие ФЕ представляют собой мотивированные обороты: *sheep without a shepherd* – «овцы без пастуха», паства без пастыря, беспомощная, беспорядочная толпа. Мотивированность, по ее мнению, обуславливается тем, что, как правило, существует семантическая связь между ФЕ и ее переменным прототипом, являющимся промежуточным звеном между ФЕ и породившей его реальной ситуацией. Наряду с мотивированными Д.А. Тишкина выделяет также и

немотивированные ФЕ с затемненной внутренней формой. Восстановление данной формы требует лингвистического анализа с привлечением экстралингвистических данных. Семантическую неразложимость ФЕ могут создавать различные факторы, среди которых Д.А. Тишкина отмечает отживание общественной практики, обычая, породивших обороты с буквальным значением, на основе которых позднее возникли ФЕ: *a white elephant* – обременительное или разорительное имущество, обуза; подарок, от которого не знаешь, как избавиться [король Сиама, желая разорить кого-л. из своих подданных, дарил ему священного слона, содержание которого обходилось очень дорого] [Тишкина 2007].

Одним из наиболее продуктивных зоонимических тропов является сравнение. Объектом сравнения может выступать не только предмет, но и признак, состояние, действие. Таким образом, зоонимы могут быть также классифицированы по типам компаративных конструкций. Например, А.В. Балабанова подразделяет зоонимические сравнения русского языка в творчестве Е.И. Носова относительно следующих компаративных конструкций [Балабанова 2008]:

1. Морфологические компаративные конструкции. Показатель сравнения выражается морфологическими средствами языка – словами определенной части речи, их формами или словообразовательными частями (префиксами, суффиксами. В данную группу входят зоонимы-существительные в форме творительного падежа: *передвигаться утицей, налетать коршуном*; сравнительно-уподобительные наречия с аффиксальными показателями компаративности: *по-медвежьи запрокинуть голову*; зоонимические имена прилагательные: *быковатый, звериный, лисий*; глаголы-дериваты зоонимов, содержащих идею сравнения: *звереть, набычиться, сурковать*; зоонимические имена прилагательные и причастия, одновременно содержащие в себе образ и часть объекта сравнения: *змеетельный*; зоонимические имена прилагательные и причастия, вторая часть

которых является стандартизированным показателем сравнения: *китоподобный*;

2. Синтаксические компаративные конструкции. Показатель сравнения выражен синтаксическими средствами языка: сравнительные обороты, придаточные сравнительные предложения с союзами *как, будто*, самостоятельные сравнительные предложения, вводимые словами *вроде, как, будто, так, такой*, развернутые сравнения.

3. Лексические компаративные конструкции. В данных конструкциях показатель сравнения выражен лексическими средствами языка: определительные обороты, вводимые словами, в семантике которых содержится идея сравнения – *похожий, напоминающий*, сравнительные конструкции, вводимые специальными словами-предлогами *наподобие, вроде, подобно* и лексемами *походить, напоминать*

4. Отрицательные сравнения – «*чудилось, будто это не просто лёд, а огромное животное брело по дну...».*

В соответствии с особенностями денотативно-сигнификативного и коннотативного компонентов значения зооморфизмов исследуемых языков Н.В. Солнцева группирует лексические единицы относительно двух разрядов характеристик - «конкретно-личностных» и «социально-ролевых». В рамках последних она выделяет семантические поля, соответствующие определенным антропологическим аспектам. К таким аспектам она относит «внешний вид», «социальный типаж» и др. Микрополе, соотносящееся с каким-либо определенным качеством (признаком) человека, например, «человек ленивый», «человек темпераментный» и т.д., является последней ступенью членения. Микрополе, по мнению Н.В.Солнцевой, объединяет входящие в него зооморфизмы по общему семантическому компоненту и не исключает дополнительных, дифференциальных, отличающих членов данного микрополя друг от друга компонентов. Зооморфизмы могут участвовать в различных микрополях, семантических полях и даже разрядах, поскольку в семантической структуре зооморфизмов обнаруживается

сосуществование нескольких, иногда качественно различных признаков [Солнцева 2004].

И.В. Миронова в своем исследовании выделяет лексико-семантическую область «Животный мир», в которую входят единицы, являющиеся источником для зооцентрических обозначений человека и его действий. Данная лексико-семантическая область включает в себя лексико-семантические группы (ЛСГ), структуру которых составляют обозначения видов животных, характеристики их внешних черт, поведения и повадок. Таким образом, ученым выделяются следующие лексико-семантические группы: *«наименования представителей животного мира»*, *«внешние черты представителей животного мира»*, *«скопления представителей животного мира одного биологического вида»*, *«перемещение представителей животного мира»*, *«повадки и черты поведения представителей животного мира»*, *«звуки, издаваемые представителями животного мира»*, *«взаимодействие человека и представителей животного мира»*, *«места обитания представителей животного мира»* [Миронова 2000].

Ю.Г. Завалишина при описании паремий с использованием фитонимов и зоонимов использует метод кластерного анализа. Кластером в данной работе автор называет определённый фрагмент паремиологической картины мира, составляющие которого (русские и английские паремии с зоонимами и фитонимами) характеризуются общей понятийной отнесённостью. Кластер характеризуется наличием семантической общности составляющих его языковых единиц (паремий). В данном случае таким общим семантическим моментом является обобщающее паремийное значение [Завалишина 1998]. Ю.Г.Завалишина считает, что тождественность совокупностей кластеров, представляющих макрополе «Человек», в паремиологии обоих этносов является результатом одинакового взгляда на природу человека. Также автор отмечает этническую различность паремиологической картины мира в русских и английских стереотипах, поэтому наблюдается наличие или отсутствие тех или иных кластеров с

исследуемой лексикой в паремиологической картине мира этноса [Завалишина 1998].

Исследование лексической подсистемы в рамках традиционного подхода представляет собой способ описания языка в статическом аспекте, что не учитывает познавательной способности индивида, а именно то, как результаты познавательной деятельности человека отражаются в языке. В связи с этим, представляется целесообразным в данном исследовании обратиться к когнитивному подходу к анализу языка. Изучение языка в рамках когнитивного подхода позволяет взглянуть на языковые процессы в несколько другом ключе. Такие процессы, как концептуализация и категоризация, являющиеся базовыми в когнитивной лингвистике, представляют собой «процессуальные явления», и, как справедливо отмечает А.Л. Шарандин, данные процессы являются динамическими по своей природе, т.к. «многообразие окружающего мира обуславливает восприятие и осмысление разных его сторон, являющихся объектами этого мира» [Шарандин 2013: 76]. Другими словами, исследование языка с позиции когнитивного подхода учитывает подвижность концептуальной системы человека, что позволяет взглянуть на принципы организации и группировки лексических единиц в динамике, беря в расчет связь языка с мышлением, познавательной активностью и практической деятельностью человека, что является наиболее актуальным на сегодняшний день.

2. Исследование лексической подсистемы языка

в когнитивном аспекте

Когнитивная лингвистика предложила принципиально новый подход к проблемам исследования языка и языковых явлений. Основная специфика данного подхода заключается в выдвигании на передний план когнитивной функции языка, поскольку, как отмечает А.А. Уфимцева, «главной отличительной чертой человеческого языка, прежде всего, является его познавательно-репрезентативная функция – свойство опосредованно

выражать, закреплять и хранить результаты социально-исторического опыта и познавательной деятельности его носителей» [Уфимцева 1986: 37] .

Н.Н. Болдырев выделяет следующие особенности когнитивной лингвистики, отличающей ее от традиционного подхода к изучению языка:

1. Междисциплинарный характер научного исследования, стирание жесткой границы между «внутренней» и «внешней» лингвистикой. Помимо исследования непосредственного устройства языка, в фокусе когнитивной лингвистики также оказываются данные, полученные в других отраслях науки, таких как психология, философия, логика, медицина, теория информации и др. Обособленное изучение языка вне связи его с процессами познания, работы мозга и т.д. не дает возможности понимания и объяснения того, как язык реализует свои основные функции, а также, каким образом формируются и реализуются те или иные значения.

2. Антропоцентрический характер организации языка. Человек не воспроизводит значения в готовом виде, а формирует их в процессе своей познавательной деятельности, и в процессе формирования языковых смыслов человек обращается к «любому фрагменту собственного опыта» [Болдырев 2004: 24]. Обращая внимание на антропоцентрический принцип организации языка, А.А. Уфимцева писала, что язык является объективным, поскольку выступает как средство общения между людьми, и социальным, как по своему назначению, так и по происхождению, т.к. является творением общества. Реальная жизнь языка происходит только через индивида, и «язык реально живет тогда, когда он присваивается говорящим субъектом» [Уфимцева 1986: 39]. Из этого следует важный вывод о том, что необходимо обращать внимание на обыденное знание, поскольку именно оно больше всего отражает обыденное использование языка.

3. Многоуровневый подход к семантике языковых единиц. Многоуровневая теория значения (когнитивная семантика) подразумевает «выход за пределы собственно языковых знаний, обращение к знаниям неязыкового, энциклопедического характера и определение рода этих знаний

в процессе формирования языковых значений и смысла высказывания» [Болдырев 2004: 24].

Для когнитивной лингвистики основополагающим является когнитивно-дискурсивный подход, поскольку любое языковое явление не может существовать вне общения, акта коммуникации, т.е. дискурса. Описывать любые языковые явления только по их статической роли, не учитывая, как то или иное языковое явление фигурирует в процессе коммуникации, не представляется возможным [Кубрякова 2004: 524].

Когнитивно-дискурсивный подход признает двумя главными функциями языка когнитивную и коммуникативную. Когнитивная составляющая данной парадигмы помогает анализировать информацию и стоящие за ней ментальные единицы и структуры, в то время как дискурсивная составляющая позволяет выявить способы представления информации адресату с помощью особого контекста коммуникативного акта. Описать явление с когнитивной точки зрения – значит охарактеризовать его роль в процессе познания мира, в фиксации структур знаний и опыта, а также в актах восприятия и осмыслений человеком окружающей среды. Описать явление с дискурсивной точки зрения означает проанализировать вербальное поведение людей, а также те задачи, которые решаются человеком по мере осуществления им речевых актов, разных по своим установкам и целям, по условиям их осуществления и т.д. [Кубрякова 2004: 519-520]. Так как когниция и коммуникация находятся в постоянном взаимодействии, то между ними достаточно сложно провести четкие границы. В когнитивно-дискурсивном подходе нет доминирования той или иной составляющей. Существует их относительное равноправие, и стоит изучать коммуникативную и когнитивную функции в постоянном взаимодействии и согласовании друг с другом. Дискурсивные явления можно рассматривать сквозь «призму тех психических (ментальных процессов), которые характеризуют бытие человека и которые служат познанию мира, а потому и связаны с их познавательной ценностью» [Кубрякова 2004: 229].

С позиции когнитивно-дискурсивного подхода представляется возможным дать наиболее полное и всестороннее описание объекту. Е.С. Кубрякова называет данное описание «интегральным». Это такое описание, в котором можно было бы учесть не только когнитивные, но и коммуникативные особенности существования объекта в системе языка [Кубрякова 2004: 520].

В процессе познавательной деятельности человека результаты познания и осмысления человеком окружающей действительности закрепляются в виде единиц знания – концептов (концептуализация) и происходит отнесение этих единиц знаний к определенным категориям (категоризация). Процессы концептуализации и категоризации имеют общие закономерности, которые находят свое отражение в языке в виде трех систем языковой концептуализации и категоризации: лексической, грамматической, и модусной (интерпретирующей) [Болдырев 2006, 2009, 2014а, 2016а, 2017]. Более подробно о процессах концептуализации и категоризации речь пойдет в следующих параграфах.

2.1. Концептуализация как основа формирования лексических категорий

Концептуализация, осмысление поступающей к человеку информации и образование в результате этого концептов в сознании человека, является одним из важнейших процессов познавательной деятельности человека [КСКТ: 93]. Такие когнитивные процессы, как категоризация, оценочная категоризация находятся в тесной взаимосвязи с процессом концептуализации, т.к. в основе и первого, и второго всегда лежит определенная концептуальная система. Как отмечает Л. Барсалоу, концептуальная система человека содержит в себе знания людей о мире. Концептуальная система включает в себя не целостные образы человеческого опыта, а отражает компоненты опыта, такие как знания об установках, объектах людях, действиях, событиях, психических состояниях, свойствах и

отношениях. Компонентное знание в концептуальной системе обеспечивает широкое разнообразие различных когнитивных операций, включая категоризацию, инференцию, репрезентацию пропозиций и продуктивное создание новых концептуализаций. В свою очередь, эти базовые операции поддерживают целый спектр сложных познавательных видов деятельности, таких как высокоуровневое восприятие, внимание, память, язык, мышление и социокультурное познание [Barsalou 2012: 239].

Концепт – это базовое понятие в когнитивной лингвистике. Лингвистами не раз предпринимались попытки сформулировать определение концепта. Так, под концептом в отечественной лингвистике понимают единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека, оперативную содержательную единицу памяти, смысл, «которым оперирует человек в процессах мышления, и которые отражают содержание опыта <... > и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» [КСКТ: 90; Болдырев 2001: 23; Болдырев 2014а: 39].

Р.И. Павилёнис считает, что концепт – это информация об актуальном или возможном положении вещей в мире [Павилёнис 1983: 101-102]. Л. Барсалоу понимает под концептом психологическую репрезентацию категорий человеком. При этом он разграничивает понятия «концепт» и «значение», считая, что значение – это понимание человеком слов и других языковых выражений [Barsalou, Yeh, Luka и др. 1993].

Дж. Лакофф и М. Джонсон полагают, что концепты влияют на нашу повседневную жизнь, структурируют наше ощущение, поведение по отношению к себе и другим людям [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. По мнению учёных, значимые концептуальные структуры формируются из двух источников: (1) из структурированной природы телесного и социального опыта и (2) от нашей врожденной способности образно проецировать из определенных хорошо структурированных аспектов телесного и интеракционного опыта в абстрактные концептуальные структуры [Lakoff

1998]. И поскольку, наше концептуальное понимание формируется опытом, мы также обладаем образно-схематическими концептами. Эти концепты имеют базовую логику, которая передает структуру когнитивным доменам, в которые они образно проецируются [Johnson 1987].

Н.Н. Болдырев в своих исследованиях выделяет следующие способы формирования концепта в сознании человека. Формирование концепта происходит на основе чувственного опыта, т.е. через восприятие человеком окружающего мира с помощью органов чувств (зрение, осязание, слух и т.д.). Концепт образуется в процессе предметно-практической деятельности человека (например: обращение с ножом, вилкой и другими предметами окружающей действительности), экспериментально-познавательной деятельности и научной деятельности (проведение различного рода научных экспериментов, изучение литературы, решение математических задач и т.д.) и мыслительной деятельности (на основе уже известных концептов человек приходит к собственным выводам и умозаключениям). Человек может также разъяснить другому человеку содержание концепта с помощью языка, жестов, условных знаков и других средств вербального и невербального общения. Формирование полноценного знания возможно не на основе лишь одного способа, а только при сочетании нескольких вышеперечисленных способов образования концепта. Так как восприятие мира происходит в виде целостных образов, то формирование концепта происходит сначала на предметно-образной, чувственной основе, а затем концепт усложняется за счет других видов познавательной деятельности человека [Болдырев 2014а: 40-41].

Содержание концепта познается посредством выявления его различных характеристик. Так, Л. Барсалоу считает, что концепты являются моделями для различных типов личностей в моделях мира; концепты зависимы от контекста и ограничены по масштабу ситуаций. Концепты могут быть контекстуально-независимыми, когда они репрезентируют образцы в изоляции, не беря в расчет типичные ситуации, в которых данные

экземпляры встречаются. Например, концепт «стул» можно считать концептуально-независимым, если он репрезентирует только физические параметры стульев, не учитывая место, где они располагаются. Также, Л. Барсалоу отмечает, что концепт нельзя назвать универсальной сущностью, поскольку он формируется человеком в определенной ситуации, и, как правило, не затрагивает все образцы универсально (например: все стулья мира одновременно) [Barsalou, Yeh, Luka и др. 1993].

Н.Н. Болдырев в своих работах выделяет две основные типологии концептов: структурную и содержательную. В рамках структурной типологии Н.Н. Болдырев подразделяет все единицы знания на концептуально-простые и концептуально-сложные. К первым он относит те единицы, содержание и структуру которых можно определить с помощью перечня простых характеристик. К таким относятся, например, конкретно-чувственный образ, схема, понятие, представление и т.д. Концепты второго типа являются сложными, многокомпонентными структурами стереотипного знания (пропозиция, фрейм, сценарий) и структуры категориального, многоаспектного и интегрированного знания (категория, когнитивная матрица и т.д.) [Болдырев 2014а, 2017].

Основанием для содержательной типологии концептов является подразделение единиц знаний по тематическим областям (языковые, диалектные, эмоциональные, сельскохозяйственные и др. концепты) и по области применения данных единиц. Ко вторым можно отнести научные, литературные, бытовые, индивидуально-авторские и др. концепты [Болдырев 2014а, 2017].

Познавательные процессы человека обладают неоднородностью, поэтому целью концептуализации является с одной стороны накопление знаний о мире и о человеке, за счет выявления характеристик той или иной сущности в процессе жизнедеятельности человека («стратегическая» цель), а с другой стороны выделение единиц знания с помощью языковых средств для их последующей передачи адресату в процессе коммуникации

(«тактическая» цель). В первом случае объектом концептуализации являются все знания о мире и их характеристика, а ее результатом – концепты как единицы коллективного знания. Во втором случае, объектом концептуализации служит конкретный предмет, живое существо, событие или явление, их отдельная характеристика и отношение к ним говорящего, а результатом этого процесса можно считать единицу индивидуального знания, т.е. концепт-смысл. Эти результаты в концептуальной системе человека представлены в виде двух типов знаний, которые представлены двумя типами концептов: тематическими и операционными. Данные концепты отражают два аспекта концептуальной системы человека: статический и динамический. Тематические концепты отражают коллективный опыт познания мира и являются основой формирования категорий. Операционные концепты представляют собой конкретные смыслы, которые передают различные способы и уровни схематизации накопленного опыта при помощи когнитивных и языковых механизмов [Болдырев 2014а, 2016а, 2017].

Исходя из трех главных функций языка - когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей – все единицы знания можно подразделить по выполняемой функции на репрезентирующие, семиотические и интерпретирующие концепты. Репрезентирующие концепты связаны с отражением коллективного опыта в языке. Семиотические концепты представляют собой индивидуальные смыслы, образующиеся в процессе коммуникации. Под интерпретирующими концептами понимается образование нового знания на основе интерпретации коллективного в рамках личной концептуальной системы человека [Болдырев 2014а, 2016а, 2017].

Н.Н. Болдырев отмечает, что концепты являются основой для формирования классов и категорий, поскольку они сводят воедино все разнообразие мысленных явлений и позволяют рассматривать предметы как составляющие одной категории [Болдырев 2014а, 2017]. Этот вывод является актуальным и для нашего исследования, объектом которого

являются единицы лексической категории «Млекопитающие». В связи с этим, представляется целесообразным рассмотреть более подробно концепт, составляющий основу формирования данной лексической категории, а также его характеристики.

Поскольку основой формирования категорий является концепт, то в нашей работе основополагающим концептом для образования лексической категории «Млекопитающие» является концепт МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ. Постоянные характеристики концепта в сознании носителей языка представляется возможным выделить при анализе словарных дефиниций:

Mammal(s) – warm-blooded animal that has hair or fur, produces milk, and bears live young [ODCE 2006: 549]; any animal of which the female feeds her young on milk from her own body. Most mammals give birth to live young, not eggs [CD]; any of a class (Mammalia) of warm-blooded higher vertebrates (such as placentals, marsupials, or monotremes) that nourish their young with milk secreted by mammary glands, have the skin usually more or less covered with hair, and include humans [Merriam-Webster];

Млекопитающее(ие) – класс высших позвоночных животных, выкармливающих детенышей своим молоком [Ожегов, Шведова 1997: 359]; класс высших позвоночных животных, самки которых вскармливают детенышей молоком [Ефремова 2000]; животные из высшего класса позвоночных, питающие детей своим молоком [Толковый словарь Ушакова].

Проанализировав словарные дефиниции, можно сделать вывод о том, что структуру концепта МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ составляют следующие характеристики: *теплокровность, наличие шерсти/меха, вскармливание детенышей собственным молоком, живорождение.*

Стоит также отметить, что в состав концепта МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ входят и характеристики, присущие животным в целом, такие как: *питание готовыми органическими соединениями, способность двигаться, а также наличие органов чувств (animal – 1. a living organism that can move about of its own accord and has specialized sense organs and nervous system; 2. a mammal, as*

opposed to a bird, reptile, fish or insect [ODCE 2006: 31]; 1. something that lives and moves but not a human, bird, fish, reptile or insect; 2. anything that lives and moves, including people, birds etc. [CD]; животное – 1. живой организм, существо, обладающее способностью двигаться и питающееся, в отличие от растений готовыми органическими соединениями. 2. Такое живое существо, в противоп. человеку [Ожегов, Шведова 1997: 194]; живое существо, способное чувствовать и передвигаться [Толковый словарь Ушакова]).

Выявление характеристик исследуемого концепта позволило обозначить его наиболее постоянные характеристики, закрепленные в языке. Данные характеристики служат основанием при формировании категории «Млекопитающие» и ее интерпретирующего потенциала. Однако ограничение только вышеперечисленными характеристиками является недостаточным, поскольку подвижность концептуальной системы человека приводит к появлению новых смыслов в процессе познавательной деятельности, что, в свою очередь, невозможно зафиксировать в словаре. Такие характеристики являются наиболее актуальными при моделировании интерпретирующего потенциала исследуемой лексической категории. О структуре и исследовании лексических категорий в рамках теории категоризации более подробно изложено в следующем параграфе.

2.2. Изучение лексических категорий в рамках теории категоризации

Одним из фундаментальных когнитивных видов деятельности является процесс категоризации. Согласно краткому словарю когнитивных терминов, «категория – это одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [КСКТ: 45]. В узком смысле под «категоризацией» понимается признание явления, объекта, процесса членом определенной категории, «подведение его под определенную рубрику опыта». В широком смысле категоризация представляет собой процесс образования и выделения самих категорий,

членение внешнего и внутреннего мира человека согласно характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление явлений путем их сведения к меньшему числу групп, объединений, разрядов, а также результат классификационной (таксономической) деятельности [КСКТ: 42]. Под категорией Э. Рош понимает совокупность объектов, которые являются эквивалентными [Rosch, Mervis, Gray и др. 1976: 383]. По мнению таких ученых, как Ф. Варела, Э. Рош и Э.Томпсон, категоризация представляет собой уникальность опыта, трансформированную в более ограниченные участки изученного, значимые категории, на которые реагируют люди и другие организмы [Varela, Thompson, Rosch 1993: 176].

В науке существуют различные подходы к явлению категоризации, в каждом из которых это явление, его основные принципы понимаются по-разному. Первый подход называется традиционным, или классическим, и восходит к воззрениям Платона и Аристотеля. В рамках данного подхода считается, что каждый член категории обладает набором обязательных признаков и, следовательно, все члены категории равнозначны, и категориальные границы являются строго очерченными. Предмет либо является членом категории, либо нет; промежуточные случаи исключаются [Болдырев 2001: 69-70].

В эпоху бихевиоризма в психологии категории рассматривались как произвольные, а задачи категоризации использовались в психологии только для изучения законов познания. Представители энактивизма, напротив, полагали, что хотя сознание и мир формируются во взаимодействии, характер их взаимодействия в каждой отдельной ситуации не является случайным, тем самым отрицая произвольный характер построения категорий [Varela, Thompson, Rosch 1993: 176-177].

Л. Витгенштейн, анализируя концепт Spiell, обратил внимание на то, что данная категория не имеет четких границ и строится на некотором подобии тех или иных характеристик. Один и тот же признак может присутствовать у одного члена категории и отсутствовать у другого, у

разных членов категории признаки встречаются в разном сочетании. Этот принцип формирования категорий Л. Витгенштейн назвал «семейным сходством». Л. Витгенштейн считал, что знание о таких категориях человек получает на основе образцов, однако о выборе наиболее показательных образцов он ничего не писал [Болдырев 2001: 83]. Такие наиболее яркие образцы, прототипы категории, были изучены в рамках третьего, прототипического подхода.

Возникновение прототипического подхода связывают с именем американского психолога Э. Рош, а также с более ранними исследованиями, проведенными Б. Берлин, П. Кэй, Р. Брауном. Основная идея прототипического подхода заключается в том, что категории образуются вокруг наиболее ярких, выделенных с психологической точки зрения представителей данной категории прототипов. Принадлежность объекта к категории определяется наличием у него общих с прототипом характеристик. Прототип является наиболее типичным, центральным элементом категории, выступает в роли эталона сравнения при отнесении других объектов к данной категории. С когнитивной точки зрения прототип понимается как «концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий её содержание» [Болдырев 2001; Rosch 1975; Berlin, Kay 1969; Brown 1990]. Отличительной особенностью прототипического подхода является признание наличия определенных двух уровней категоризации: горизонтального и вертикального. Горизонтальный аспект категоризации предполагает отнесение объекта к категориям одного уровня обобщения [Болдырев 2014а]. Вертикальный аспект категоризации предполагает наличие уровней категоризации относительно разного уровня абстракции: базового, суперординатного (вышестоящего), субординатного (нижестоящего). Ученые считают, что особое значение уделяется категориям базового уровня. Э.Рош в ходе проведения экспериментов выявила, что базовый уровень категоризации является наиболее содержательным, в котором члены категорий используются или взаимодействуют при выполнении одинаковых

моторных действий, имеют одинаковые воспринимаемые формы и могут отображаться, имеют одинаковые свойства, категоризуются детьми и имеют лингвистическое первенство в различных смыслах [Rosch, Mervis, Gray и др. 1976]. Например, если попросить человека, сидящего на стуле, назвать тот объект, на котором он сидит, он скорее скажет, что это «стул», а не «мебель» или «кресло». Базовый уровень категоризации является точкой, в которой познание и окружающая среда одновременно взаимодействуют [Varela, Thompson, Rosch 1993:177]. Данный уровень является психологически наиболее значимым, поскольку на нем располагаются прототипы. Это уровень максимального обобщения, восприятие, и категоризация объектов на нем происходят гештальтно. Именно к этому уровню часто относятся простые общеизвестные понятия, а репрезентирующие их языковые единицы составляют основу словарного запаса, легче усваиваются, часто используются в повседневном общении. По мнению Н.Н. Болдырева, названия категорий базового уровня часто выполняют функцию прототипов в процессе языковой репрезентации знаний [Болдырев 2006].

А. Вежбицкая в своих работах призывает не рассматривать две традиции как противоположные друг другу, и не преувеличивать значимость прототипического подхода, а, наоборот, использовать Аристотелевскую традицию и прототипический подход к организации категорий в синтезе, поскольку наличие прототипов в семантическом анализе не исключает наличие инвариантов. Она полагает, что прототип следует использовать «как специальный инструмент анализа, а не как универсальную гносеологическую отмычку» [Вежбицкая 1996: 202].

Помимо выше изложенных моделей категоризации Р. Лэнкером выделяется также модель, основанная на схематичности. Р. Лэнкер видит принципиальную разницу с прототипической моделью, поскольку прототип – это типичный образец категории, и другие элементы формируют категорию на основе сходства с прототипом, а схема – это интегрированная структура, олицетворяющая общность всех членов категории, которые являются

концепциями большей специфичности и детализации, конкретизирующими схему контрастными способами. Таким образом, в прототипической модели категоризации существуют уровни членства категории, которые основываются на уровнях сходства, в то время как в схематической модели принадлежность единиц к категории не определяется уровнями [Langacker 1987].

Как отмечает в своих работах Н.Н. Болдырев, концептуальное пространство, являясь многомерным, служит средством хранения и передачи знания двух типов: энциклопедического (неязыкового) знания о мире и его категориях, и собственно языкового знания, которое представляет собой знание о языковых значениях и категориях, что находит свое отражение в двух типах значений: лексических и грамматических. Лексические значения и связанные с ними группировки слов, исследуемые в нашей работе, отражают онтологию мира, т.е. представления о естественных объектах и категориях. Лексическая категоризация является языковым аналогом категоризации естественным объектам, поэтому в ней реализуется гносеологическая функция языка. Другими словами, объединение единиц по их лексическому значению носит искусственный характер, поскольку подобный принцип группирования языковых единиц не отражает естественной для языка категоризации. Поэтому, как пишет Н.Н. Болдырев, лексические категории не являются собственно языковыми, а являются аналоговыми по отношению к окружающему миру и имеют логическую структуру [Болдырев 2006: 10].

Структура лексических категорий строится по инвариантно-вариантному или логическому принципу, в то время как грамматические категории имеют прототипическую структуру. Выделение прототипа в лексических категориях осложняется тем, что прототип представляет наиболее типичный образец категории, обладающий наибольшим количеством характеристик по сравнению с другими представителями данной категории. Таким образом, лексический прототип представляет собой

языковой аналог прототипа категории естественных объектов, и, как, правило, не совпадает с инвариантным элементом лексической категории [Болдырев 2006: 10-11].

Между элементами одной или разных тематических групп выделяются различные типы отношений, что, в свою очередь, позволяет выявить многообразие межконцептуальных связей в сознании человека, но не в самой системе языка. Данные концептуальные связи становятся реальными, благодаря их объективации в различных языковых классификациях, и именно это отводит лексической категоризации важную роль в осмыслении мира и его концептуализации, что позволяет относить лексические категории к формам языкового сознания [Болдырев 2006: 11].

Лексические категории играют существенную роль при интерпретации окружающего мира, поскольку лексическая категоризация представляет собой отражение и интерпретацию концептуальной картины мира или другими словами, концептосферы языка, языковой картины мира. Являясь формой концептуализации мира, лексическая категоризация объективирует различные структуры знания о концептуальных областях, «представляя знания о мире как дискретные объединения элементов и их признаков». Специфика лексической категории заключается в том, что употребление слова из той или иной категории предполагает наличие определенной характеристики у предмета мысли [Болдырев 2006: 11-12].

Лексические категории являются средством проекции окружающего мира в сознании говорящих. Подобного рода проекция создает его идеальную, ментальную модель [Болдырев 2006: 14]. Такую модель Р. Джэкендофф называет проецированным миром («projected world», «experienced world», «phenomenal world»), разграничивая понятия реального, объективного мира и мира, сформированного человеком опытным путем. Каждый говорящий в речи отсылается к проецированному миру, а не к объективному, используя концептуальные структуры, которые могут быть спроецированы, как различного рода объекты [Jackendoff 1983: 28-30].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что такие процессы, как концептуализация и категоризация, являются основополагающими для когнитивной деятельности человека. Как отмечалось ранее, данные процессы находят свое отражение в модусной или интерпретирующей концептуализации и категоризации. О данном виде концептуализации и категоризации, а также о самой теории лингвистической интерпретации более подробно речь пойдет в следующем разделе.

3. Исследование лексических категорий в рамках теории лингвистической интерпретации

3.1. Понятие «интерпретации» и сущность интерпретирующей деятельности в сознании человека

Важнейшим этапом исследования в семантико-когнитивном направлении является интерпретация результатов лингвистического описания. Это связано с антропоцентрической сущностью языка, т.к. человек в процессе общения не воспроизводит в готовом виде языковые значения и формы, а формирует их заново в каждом акте общения. Это означает, что человек по-разному интерпретирует результаты своей познавательной деятельности, основываясь на предшествующем опыте как языкового взаимодействия с другими людьми, так и взаимодействия с окружающим миром в целом, которые представлены в его картине мира.

Исследуя проблему интерпретации, ученые пытались выяснить, какие условия являются обязательными для интерпретирующей деятельности в сознании человека. Так, А.Е. Бочкарев в своем исследовании пришел к выводу о том, что выделенные философом Дильтеем факторы понимания, являются необходимыми для интерпретации [Бочкарев 2009]. К таким факторам понимания относятся:

1. *Круговой характер мышления.* Принцип взаимосвязи целого и частей, единство каждой отдельной части: целое понимается исходя из частей, часть – исходя из целого [Шлейермахер 2004: 65].

2. *Предпосылки опыта.* Понимание совершается на основе данных опыта, т.к. жизнь предшествует познанию. Всякое понимание есть понимание чего-то через его отношение к предшествующему знанию. Предшествующий опыт является основанием вывода смысла, а понимание программируется или предвосхищается [Гадамер 1988: 318-319, 349, 436].

3. *Относительность всякого суждения.* Теория познания никогда не может быть чем-то дефинитивным. Всякое суждение уже содержит в себе понятия, которые предполагают определенное подразделение опытного материала, выделяемого посредством дизъюнкции [Дильтей 2000: 720].

А.Е. Бочкарев отмечает, что восприятие является относительным, а понимание является исторически подвижным процессом. Понимание является «предпониманием», а смысл текста выводится на основе уже имеющихся предрассудков. При этом глобальный смысл ускользает в силу исторического дистанцирования – расхождения «исторических горизонтов» [Бочкарев 2009].

Т.А. ван Дейк и В. Кинч обращают внимание на то, что интерпретация зависит от общих или эпизодических знаний о мире. Данные знания необходимо выявить, выборочно активировать и привести в действие. Интерпретация основывается на памяти (например, эпизодическая память говорящего), а также связана с типичной социальной ситуацией, типами взаимодействия и условиями речевого акта. Помимо знания при управлении процессом интерпретации необходимо учитывать мнения, установки, ценностные ориентации и эмоции, а также личные желания, цели, планы и интересы, которые оказывают воздействие на другие компоненты процесса понимания [ван Дейк, Кинч 1988: 173].

Исследуя проблему интерпретации в теории смысла, Р.И. Павлиёнис рассматривает ее как проблему понимания языкового выражения (и «текстов

мира» вообще) в рамках определенной концептуальной системы носителя языка, под которой он понимает «систему его мнений и знаний о мире, отражающих его познавательный опыт на доязыковом и языковом этапах и уровнях и несводимой к какой бы то ни было лингвистической сущности» [Павилёнис 1983: 12]. В качестве фундаментальных принципов интерпретации он выделяет последовательность и континуальность концептуальных систем. По его мнению, содержащиеся в системе концепты являются основой для введения в систему новых концептов. Р.И. Павилёнис пишет, что «усвоить некоторый смысл (концепт) - значит построить некоторую структуру, состоящую из имеющихся концептов в качестве *интерпретаторов*, или *анализаторов*, рассматриваемого концепта, «вводимого» <...> в таким образом конструируемую систему концептов, или концептуальную систему» [Павилёнис 1983: 102].

Л. Барсалоу утверждает, что интерпретация поддерживает такие когнитивные процессы как категоризация, порождение выводного знания, позволяя когнитивной системе выйти за пределы исходных данных восприятия. Интерпретация поддерживает формирование пропозиций, где пропозиция – это репрезентационная структура, которая связывает концепт (тип) с личностью (символ) в такой манере, что является истиной или ложью. Интерпретация продуктивна и обеспечивает конструирование сложных концептуальных репрезентаций из более легких. Чтобы достичь интерпретации, концептуальная система связывает конкретных лиц с восприятием знаний о компонентах опыта в памяти [Barsalou 2012: 240].

В.З. Демьянков в своих исследованиях обращает внимание на то, что понятие «интерпретация» широко используется в качестве обозначения того, что можно извлечь из рассматриваемого объекта, не совпадающее при этом с объектом буквально, т.е. нетождественно по форме или содержанию. Он разграничивает интерпретацию конкретную, при которой объект рассматривается на определенном фоне. К такому фону можно отнести конкретную ситуацию, в которой объект появляется, или контекст более

крупного высказывания, предшествующее высказывание того же автора и др. Абстрактная интерпретация, по мнению В.З. Демьянкова, осуществляется без привязки к подобному фону [Демьянков 1985].

А.Л. Шарандин понимает под интерпретацией «познавательный процесс, посредством которого в сознании человека формируется субъективная концептуализация объекта действительности, репрезентация которого находит свое отражение в том или ином виде интерпретационной семантики» [Шарандин 2017: 195]. Он полагает, что интерпретационная семантика актуализируется в семантической структуре слова, и данная семантика является объективной по своей природе и направлена на субъективное истолкование объекта интерпретации, что включает в себя знания о мире, человеке, а также о языке и знания о нем [Шарандин 2017: 195].

А.Л. Шарандин выделяет следующие аспекты использования понятия интерпретации, которые позволяют раскрыть его концептуальное содержание для понимания и описания научных явлений:

1. *Интерпретация является способом бытия самого человека.* Каждому субъекту присуще индивидуальное самосознание, так как объективный мир всегда субъективен в сознании человека. Это обуславливает индивидуальное восприятие предметов и явлений окружающей действительности, которое является «погруженным» в ряд таких же индивидуальных восприятий;

2. *Интерпретация является ментальным процессом* по своей природе и отражает в сознании результаты *познавательного процесса*, что способствует формированию субъективного восприятия мира и человека в нем;

3. *Интерпретация является одной из функций языка.* Для человека представляется важным осмыслить уже познанный вторичный мир с определенных позиций, т.е. путем интерпретации;

4. *Интерпретация является когнитивной способностью человека.* В процессе своей мыслительной деятельности человек приходит к формированию определенного знания, т.е. пониманию или интерпретации чего-либо;

5. *Интерпретация является одним из основных методов герменевтики.* Герменевтика, как наука, позволяет осмысливать и описывать различные аспекты понимания текста. Одним из способов познания в герменевтике является истолкование, которое является одним из видов интерпретации;

6. *Интерпретация входит в комплексную методологию разных наук (философии, психологии, лингвистики, теории познания и т.д.), что подчеркивает ее фундаментальный характер.* В связи со сменой научных парадигм с системоцентрической на антропоцентрической стало необходимо обращение к языковой личности и изучению ее текстовых способностей. Речемыслительная деятельность представляет собой нелинейный процесс креативной деятельности человека. Поэтому в данном случае интерпретация является системно необходимой частью объекта, а интерпретирующий фактор познания оказывается в центре внимания исследователей [Шарандин 2017: 185-189].

Таким образом, многие лингвисты не раз обращались к понятию интерпретации в своих работах, пытаясь объяснить его сущность, при этом подключая знания из других областей наук, таких как философия и психология. Восприятие человеком окружающего мира как психический процесс неоднократно исследовалось в психологии, а также в рамках психологического подхода к анализу языка. Поскольку интерпретация есть отражение человеком воспринятого знания, то полученные результаты представителями данных отраслей наук являются основополагающими при анализе и объяснении результатов интерпретирующей деятельности человека и будут рассмотрены далее в следующем параграфе нашей работы.

3.2. Психологический подход к исследованию проблем интерпретации в языке

Речемыслительная деятельность во многом связана с индивидуальными процессами в сознании человека, с явлениями его психики. Е.Г.Беляевская отмечает, что чувственное восприятие у животных и человека связано с процессами взаимодействия с окружающей их действительности. Отражательная способность мозга помогает фиксировать только то, что необходимо биологическому субъекту для обеспечения его жизнедеятельности. Таким образом, по мнению Е.Г. Беляевской «само восприятие человеком окружающей действительности является интерпретацией этой действительности» [Беляевская 2017: 83]. В качестве примера она приводит особенности восприятия цвета человеком. В мире важнее всего не само качество цвета, а те его качества, которые помогут человеку определить параметры перемещения объекта в пространстве, т.е. положение источника света, соотношение освещенного и неосвещенного. Аналогичная способность человека автоматически воспринимать или интерпретировать результаты перцепции также отображается в языке [Беляевская 2017: 83].

Лингвистические положения стали получать психологическое осмысление еще в работах В. фон Гумбольдта. Однако психологизм Гумбольдта носил более универсальный характер. Он основывался на концепции общечеловеческого разума, мышления, духа [Амирова 2005: 332].

Более детальное освещение проблемы связи языка и психики человека было представлено исследователями психологического направления в языкознании. Представители психологического направления утверждали, что язык должен рассматриваться, как особый механизм деятельности индивидуальной психики человека, либо как особое проявление психологии народа.

Исследователи в области психологизма в языкознании рассматривали и объясняли явления языка в связи с психологическими процессами человека, а

попытки объяснения интерпретации как психического процесса уже закладывались такими учеными, как Г. Штейнталь и А.А. Потебня.

Так, Г. Штейнталь определял язык как «выражение осознанных внутренних, психологических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков» [цит. по Звегинцев 1964:127]. Он считал, что языковой материал «состоит из представлений, и даже простые звуки, артикуляции, обуславливаются духовным началом; как таковые, они могут быть подвергнуты чисто психологическому наблюдению» [цит. по Звегинцев 1964:127]. Деятельность человеческого сознания Штейнталь определял законами ассимиляции, т.е. объединение тождественных или близких представлений, а также законами апперцепции (определение нового восприятия на основе уже существующих в сознании представлений), и законами ассоциации, т.е. установление связей различного рода между представлениями.

В своих исследованиях А.А. Потебня пришел к выводу, что мы познаем неизвестный нам предмет при помощи апперцепции. А.А. Потебня определяет апперцепцию как «участие известных масс представлений в образовании новых мыслей» [Потебня 1989:109]. Слово, по мнению А.А. Потебни, состоит из трех элементов: внешней формы, т. е. звука, внутренней формы и значения. Внутренняя форма слова является средством апперцепции, потому что она выражает общий признак между сравниваемыми, т. е. между вновь познаваемым и прежде познанным, предметами (предыдущий опыт). Внутренняя форма в качестве посредника представляет собой нечто третье между двумя сравниваемыми явлениями. Апперцепция есть то же самое, что суждение, поэтому внутренняя форма представляет собой выражение суждения. Другими словами, внутренняя форма – отношение содержания мысли к сознанию. Она показывает, как представляется человеку его собственная мысль [Потебня 1989].

Слово, являясь средством апперцепции, представляет собой именно выражение суждения и состоит из двух составляющих: образа и его

представления. Таким образом, внутренняя форма слова, которая выражает лишь один признак, имеет значение не сама по себе, а лишь как форма, чувственный образ которой входит в сознание. Внутренняя форма является символом, указывающим на многообразие чувственного образа, заключенного в познаваемом предмете, и вне суждения не имеет смысла. Чувственный образ воспринимается человеком в зависимости от его опыта, а слово является знаком, в который каждый вкладывает субъективное содержание, поэтому не может быть полного понимания, т.к. содержание, которое понимается под одним и тем же словом, у каждого человека различно. Внутренняя форма, по мнению А.А. Потебни, «есть не образ предмета, а образ образа, т. е. представление» [Потебня 1989:131]. Слово обобщает чувственное восприятие, выступая как средство создания единства чувственного образа. Кроме этого, она дает знание его общности. Таким образом, слово является средством познания действительности. Постепенное забвение внутренней формы превращает слово из обычного поэтического произведения в понятие [Потебня 1989].

А.Р. Лурия считал, что процесс порождения речевого высказывания состоит из восприятия готовой системы языковых кодов, которая в себя включает фонематическое, лексико-морфологическое и логико-грамматическое строение, этап расшифровки кода, этап понимания мысли и выделения смысла, лежащего за развернутым речевым сообщением, которого А.Р. Лурия называл «подтекстом». Таким образом, А.Р. Лурия в процессе декодирования речевого сообщения выделял две фазы, первая из которых связана с процессами расшифровки воспринимаемых кодов, а вторая – с процессами расшифровки глубинного смысла, который кроется за воспринимаемым сообщением [Лурия 1979: 291-292]. Н.Н. Болдырев полагает, что система оценки и глубинного смысла, выявленного А.Р. Лурией, является системой операций, связанной с интерпретацией мира и знаний о мире в языке [Болдырев 2016б: 12].

Исследователь в области когнитивной психологии Л. Барсалоу отмечает, что селективное внимание и интеграция памяти играют центральную роль в создании концептуальных знаний, лежащих в основе интерпретационной обработки. Когда селективное внимание фокусируется последовательно на некотором компоненте опыта, концептуальное знание об этом компоненте развивается. Каждый раз, когда происходит обращение к компоненту, извлеченная информация интегрируется с предшествующей информацией о том же компоненте в памяти. Если внимание фокусируется на участке зеленого цвета, к примеру, извлеченная информация сохраняется вместе с предыдущими воспоминаниями о *зеленом*, тем самым устанавливая концептуальное знание («conceptual knowledge») для этого компонента. Через некоторое время бесчисленное количество компонентов опыта аккумулирует воспоминания в схожей манере, включая объекты, события, место, время, интроспективные состояния, отношения, роли, свойства и т.д. Концептуальное знание об этих компонентах развивается и может быть использовано в дальнейшем для интерпретации областей восприятия и образов при более детальном описании [Barsalou 2012: 240].

Однако следует отметить тот факт, что интерпретация не ограничивается лишь восприятием, вниманием, памятью и другими психическими процессами, описанными в данном параграфе. Предыдущее знание и опыт человека, его ориентации и установки, полученные в результате его познавательной деятельности, являются не менее значимыми для интерпретации и вместе формируют картину мира человека. Поэтому понятие «картины мира» является ключевым при исследовании интерпретации, на котором нам бы хотелось остановиться в нашей работе подробнее.

3.3. Понятие и роль картины мира человека при исследовании проблем интерпретации

Одним из важнейших понятий для современной науки является понятие «картины мира». Это связано с актуальностью проблемы исследования языка во взаимоотношении с объективной действительностью и мышлением, что привело к акцентированию человеческого фактора, предполагающего исследование языковых феноменов в тесной связи с человеком, его мышлением и видами духовно-практической деятельности.

Под картиной мира в общем смысле понимается «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин 2010: 52]. Некоторые ученые акцентируют внимание на важности разграничения таких понятий как образ мира и картина мира. Так, А.Д. Палкин отмечает, что образ мира представляет собой сложную структуру, состоящую из множества картин мира. Он называет картины миры информационными блоками, отвечающие за принятие и обработку данных определенного рода. В своей совокупности эти блоки или картины мира формируют образ мира [Палкин 2009: 101].

Учеными выделяются следующие типы картин мира: непосредственная, когнитивная и опосредованная. Непосредственная картина возникает в результате прямого познания человеком окружающей действительности при помощи органов чувств и абстрактного мышления. В зависимости от того, каким способом данная картина мира была получена, поскольку в сознании одной и той же действительности она может быть разной (рациональная и чувственная, диалектическая и метафизическая, теоретическая, эмпирическая, научная, «наивная» и т.д.). Непосредственная картина мира является исторически обусловленной и тесно связана с мировоззрением человека. Она включает в себя содержательное знание о действительности, а также совокупность ментальных стереотипов, определяющих понимание и интерпретацию явлений окружающей

действительности. Картина мира, представляющая собой результат познания действительности, называется когнитивной. Под когнитивной картиной мира понимают «ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека или народа в целом и являющийся результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного рефлексивного отражения действительности в процессе мышления» [Попова, Стернин 2010: 52]. К опосредованной картине мира относятся языковая и художественная картины мира. Опосредованная картина мира – это «результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют существующую в сознании непосредственную картину мира» [Попова, Стернин 2010: 53].

Обращение исследователей к понятию языковой картины мира произошло в результате попыток понять, как человек интерпретирует мир. А.Л. Шарандин отмечает, что бытие мира и человека осознается посредством языка, поэтому и сам язык представляет собой бытие, которое озыковляет мир и представляет его в сознании человека в форме языковой картины мира, где особую роль играет интерпретация [Шарандин 2017: 187]. Г.В. Колшанский называет языковую картину мира «вторичным идеальным миром в языковой плоти» [Колшанский 1990]. Языковая картина мира – это «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Попова, Стернин 2010: 54]. Ю.Д. Апресян называл языковую картину мира «коллективной философией», поскольку каждый язык представляет собой «определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира». По мнению учёного, именно данная «коллективная философия» является обязательной для носителя языка [Апресян 1995б: 38-39]. Языковую картину мира можно

понимать и как «определенный способ мировидения», и как «языковое членение и понимание мира» [Апресян 2006: 35; Кронгауз 2005: 85]. Следует отличать языковую картину мира от национальной, т.к. она является ограниченной и «наивной» и не передает все, что заложено в национальном сознании.

Исследуя когнитивные основания языковой номинации, Е.С. Кубрякова подчеркивает когнитивный характер этой ментальной сущности. Она полагает, что при интерпретации языковой картины мира как наивной модели знания человека мы понимаем, как человек воспринимает окружающий мир, как менялись его представления и оценки, в какие виды деятельности он был вовлечен, и как изменялись его представления о мире. Исследование специфики картины мира позволяет вывести некоторые «общие положения о понимании человеком главных бытийных категорий, особенностей мироздания, закономерностей устройства мира, как в физическом аспекте человеческого бытия, так и в его социальной организации и во всей свойственной человеку системе его ценностей и нравственных, морально-этических оценок» [Кубрякова 2004: 336-337]. Другими словами языковая картина мира человека является способом его миропонимания, т.к. «язык – отнюдь не простое зеркало мира, а потому фиксирует не только воспринятое, но и осмысленное, осознанное, интерпретированное человеком» [Кубрякова 2004: 95].

По мнению Н.Н. Болдырева, в языковой картине мира, а именно в ее структуре и особенностях передачи языкового опыта человека при взаимодействии с окружающей действительностью, а также освоения знаний об этом мире, представлен в полной мере интерпретирующий характер языка. Это связано с тем, что элементы языковой картины мира не отражают сам мир, а передают то, как видит этот мир, его структуру, явления и объекты сам человек. Человек конструирует окружающий мир в своем сознании, структурирует и переструктурирует полученные знания, что приводит к порождению новых смыслов и репрезентации объектов и явлений

действительности на основе выбора определенных языковых средств, что обусловлено антропоцентрической природой языка. Н.Н. Болдырев, таким образом, полагает, что «языковая картина мира – это определенная его интерпретация и интерпретация знаний о мире в сознании человека» [Болдырев 2014б: 120; 2017: 25].

Языковая картина мира позволяет как интерпретировать объекты и события в плане их реального восприятия человеком, так и реализовывать творческую функцию сознания (создание и описание нереальных миров), т.е. творчески интерпретировать мир (философски, прозаически, поэтически и т.д.). В результате используемых доминантов и метаконцептов вместе со средствами их репрезентации образуются специфические области языковой картины мира, и на их основании выделяются такие частные разновидности языковой картины мира, как философская, мифологическая, поэтическая, сатирическая и другие картины мира. В таких языковых картинах мира на первый план выходят авторские интерпретации и концепты, а не объективные характеристики явлений окружающей действительности [Болдырев 2017: 28].

Таким образом, человек понимает мир не только посредством органов чувств. Значительную роль играют субъективные результаты интерпретации человеком воспринятого знания, которые человек отражает в языке. В связи с этим в лингвистике была сформирована особая теория, объясняющая, каким образом интерпретация человеком полученного знания отображается в языке. Процесс интерпретации человеком окружающего мира наиболее обстоятельно излагается в теории лингвистической интерпретации, о которой более подробно пойдет речь в следующем параграфе.

3.4. Общие положения теории лингвистической интерпретации

Язык выступает как один из факторов познания человеком окружающей действительности. При этом в речи при формировании смысла высказывания человек не использует только готовые модели, а выбирает

средства выражения каждый раз заново, т.е. выбирает объект концептуализации и категоризации, а также средство его репрезентации, опираясь на собственный опыт, свою личную картину мира, или другими словами, по-своему интерпретирует явления окружающей его действительности. Таким образом, обнаруживается связь языковых значений с концептуальной системой определенного человека, поэтому, как отмечает Н.Н. Болдырев, эта связь имеет причинный характер, т.к. языковое сознание не является отдельным модулем, а «интегрировано в когнитивную систему человека и сопровождает разные виды его взаимодействия с миром, разные виды его деятельности» [Болдырев 2016б: 11]. В связи с этим, Н.Н. Болдырев приходит к выводу о том, что язык помимо своей функции хранения и передачи информации выполняет также интерпретирующую функцию, и отмечает ее как третью главную функцию языка [Болдырев 2014а, 2016а, 2016б, 2017].

По мнению Е.Г. Беляевской, реализация интерпретирующей функции происходит из нескольких источников. Первый источник – это географические (общие физические) параметры пространства, к которым принадлежит социум, говорящий на данном языке. Ко второму источнику она относит мифопоэтический компонент культуры, т.к. в разных культурах одно и то же явление воспринимается по-разному (змея как символ мудрости и богатства и как символ предательства). Третьим источником интерпретации знаний о мире в языке являются религиозные верования и установки, которые диктуют определенные моральные устои, нормы и формы поведения. Четвертым источником интерпретации считается влияние научного знания на категоризацию явлений окружающей действительности, т.к. категоризация в рамках бытового сознания опирается на внешние признаки и наблюдение, в то время как научное знание может менять границы предметной категории (например: кит – рыба (бытовое сознание), кит – млекопитающее (научное знание)). К пятому источнику Е.Г. Беляевская относит систему социальных отношений, сложившихся в обществе. Вместе

со знанием о социальном устройстве общества в языковую систему приходит большое количество терминов, которые воспринимаются обыденно в связи с их частотным употреблением, но они также являются результатом интерпретации окружающей действительности [Беляевская 2017: 83-86].

Под языковой интерпретацией Н.Н. Болдырев понимает, «познавательную активность, которая в своих результатах направлена на понимание и объяснение человеком мира и себя в этом мире», т.е. данная активность представляет собой проекцию мира «в коллективно-языковое или индивидуально-языковое сознание человека» [Болдырев 2011: 11]. Он выделяет при этом две основные характеристики интерпретации: 1) интерпретация связана с когницией и опирается на типизированные схемы знаний: фреймы, скрипты, когнитивные модели; 2) интерпретация субъективна, т.к. зависит от индивидуальной концептуальной системы человека [Болдырев 2011, 2014а, 2015, 2016б]. Как отмечает Е.С. Кубрякова, знания, хранящиеся в нашей памяти, помогают нам интерпретировать новые, т.е. динамически использовать имеющиеся у нас структуры знания, опыта и оценок мира для осмысления текущей деятельности [Кубрякова 2004: 358].

Языковая интерпретация подразделяется Н.Н. Болдыревым на первичную и вторичную интерпретацию. Первый тип представляет собой коллективные знания о мире, которое, в свою очередь, выполняют функцию «коллективных когнитивных схем восприятия мира и основы дальнейшей интерпретации знаний о нем» [Болдырев 2017: 26]. Первичную интерпретацию также можно назвать объективной, в то время как вторичная интерпретация индивидуальна, и «представляет собой интерпретацию коллективных знаний и коллективных схем в индивидуальной концептуальной системе конкретного человека» [Болдырев 2017: 29].

Объектом языковой интерпретации может служить окружающий мир. В данном случае интерпретация служит для отражения всего многообразия объектов, событий окружающей действительности, а также того, как воспринимает их социум или отдельный человек. Также объектом

интерпретации могут выступать вербализованные знания о мире. В этом случае интерпретация направлена на уточнение уже имеющихся знаний, их классификации, оценки в рамках индивидуальной системы человека.

В речи говорящий придает высказыванию определенный смысл, связанный с личной оценкой и интерпретацией полученного знания. Поэтому ученые считают, что лексические и грамматические категории не могут охватить всей полноты концептуального содержания, выражаемого в языке. В связи с этим, Н.Н. Болдыревым выделяется отдельная система языковой концептуализации и категоризации, связанная с реализацией интерпретирующей функции языка, которую он называет «модусной». По его мнению, модусные или интерпретирующие концепты и категории дают возможность различной интерпретации человеком концептуального содержания и формирования индивидуальных смыслов. Модусная концептуализация и категоризация выступает как «одна из форм языкового сознания, в которой человек воспринимает и интерпретирует мир» [Болдырев 2017: 40]. Н.Н. Болдырев отмечает, что главной особенностью модусных концептов и категорий является их функциональный статус, поскольку до формирования модусной категории происходит концептуализация функции языковых объектов, а не их характеристик, что приводит к образованию модусного концепта в сознании человека. Н.Н. Болдыревым выделяются три основные характеристики модусных концептов и категорий: внутриязыковая природа, вторичный статус и инферентность. Внутриязыковая природа определяется семиотическими процессами, которые лежат в основе их формирования. Вторичность предполагает зависимость от первичного знания, которое подвергается интерпретации. Вторичный статус непосредственно связан с оценочным характером интерпретации исходного концепта по отношению к другой концептуальной области. Зависимый характер модусных категорий проявляется в двух аспектах – структурном и содержательном. Структурная зависимость проявляется на уровне организации самих категорий. Модусная категория может полностью

перенимать структуру той категории, знание которой она интерпретирует (денотативно-обусловленная зависимость), либо повторять структуру грамматической категории (лингвистически обусловленная зависимость). Данная категория ориентирована на определенную грамматическую функцию или структуру лексической категории, на основе которой развивается интерпретирующая функция (например, категория оценочных слов может строиться по прототипическому принципу). Что касается содержательной соотнесенности, то она связана с тем, что модусная категория характеризуется содержательной неопределенностью того модусного концепта, который лежит в основе данной категории, что предполагает различное осмысление суждений. Структурная и содержательная соотнесенность модусных концептов и категорий с первичным знанием требует выводного знания для формирования определенного смысла, т.е. модусные концепты и категории характеризуются инферентностью [Болдырев 2017].

Сознание человека и его язык всегда структурированы особым образом. При этом язык интерпретирует полученные знания и сам мир во всем многообразии объектов и событий. Поэтому языковая интерпретация так же обладает особой структурированностью и связанностью со структурой сознания, что проявляется в трех ее разных типах, которые реализуют ее три главных функции: селекции, классификации и оценки [Болдырев 2011, 2016а, 2017].

Под селективным типом языковой интерпретации Н.Н. Болдырев понимает выражение способов концептуализации окружающего мира, а также структуры мира, личности и видов деятельности человека. Таким образом, данный тип проявляется в языковых обозначениях соответствующих концептов и в многообразии лексических категорий. Классифицирующий тип приводит к формированию внутреннего мира человека в результате вербальной рефлексии о переживаемых событиях и предполагает классификацию объектов, формирование абстрактных понятий

и имен для создаваемых классификаций, для обозначения ментальных действий и состояний, чувств, эмоций. Оценочная интерпретация предполагает оценочную концептуализацию и категоризацию, которая выражается в схематизации опыта в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей, на основе норм, принятых в рамках той или иной культуры как проявления общественного и индивидуального сознания [Болдырев 2011, 2016а, 2017].

Е.Г. Беляевская выделяет системно-структурный тип интерпретации, т.к. в результате первичной и вторичной интерпретации формируется концептуальная картина мира некоторого общества, а язык закрепляет ту интерпретацию мира, которая сложилась в данном сообществе. Таким образом, происходит формирование языковой системы и структуры. Также, ею выделяется дискурсный тип интерпретации как выражения авторского отношения к происходящему в процессе речевой деятельности, приводящей к формированию текста [Беляевская 2017: 87].

Информация, полученная извне в языковой форме, должна быть структурирована по особому принципу, чтобы стать частью нашего сознания и его структуры, т.е. когнитивная система человека должна форматировать поступающую информацию. В связи с этим, Н.Н. Болдыревым выделяются два основных типа когнитивных схем языковой интерпретации мира и знаний о мире: общие (коллективные или конвенциональные), а также частные (индивидуальные или субъективные). Первые связаны со структурированием языка и сознания и имеют универсальный характер. Это те концепты, категории и пропозиции, которые формируют концептуальную систему человека как представителя определенной культуры и социума. Эти схемы непосредственно влияют на формирование языковой картины мира человека и его дискурсивную деятельность. Сюда относятся общие когнитивные и языковые механизмы формирования смысла. Вторые, частные схемы, передают индивидуальный способ структурирования информации и

дискурса человеком. Они передают структурные особенности индивидуальных концептуальных систем [Болдырев 2016б].

Как общие схемы языковой интерпретации концепты, категории и пропозиции способствуют образованию индивидуальных концептуальных систем человека, передавая его опыт взаимодействия с окружающей средой. В сознании человека концепты и категории представлены в виде концептуально-тематических областей. Их структура представляет собой когнитивные контексты при формировании смыслов и их понимания, т.е. она также выполняет функцию когнитивных схем интерпретации [Болдырев 2016б].

Различные способы языковой интерпретации можно свести к трем основным моделям: языковая модель интерпретации физического мира, языковая модель интерпретации общества и языковая модель интерпретации знаний о мире и обществе. Первая модель передает все многообразие физического мира. Вместе с этими моделями человек осваивает окружающий мир, его структуру и компоненты, а также их взаимосвязи: *солнце – красное, снег – белый, человек сидит, стоит, лежит и т.д.* Источниками таких моделей выступает художественная, научная, научно-популярная литература, а также инструкции и описания видов деятельности и свойств объектов. Языковые модели интерпретации общества связаны с социализацией человека и представлены в лексических категориях, объединяющих языковые единицы профессиональной области, такие как *ректор, директор, декан, командовать, управлять, руководить*, а также средства концептуализации цели и результатов, мотивирующие социальную деятельность человека: *ученая степень, звание, награда, всеобщее признание*. Языковые модели интерпретации знаний о мире и обществе направлены на получение вторичного знания на основе классификации и оценки полученных знаний о мире. Сюда относятся различные грамматические схемы интерпретации знаний о мире, такие как грамматические и лексико-грамматические категории частей речи,

морфологические категории, синтаксические модели предложения, словообразовательные модели и т.д., а также оценочные модели интерпретации знаний о мире и обществе, которые предполагают определенный способ структурирования знания относительно оценочных концептов и категорий. Данную функцию выполняют фразеологические единицы, пословицы поговорки, прецедентные высказывания, слова соответствующей семантики [Болдырев 2016б].

Интерпретирующая категоризация представляет собой суть вторичных явлений в языке и речи, в частности, переносных значений у лексических единиц, что в общем плане обеспечивается работой когнитивных механизмов. К основополагающим когнитивным механизмам, участвующим в формировании интерпретирующих значений у лексических единиц можно отнести метафору, метонимию, метафтонимию, сравнение, профилирование, а также процессы генерализации и конкретизации. Более подробно о работе выше перечисленных когнитивных механизмов нам бы хотелось остановиться далее.

3.5. Когнитивные механизмы формирования интерпретирующих значений

Метафора и метонимия в современной лингвистике рассматриваются как основополагающие формы концептуализации, когнитивные процессы, детерминирующие формирование новых понятий и получение нового знания. Метафора и метонимия выступают в качестве когнитивных моделей структурирования ментальных пространств, составляющих среду концептуализации и мышления. Они позволяют понимать одну область опыта в терминах другой.

По мнению Дж. Лакоффа, метафоры позволяют понимать абстрактные явления в более конкретных терминах [Lakoff 1993]. В наших повседневных выводах главную позицию занимают не такие формальные процедуры, как индукция и дедукция, а аналогия. Основу аналогии составляет перенос из

одной содержательной области в другую, поэтому, по словам Дж. Лакоффа, метафора является языковым отражением важнейших аналоговых процессов [Lackoff 1990]. Перенос знаний, в свою очередь, происходит на основе ассоциаций, которые представляют собой «связь, образующуюся при определенных условиях между двумя и более психическими образованиями, такими как ощущение, двигательные системы, восприятия, представления, идеи» [БСЭ 1970: 331].

В основе теории когнитивной метафоры лежит тезис о том, что базовыми для процессов метафоризации являются процедуры обработки таких структур знаний, как фреймы и сценарии. По словам Дж. Лакоффа и М. Джонсона, большая часть обыденной концептуальной системы метафорична, и метафоры позволяют структурировать наше восприятие, мышление и деятельность [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. Метафорические выражения в языке системно соотнесены с метафорическими концептами, поэтому они используются для понимания и изучения метафорической природы деятельности человека и самих метафорических концептов. Метафоризация базируется на взаимодействии двух структур знаний – когнитивные структуры «источника» (source domain) и когнитивные структуры «цели» (target domain). В процессе метафоризации происходит так называемая «метафорическая проекция» (**metaphorical mapping**) или «когнитивное отображение» (**cognitive mapping**), то есть структурирование области цели по образцу источника, что проявляется на уровне семантики предложения и текста в виде метафорических следствий. Область источника является более конкретным знанием, полученным в процессе взаимодействия человека с окружающей действительностью, в то время как область цели представляет собой более абстрактное знание. Область источника структурирована в виде «схем образов» (**image schemas**), куда входят такие категории, как «вместилище», «путь», «баланс», «вверх-вниз», «перед-зад», «часть-целое». В примере «народ/общество [цель] – это стадо [источник]» на первый план выходит идея о несамостоятельности и пассивности, которая

является частью фрейма «стадо». Исходя из общих знаний, нам становится известно, что стадо управляется пастухом. Предположение о частичном воспроизведении структуры источника в структуре цели называют «гипотезой инвариантности» [Lakoff 1990; Лакофф, Джонсон 2004].

М. Джонсон утверждает, что образные схемы берут начало от телесного опыта, могут быть определены в терминах конкретных структурных элементов, обладают базовой логикой и в процессе метафорической проекции передают структуру широкому разнообразию когнитивных доменов. Например, схема «контейнер» включает в себя такие структурные элементы, как «внутренняя сторона, граница, внешняя сторона», ее базовая логика – это «внутри или снаружи», а ее метафорическая проекция предоставляет структуру концептуализации нашего поля зрения (вещи входят и уходят из нашего вида), личных взаимоотношений (человек вступает в отношения и заканчивает их), логических установок (установки включают их членов) и т.д. По мнению М. Джонсона, образные схемы образуются из конкретных базовых форм сенсомоторных видов деятельности и взаимодействий, и это дает прекоцептуальную структуру нашему опыту [Johnson 1987].

Метафоры могут позволить сфокусировать внимание на каком-то одном аспекте понятия, но и также «затемнить» другие его стороны, которые с ней не совместимы. В процессе метафорической проекции происходит высвечивание отдельных свойств источника в области цели, которое часто называют «профилированием» [Лакофф, Джонсон 2004: 9].

По мнению Л. Барсалоу, в основе большинства значений многих метафорических выражений лежит прямой опыт, и полное понимание той или иной метафоры требует опытного знания актуальной ситуации, а знание метафорически соотнесенного домена не является достаточным. В качестве примера он приводит метафору «to blow one's stack», использованную Дж. Лакоффом в своих работах, и утверждает, что для полного понимания значения данного выражения человеку необходимо обладать конкретным

знанием об интроспективных состояниях, ассоциирующихся с яростью, так же, как и об особенностях поведения, исходных ситуациях и т.д. Поэтому, по его мнению, метафорический уровень может играть центральную роль в значении, хотя он обычно сопровождает референтные события и общие ситуации, которые основаны на непосредственном опыте [Barsalou, Yeh, Luka и др. 1993].

Устойчивое соответствие между областью источника и областью цели, которое зафиксировано в языковой и культурной традиции того или иного общества, называют «концептуальной метафорой». Концептуальные метафоры могут образовывать структуры более глобального уровня, которые представляют собой чисто психологические и когнитивные категории. Такие согласованные концептуальные структуры называются «когнитивными моделями» [Laskoff 1987, 1990; Лакофф, Джонсон 2004]. Концептуальная метафора способствует познанию сложных структур и областей предметного мира, поскольку результаты повседневной деятельности «фиксируются в общем фонде знаний человека посредством репрезентации в виде слов естественного языка и речевых произведений» [Беляевская 2017: 136]. Концептуальная метафора является инструментом представления знания в языке. Е.Г. Беляевская выделяет ряд свойств, присущих концептуальной метафоре. Во-первых, метафорические концепты могут определенным образом комбинироваться между собой, образуя при этом метафорические картины (metaphoric mappings). Например, концептуальная метафора «жизнь – это дорога» совмещает в себе представление о трудностях и препятствиях, встречающихся на жизненном пути, социальном статусе (повышение или его понижение), а также представление о времени. Во-вторых, Е.Г. Беляевской отмечается диахронический аспект функционирования метафорических концептов. Она полагает, что сами метафорические концепты обладают исторической изменчивостью, и исходные метафорические концепты, принадлежащие определенной тематической области, с течением времени могут уступать место группам

метафорических концептов, отражающих совсем другую тематическую область (например: «time is a gift of the god» (время – божий дар) – отражение христианского восприятия времени, и «time is a resource» (время – ресурс) – отражение экономического представления о времени) [Беляевская 2017: 138-139].

Другим когнитивным механизмом, участвующим в формировании интерпретирующих значений, является метонимия. Метонимические отношения основываются на замещении одной сущности другой. Метонимия позволяет сконцентрироваться на определенной стороне того, что ей обозначается. В работах Е.С. Кубряковой метонимия рассматривается как важнейший когнитивный принцип, на основе которого формируются познавательные категории человеческой ментальности и собственно грамматические категории. Согласно этому принципу, тот или иной аспект явления действительности, та или иная его часть может представлять целое, а наименование отдельной части явления может служить именем для целого [Кубрякова 1999: 7]. Например, части растения отражены в листе, корне, семени. Отличие метонимии от метафоры заключается в том, что функция метафоры стоит в обеспечении понимания, в то время как метонимия также обладает и референциальной функцией. В. Иванс и М. Грин в своей работе отмечают, что метонимия часто зависит от контекста. В специфическом дискурсе стимулирующий источник активизируется и, тем самым, выделяет конкретную цель. В то время как метафоры, основанные на соотношении (в отличие от сходства), являются предконцептуальными по своему происхождению, поэтому в некотором смысле представляют собой неизбежные ассоциации (мотивированные характером телесной природы и окружающей среды), концептуальные метонимии мотивированы коммуникативными и референтными условиями [Evans, Green 2006]. Метонимические концепты являются частью обыденного мышления, способов речи и поведения. Метонимия базируется, как правило, на физических и причинных ассоциациях, логико-психологическим основанием

которых являются ассоциации на основе смежности (contiguity). Они получают рассмотрение в рамках идеализированных когнитивных моделей (idealized cognitive models – ИКМ) [Lakoff 1987; Лакофф 2004]. Метонимия – это познавательный процесс, в котором одна концептуальная сущность, источник, обеспечивает ментальный доступ другой концептуальной сущности, цели, в пределах одной области или идеализированной когнитивной модели [Kövecses, Radden 1999: 39]. Метонимия служит точкой доступа к определенному аспекту домена, и таким образом, обеспечивает доступ к целевому концепту. Более того, каждый источник обеспечивает разный путь в соответствующую концептуальную область [Evans, Green 2006]. Согласно У. Крофту, цель имеет доступ в пределах домена в результате процесса выделения. Ученый берет за отправную точку энциклопедический взгляд на смысл и перенимает теорию доменов Лэнекера, в которой утверждается, что понятие профиля рассматривается относительно доменной матрицы: диапазон доменов, которые способствуют нашему окончательному пониманию понятия [Langacker 1987]. Это объясняет тот факт, что элементы лексики относятся к потенциально огромным структурам знаний. У. Крофт полагает, что с точки зрения энциклопедической семантики, функционирование метонимии заключается в выделении одного домена в пределах доменной матрицы концепта. Таким образом, конкретное использование лексического концепта может выделять отдельные домены внутри доменной матрицы концепта в различных случаях [Croft 1993].

Метафора и метонимия могут находиться во взаимодействии, на что в своих работах обращал внимание Л. Гуссенс. Он назвал такой феномен **метафтонимией** и выявил два возможных логических варианта взаимодействия метафоры и метонимии. Первый он называл «**метафорой из метонимии**». Так, в прилагательном «close-lipped» в значении «silent» (молчаливый) метафорическая интерпретация имеет метонимическую основу, т.к. только сомкнутые губы могут означать молчание, поэтому метафорическое прочтение возможно. Второй тип взаимодействия

подразумевает «**метонимию в метафоре**». Например, в предложении «*She caught the Prime Minister's ear and persuaded him to accept her plan*» внимание метафорически представляется как «*движущаяся физическая сущность*», которую необходимо «поймать» (*the minister's ear*). Однако вместе с метафорой в данном примере также присутствует метонимия «*ear for attention*», в которой «*ear*» (*ухо*) – это часть тела, которая функционирует как источник для концепта «ATTENTION» (ВНИМАНИЕ) в метафоре. Поэтому в данном примере метонимия находится «внутри» метафоры [Goossens 1990].

Альтернативой теории, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, является теория концептуальной интеграции. Она возникла в результате объединения теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и теории ментальных пространств Ж. Фоконье. Основатели теории Ж. Фоконье и М. Тернер полагали, что двухдоменная модель Дж. Лакоффа и М. Джонсона является ограниченной, поскольку метафоризация не исчерпывается проекцией из сферы источника в сферу цель, а включает в себя сложные динамические интеграционные процессы, образующие смешанные ментальные пространства, которые в самом процессе концептуальной интеграции выстраивают структуру значения. Ментальное пространство – это не абстрактный домен, а сценарий конкретной ситуации. Такое пространство связано с концептуальной областью или несколькими областями и является временным хранилищем информации о той или иной концептуальной области. Важным понятием для данной теории является также понятие сети концептуальной интеграции, которая включает в себя несколько совмещающихся ментальных пространств (input space 1, input space 2), общего/родового пространства (generic space), интегрированного или гибридного пространства (blending space), а также отношений/связей между ними. Ментальные пространства опираются на фоновые знания, однако не заложены в нашем сознании в виде готовых структур, а формируются заново в ходе дискурсивной деятельности человека. Интегрированное пространство создается в результате проекций

между ментальными пространствами. Оно приобретает собственную структуру, отличную от исходных ментальных пространств [Fauconnier, Turner 1994, 1998, 2002].

Метафора и метонимия как фундаментальные механизмы концептуализации обеспечивают работу интерпретирующей функции языкового сознания в процессе образования вторичных языковых значений. Как отмечает Л.А. Панасенко, метафорический и метонимический механизмы обеспечивают взаимодействие ментальных пространств, содержание которых в определенных конфигурациях проецируется в единое операциональное пространство, генерирующее речевой смысл [Панасенко 2014: 67].

Одним из наиболее важных когнитивных механизмов, участвующих в процессе формирования интерпретирующих значений также является сравнение. Согласно словарю лингвистических терминов О.С. Ахмановой, под сравнением понимается «фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым» [Ахманова 1969: 450]. По мнению В.А. Масловой, сравнения служат в языке для иллюстрации сложных идей и являются способом более широкого видения мира. Она отмечает сходство сравнений с метафорами, поскольку исключение компаративной связки и предикатива из сравнения является прямым способом образования метафоры в языке [Маслова 2001]. Л.А. Панасенко полагает, что при образовании вторичных значений с помощью когнитивного механизма сравнения, в отличие от метафоры, межконцептуальные связи устанавливаются на основе пары/пар признаков, которые получают специальную выделенность на концептуальном фоне интерпретирующего и интерпретируемого объектов со стороны говорящего. Данные пары признаков проецируются в единое концептуальное пространство, что приводит к выделению определенного профиля интерпретации как результата индивидуальной концептуализации фрагмента действительности. Сходство когнитивного механизма сравнения с метафорой

заключается в том, что сравнение, как и метафора, базируется на активизации как интерпретирующей, так и интерпретируемой областей как взаимодействующих структур знания [Панасенко 2014: 95]. Г.Л. Денисова в своем исследовании выделяет следующие составляющие механизма сравнения: «тема» – представление о сравниваемом, «модуль» – представление о признаке, которое является основанием сравнения, а также «эталон» – представление о том, с чем сравнивают. Сравнение, по ее мнению, представляет собой оперирование концептами разной степени абстракции, в процессе которого возможна активизация темы и эталона в форматах целостных ментальных репрезентаций, конкретно-чувственных образов, представлений, прототипов и понятий [Денисова 2009, 2013]. В.Б. Гольдберг, исследуя образное сравнение, отмечает, что оно представляет собой когнитивную модель, которая включает в себя несколько когнитивных механизмов, активизирующихся в процессе познания. Второй аргумент события в образном сравнении репрезентирует фоновый концепт и является ориентиром в ходе познания объекта или события, репрезентированного первым аргументом. Опора на фоновое знание представляет собой сложный механизм, который реализуется за счет целого ряда подчиненных когнитивных механизмов, к которым В.Б. Гольдберг относит концептуальное обогащение интерпретируемого события (т.е. выявление элементов фрейма, которые профилируются и проецируются на интерпретируемое событие), компаративная категоризация (включение интерпретируемого объекта в систему фонового знания, т.е. ассоциирование с ранее известной категорией), достраивание пропозиции (для того, чтобы выявить полную структуру события, необходимо обратиться к пропозиции, т.к. в опорном элементе не всегда открыто выражены все элементы опорного события) [Гольдберг 2007, 2015, 2017].

Когнитивные механизмы генерализации и конкретизации рассматривает в своих работах А. Круз. Под генерализацией А. Круз понимает расширение концептуального содержания исследуемого понятия, в то время как

конкретизация (спецификация) предполагает, напротив, его сужение, уточнение [Cruse 2000]. Причем, А. Круз отграничивает понятия генерализации (в его терминологии «autosuperordination») и конкретизации («autohyponymy») от случаев метонимии, поскольку некоторые ученые [см. Radden, Kovesces 1999] генерализацию и спецификацию относят к случаям метонимии (например, «аспирин» – это любое обезболивающее). Однако едва ли можно назвать пример с аспирином случаем метонимии, поскольку «аспирин» является гипонимом к фразе «обезболивающее лекарство» [Panther, Thornburg 2007]. Исследуя механизм генерализации при формировании интерпретирующих смыслов единицами, обозначающими представителей животного мира, Л.А. Панасенко обнаруживает родовидовые концептуальные сдвиги, когда происходит перенос названия вида животного на его род с привязкой к половой характеристике особи (например: hen, cow, bull, dog и т.д.). Однако также существует и обратное направление (конкретизация), которое не характеризуется регулярностью [Панасенко 2014: 96].

Метонимия и метафора, так же как и другие когнитивные механизмы обеспечивают реализацию такой когнитивной операции, как концептуальная деривация. По определению Л.В. Бабиной, под концептуальной деривацией понимается «когнитивный процесс, обеспечивающий появление новой структуры знания в концептуальной системе человека на основе уже существующих концептов и концептуальных структур» [Бабина 2007: 86].

Образование вторичных значений у лексических единиц на основе операции концептуальной деривации в результате работы вышеперечисленных когнитивных механизмов, приводит к вторичной интерпретации мира. Человек, используя уже известные ему объекты и явления окружающей действительности, начинает их по-новому концептуализировать и категоризовать, образуя при этом новые значения и смыслы на основе ранее изученного знания. Таким образом, можно говорить, о том, что единицы лексических категорий обнаруживают

значительный интерпретирующий потенциал в языке. О теории интерпретирующего потенциала лексических категорий, а также об интерпретирующем потенциале лексических категорий области «Животный мир» речь пойдет в следующем разделе настоящего исследования.

3.6. Интерпретирующий потенциал лексических категорий области «Животный мир» в языке

В современной лингвистике в рамках теории лингвистической интерпретации была представлена разработанная Л.А. Панасенко концепция интерпретирующего потенциала лексических категорий. Теоретическим основанием концепции интерпретирующего потенциала, по мнению Л.А. Панасенко, является то, что «первичная интерпретация мира, представленная в лексических категориях, и аналогия в организации лексических категорий разных предметных областей создают основу для формирования вторичных, интерпретирующих значений у лексических единиц» [Болдырев, Панасенко 2013; Панасенко 2014: 12]. Н.Н. Болдырев отмечает, что на «функциональном уровне интерпретирующий потенциал лексической категории проявляется во вторичной интерпретации, интерпретации знаний о мире» [Болдырев 2014б: 121]. Интерпретирующий потенциал обусловлен возможностью использования лексических единиц в их вторичных значениях, которые развиваются на основе их первичных значений. Лексические единицы в своих вторичных значениях входят в состав других оценочных категорий, т.к. сами по себе не образуют самостоятельных категорий, а входят в состав других оценочных категорий как их периферийные элементы. Например, слово «павлин» в своем вторичном значении выражает оценку человека по внешним параметрам, поэтому входит в категорию «оценка внешнего вида человека», основными элементами которой являются слова соответствующей оценочной семантики, такие как: красивый, симпатичный, приятный, неприятный, безобразный, опрятный, и т.д. [Болдырев 2016а].

Выделяются следующие типы оценочных смыслов: чувственная, рациональная и эмоциональная оценки. Н.Н. Болдырев определяет чувственную оценку как основанную на восприятии мира человеком с помощью органов чувств. Под рациональной оценкой он имеет ввиду когнитивную, смысловую интерпретацию характеристик предметов и явлений. Эмоциональная оценка определяется как оценка, носящая субъективный характер, и основанная на реакции человека на предметы и явления окружающей действительности [Болдырев 2002: 113].

Являясь общей схемой языковой интерпретации, по мнению Н.Н. Болдырева, структура лексической категории обладает значительным интерпретирующим потенциалом, т.к. отражает принцип единства многообразия. С одной стороны, лексические категории интерпретируют мир как разнообразие сходных объектов и явлений, а с другой стороны структура лексической категории представляет собой деление на субкатегории, в состав которых входят объекты, обладающие отличительными характеристиками. Данные характеристики обладают категориально-значимым статусом [Болдырев 2016а].

Л.А. Панасенко полагает, что интерпретирующий формат знания, который стоит за лексическими единицами, позволяет говорить о возможности их использования в процессе концептуализации действительности [Панасенко 2012: 259]. Под форматом знания вслед за Н.Н. Болдыревым понимается «определенная форма или способ представления знаний на мыслительном и языковом уровнях» [Болдырев 2006: 5]. По мнению Л.А. Панасенко, концептуальное основание лексической категории является базой ее интерпретирующего потенциала, который при этом определяется структурой и содержанием того концепта, который лежит в основе формирования этой категории [Панасенко 2017: 223].

Поскольку при формировании интерпретирующих значений основными процессами являются операции концептуальной деривации, то они обеспечивают два направления реализации их интерпретирующего

потенциала, активизирующие функции интерпретации. Таким образом, выделяются две функции интерпретации: идентифицирующая и характеризующая. Идентифицирующая категоризация обеспечивает формирование знания о конечном фрагменте мира. Языковая единица, выступающая инструментом идентификации, увеличивает свой денотативный потенциал и начинает обозначать новый класс объектов. Характеризующая интерпретация способствует оценке фрагмента мира со стороны субъекта интерпретации. Характеризующая интерпретация связана с выделением оценочных смыслов. Л.А. Панасенко полагает, что результатом интерпретации являются структуры знания, которые представлены тремя модусами интерпретации: рациональным, эмотивным и аксиологическим. Рациональный модус подразумевает соотнесение с онтологическим содержанием концепта в рамках определенной шкалы стандартов и стереотипов (например, соответствие/несоответствие конвенциональному ориентиру или степень его соответствия). Рациональный модус формируется на основе логических умозаключений или осмысления физических ощущений, т.е. имеет логическое или чувственное основание. Аксиологический модус подразумевает оценку признака по шкале хороший/плохой. Эмотивный модус представляет собой эмотивным отношением субъекта оценки к объекту оценки, т.е. предполагает эмоциональные реакции со стороны субъекта в отношении объекта оценки [Панасенко 2012, 2014, 2017].

В результате проекции в общее операциональное пространство признаков из интерпретируемой и интерпретирующей областей на основе процессов концептуальной деривации устанавливаются межконцептуальные связи. Поскольку между концептами интерпретирующей и интерпретируемой областей происходит взаимодействие на основе установления межконцептуальных связей в результате принципа аналогии, то, по мнению Л.А. Панасенко, в основе интерпретирующих значений единиц лексических категорий лежит интегративная структура матричного

формата [Панасенко 2014, 2015a]. Когнитивная матрица представляет собой многоаспектное знание как систему взаимосвязанных когнитивных контекстов. На фоне данных когнитивных контекстов происходит формирование и понимание соответствующих языковых значений [Болдырев 2009: 46]. Когнитивная матрица имеет структуру «ядро-периферия», где ядро представлено осмысляемым объектом, а периферию составляют компоненты матрицы, т.е. когнитивные контексты, определяющие мотивирующий аспект значения языковой единицы [Болдырев, Алпатов 2008].

Как отмечает Л.А. Панасенко, интерпретируемые когнитивные области представляют собой структуры знания, которые отображают онтологию мира, и получают интерпретацию в «рамочном осмыслении» категорий интерпретирующих когнитивных областей. В свою очередь, содержание когнитивных областей представляется когнитивными контекстами или доменами, выступающими понятийным субстратом для интерпретации. Между доменами и категориями интерпретирующих областей устанавливаются межконцептуальные связи, определяющие сегментацию доменов как результата интерпретирующей концептуализации [Панасенко 2014, 2015a].

Интерпретирующие признаки для категорий разных объектов имеют свою специфику. Моделирование интерпретирующего потенциала предполагает выделение и описание признаков, характеризующихся организующим статусом для области интерпретирующих значений лексических единиц, поскольку характеристика признака или его формат определяет характер категориального объединения лексических единиц по их интерпретирующей функции и критериев их подразделения внутри категории, что позволяет говорить о разном интерпретирующем потенциале лексических категорий [Панасенко 2014, 2017].

Основу интерпретации образует принцип признаковой выборочности. Интерпретирующие признаки ввиду своей онтологической природы

являются интегрирующими для объектов модусной категории и играют исключительную роль для интерпретации. Именно эти признаки, по мнению Л.А. Панасенко, определяют интерпретирующий потенциал лексических категорий. Избранность признака в качестве интерпретирующего знания определяется как его формат, характеризующийся антропоцентрической релевантностью [Панасенко 2014, 2017].

Поскольку объектом нашего исследования является лексическая категория «Млекопитающие», то нам представляется целесообразным рассмотреть более подробно интерпретирующий потенциал лексических категорий когнитивной области «Животный мир» в понимании Л.А. Панасенко. Что касается концептуальной области «Животный мир», то, по мнению учёного, в нее входят следующие категории, демонстрирующие значительный интерпретирующий потенциал: млекопитающие, птицы, насекомые, рыбы, рептилии, земноводные, микроорганизмы, части тела, фазы развития, жилища животных, скопления животных [Панасенко 2014].

Л.А. Панасенко в своем исследовании выделяет следующие признаки, характерные для представителей животного мира и выделяемые человеческим сознанием в ходе интерпретирующей деятельности. Они представлены следующими форматами знаний: перцепция, наблюдение, экспериенциальные эффекты, функция, операциональный опыт и ассоциативный форматы. Они исполняют роль категоризаторов в познавательной деятельности человека и представляют собой определенные схемы интерпретации. Данные схемы обладают обобщенным и абстрактным характером, и поэтому не имеют прямых языковых обозначений, проявляясь только на уровне категорий в процессе категоризации [Панасенко 2014] (см. также работы: R. Langacker 1987; Croft 1999 и др.).

Формирование перцептивных признаков происходит в процессе обработки информации, поступающей по каналам восприятия, т.е. зрительному, вкусовому, обонятельному, осязательному и слуховому. Доминирующими для интерпретации являются слуховые, зрительные и

тактильные ощущения. Слуховое восприятие позволяет различать физические характеристики звука (высокие/низкие, громкие/тихие, плавные/отрывистые), которые являются существенными для интерпретирующей деятельности человеческого сознания. Обоняние дифференцирует запахи, присущие животным, которые активизируются при интерпретации. Зрительная перцепция носит избирательный характер в плане интерпретации и дифференцируется по следующим направлениям: цветовые характеристики (цветовой оттенок, в основе которого лежит цветовая насыщенность и тон, блеск), форма и цвет, размер, текстура (качественные характеристики текстуры, например, плотность меха, гладкость/неровность кожи). При тактильных ощущениях мы имеем дело со следующими тактильно воспринимаемыми свойствами представителей животного мира, которые активизируют интерпретацию: текстура (гладкий/шершавый, острый/тупой), вес.

К признакам, формируемым опытом наблюдения за поведением, повадками и действиями животных, относят характеристики психики представителей животного мира: различного рода реакции на внешние раздражители (любопытство, пугливость, агрессивностью), особенности поведения, физические характеристики (возраст, пол), динамические/статические характеристики (скорость, резкость, плавность), характеристики занимаемой позы (конфигурации, равновесие), траектория перемещения/движения, статусная характеристика в экосистеме, действия, производимые животными, необходимые для удовлетворения физиологических потребностей, а также группы животных.

К признакам, формируемым операциональным опытом Л.А. Панасенко относит: манипуляции, выполняемые человеком с животными и действия, которые выполняет животное для реализации потребности человека.

Формат функции для представителей животного мира реализуется признаком утилитарного назначения объекта, который в себя включает использование мяса животного или птицы, меха, кожи животного.

В процессе взаимодействия человека с окружающей средой и ее внешнего воздействия на него происходит формирования признаков экспериенциальных эффектов. Признаки, формируемые знанием экспериенциальных эффектов, основываются на той оценке, которую человек дает при возможных негативных последствиях его взаимодействия с животным или его частями тела, если данные последствия носят деструктивный характер воздействия со стороны опасных для человека животных.

Что касается признаков ассоциативного формата знания объектов животного мира, то они формируются в качестве текстового или символического знания, которое закрепляется за объектом категории в той или иной культуре. Источником такого знания могут служить мифы и Библия. В процессе наблюдения за поведением животных человек производит интерпретативное осмысление и формирует ассоциации, которые в дальнейшем закрепляются за образами данных животных. В ходе речевой деятельности человек активизирует эти ассоциации и формирует оценочный смысл [Панасенко 2014].

Перечисленные выше форматы перцепции, наблюдения, функции, экспериенциальных эффектов, операционального опыта Л.А. Панасенко относит к онтологическому или онтологически-ориентированному модулю знания, т.к. признаки данных форматов отражают онтологию объектов естественных категорий и их природу. Данные форматы и их признаки составляют базис интерпретации. Помимо онтологически-ориентированного модуля ученым выделяется социально-ориентированный модуль, куда входит ассоциативный формат знания. Под ассоциативным форматом знания закреплены индивидуальные ассоциативные линии между объектами действительности, а также коллективные ассоциации, сформированные тем или иным социумом и его культурой. Социально-ориентированное знание является результатом интерпретирующей деятельности определенного социума. Данное знание может являться основой для формирования новых

концептуальных структур интерпретирующего характера. Например, слово «dove» («голубь») является символом мира, поэтому в политике данное слово может употребляться в отношении людей, придерживающихся мирных методов урегулирования сложных ситуаций [Панасенко 2017: 226-228].

Интерпретирующие признаки одного формата или разных форматов способны образовывать определенные конфигурации посредством интеграции, составляя содержание модусных концептов. Интерпретирующая концептуализация проявляется, прежде всего, в субкатегориальных различиях. Лексические единицы, которые по сходству передаваемых дифференциальных характеристик объединяются в одну субкатеорию, обнаруживают сходство их интерпретирующих функций и одинаковый интерпретирующий потенциал в виде признаков, и используются для интерпретации определенных сегментов областей концептуализации. Таким образом, общие для субкатегории дифференциальные признаки обеспечивают общие для ее элементов направления интерпретации [Панасенко 2014, 2017].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что теория интерпретирующего потенциала лексических категорий позволяет взглянуть на организацию данных категорий с точки зрения вторичной концептуализации и категоризации лексических единиц, принадлежащих к тем или иным категориям, а также возможности установлению межконцептуальных связей на основе принципа аналогии между объектами категорий различных областей. Исследование Л.А. Панасенко показало, что лексические единицы категорий области «Животный мир» группируются относительно выделенных признаков по форматам перцепции, наблюдения, функции, операционального опыта, экспериенциальных эффектов и ассоциативного формата, что формирует значительный интерпретирующий потенциал данных лексических категорий в языке.

Выводы по Главе I

Анализ теоретической базы, посвященной исследованию лексических единиц и категорий, репрезентирующих животных в языке, позволяет сделать некоторые выводы и выявить пути дальнейшего исследования по данной проблематике в настоящем диссертационном исследовании:

1. Единицы, обозначающие животных в языке, получили широкое освещение в рамках традиционного подхода. Учеными был разработан достаточно широко терминологический аппарат для описания такого рода лексики. Были введены термины «фаунистическая лексика», «зооним», «зоосемизм», «зоологизм», «зооморфизм», «зооморфная метафора», «зооцентрические обозначения человека и его действий». Работы, посвященные исследованию фаунистической лексики, сводятся к изучению данных лексических единиц как в их прямом, так и переносном значениях. Лингвистами были предприняты попытки группировки исследуемых лексических единиц в рамках различных подходов и методов. Однако данные исследования не были направлены на изучение связи между использованием лексических единиц, репрезентирующих животных, и когнитивных процессов, протекающих в сознании человека.

2. На современном этапе развития лингвистической науки важным представляется выявление механизмов категоризации и концептуализации мира человеком, поскольку субъект по-разному интерпретирует явления окружающей его действительности, опираясь на собственную систему мнений, знаний, ценностей, установок, т.е. свою личную картину мира, что проявляется в разнообразии тех форм, которыми он оперирует в процессе общения. Исследования в области психологии показали, что речемыслительная деятельность во многом связана с личными процессами в сознании индивида, а работы по когнитивной лингвистике позволяют сделать вывод о схематичности мышления человека, что находит свое отражение в

формировании неких точек референции в его сознании или форматов, участвующих в процессе интерпретации полученных знаний.

3. Исследование научных работ, посвященных интерпретирующей функции как одной из главных функций языка, позволяет говорить о том, что лексические категории обладают значительным интерпретирующим потенциалом в языке, благодаря аналоговому, логическому характеру построения данных категорий с одной стороны и субкатегориальной организации с другой стороны. Поэтому предполагается, что единицы исследуемой лексической категории «Млекопитающие» - категории, объективирующей онтологию мира, формируют значительный интерпретирующий потенциал в языке.

4. Анализ научной литературы и фактического материала показывает, что единицы лексической категории «Млекопитающие» являются средством репрезентации концептуальной области «Животный мир». Лексическая категория «Млекопитающие», как и все лексические категории, имеет аналоговый, логический характер по отношению к категориям естественных объектов, а также инвариантно-вариантный принцип построения. В основании лексической категории «Млекопитающие» находится концепт МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ, обладающий набором постоянных характеристик, которые позволяют отнести те или иные лексические единицы именно к данной категории. К таким характеристикам путем анализа словарных дефиниций можно отнести: *теплокровность, наличие шерсти/меха, вскармливание детенышей собственным молоком, живорождение, питание готовыми органическими соединениями, способность двигаться, а также наличие органов чувств.* Данные постоянные характеристики являются некими точками референции для дальнейшей категоризации единиц, репрезентирующих млекопитающих, и выделению интерпретирующих признаков.

5. Предполагается, что лексические единицы категории «Млекопитающие», развивая переносные значения в результате операции

концептуальной деривации, используются в их интерпретирующей функции для описания объектов и явлений других концептуально-тематических областей в результате формирования межконцептуальных связей посредством работы таких основных когнитивных механизмов, как профилирование, метафора, метонимия, сравнение, а также механизмов генерализации и конкретизации.

6. Выделение интерпретирующих признаков лексической категории «Млекопитающие» позволит описать лексические единицы относительно форматов знания как типов признаков, к которым относятся формат перцепции, наблюдения, функции, ассоциативного знания, операционального опыта человека и формат экспериенциальных эффектов и, таким образом, определить интерпретирующий потенциал данной лексической категории.

Рассмотрению организации исследуемой лексической категории «Млекопитающие», анализу конкретных когнитивных и языковых механизмов, формирующих интерпретирующие смыслы, а также описанию интерпретирующего потенциала данной лексической категории посвящена Глава II настоящего диссертационного исследования.

Глава II. Моделирование интерпретирующего потенциала лексической категории «Млекопитающие» (на материале английского и русского языков)

1. Структурная организация лексической категории «Млекопитающие» в языке

Как отмечалось в Главе I настоящего исследования, процесс категоризации является базовым для исследований по когнитивной лингвистики, а лексические категории играют важнейшую роль в процессе интерпретации человеком окружающей действительности, поскольку сознание человека ориентировано на упорядочивание полученного знания, структурирование мира по особому принципу путем группирования объектов и разделения их на классы и категории. Поэтому языковые категории, как справедливо отмечает Н.Н. Болдырев, представляют собой «форму языкового сознания» [Болдырев 2006: 5].

Поскольку лексическая категоризация, как отмечалось ранее, представляет собой интерпретацию мира в языке, а употребление лексических единиц той или иной лексической категории подразумевает наличие определенной характеристики у предмета мысли [Болдырев 2006: 11-12], то нам представляется целесообразным рассмотреть структурную организацию лексической категории «Млекопитающие» как объекта нашего исследования.

Категория «Млекопитающие» существует и является значимой как в научной, так и в обыденной картинах мира. С научной точки зрения основанием для деления млекопитающих на классы являются биологические особенности представителей животного мира. Поэтому в биологии млекопитающие представляют собой четко сформированную группу, объединяющую представителей животного мира по их отличительному признаку, а именно вскармливание детенышей молоком. Данная классификация была описана еще в 1758 году К. Линнеем, и в настоящий

момент, включает в себя 26-29 отрядов, 153 семейства и 1229 родов. Таким образом, биологическая категория млекопитающих делится на подклассы первозверей и зверей. А последний подкласс, в свою очередь, распадается на два инфракласса: сумчатых и планцентарных. Также с точки зрения зоологии важнейшими аспектами для деления млекопитающих на классы являются их внешний вид, анатомические и физиологические характеристики, а также образ жизни млекопитающего [Боркин 2009; Wilson, Reeder 2005].

Однако для нашего исследования интерес представляет именно языковая категория «Млекопитающие», поскольку, как еще отмечали философы, предпосылками научного знания всегда является донаучное знание, т.е. совокупность обыденного знания, а также мировоззренческих, аксиологических, религиозных, нравственных, эстетических установок человека [Бучило, Исаев 2014]. В теоретической главе настоящего исследования мы уже упоминали о том, что, согласно утверждению Н.Н. Болдырева, лексические категории представляют собой языковые аналоги категоризации естественных объектов, а также объектов внутреннего мира человека. Как отмечает Н.Н. Болдырев, такие категории строятся по инвариантно-вариантному принципу, где инвариант совпадает с названием самой категории и представляет собой семантический классификатор, который используется в словарных дефинициях, для обозначения прототипических характеристик категории [Болдырев 2006: 10-11]. Таким образом, можно утверждать, что инвариантом лексической категории «Млекопитающие» является единица «**млекопитающее**» для русского языка и «**mammal**» для английского языка: *dog* – a four-legged meat eating **mammal**... [ODCE 2006:262]; *whale* – a very large sea **mammal**... [ODCE 2006:1051]; *медведь* – крупное хищное **млекопитающее**... [Ожегов, Шведова 1997: 347]; *тюлень* – морское ластоногое **млекопитающее**... [Ожегов, Шведова 1997: 819].

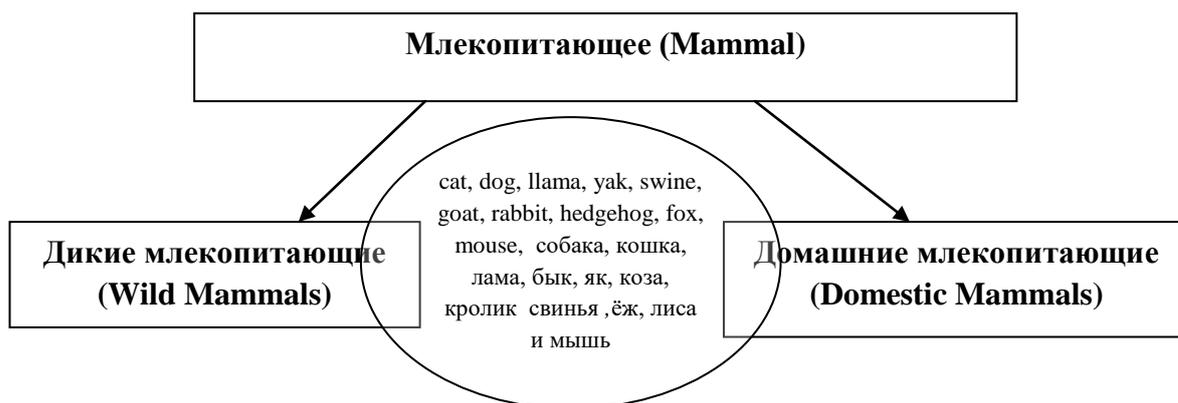
Поскольку язык представляет собой антропоцентрическую сущность, что отмечалось нами в первой главе нашего исследования, то структура

лексической категории формируется относительно уровня взаимодействия человека с представителями млекопитающих, поэтому данную лексическую категорию можно разделить на две большие подкатегории – **Дикие млекопитающие (Wild mammals)** и **Домашние млекопитающие (Domestic mammals)**. Основанием для выделения нами данных двух подкатегорий являются интегральные признаки «дикий» («wild») для подкатегории диких млекопитающих (*дикий* – <...> неприрученный, не домашний (о животных) [Ожегов, Шведова 1997: 165]; *wild* – living in a state of nature and not ordinarily tame or domesticated [Merriam-Webster]), а также «домашний»/«одомашненный» («domestic»/«domesticated») для подкатегории домашних млекопитающих (*домашний* – 2. Прирученный, не дикий [Ожегов, Шведова 1997: 174]; *domestic* – 3. (of an animal) tame and kept by humans [ODCE 2006: 264]), которые закреплены на уровне словарных дефиниций.

Стоит отметить, что такие единицы лексической категории «Млекопитающие», как *cat, dog, llama, yak, swine, goat, rabbit, собака, кошка, лама, бык, як, коза, кролик и свинья* нельзя отнести только к первой или только ко второй из выделенных нами подкатегорий, потому что данные лексические единицы репрезентируют как представителей диких, так и домашних животных, что закреплено на уровне словарных дефиниций (*cat* – 1. a small furry mammal that is kept as a pet. 2. a wild animal related to or resembling this, e.g. a lion [ODCE 2006:132]; *llama* – any of a genus (*Lama*) of wild or domesticated long-necked South American ruminants [Merriam-Webster]; *собака* – 1. Домашнее животное сем. псовых. 4. В нек-рых сочетаниях название хищных млекопитающих сем. псовых. Енотовидная с. Дикая с. динго [Ожегов, Шведова 1997: 739]; *як* – Крупный длинношерстный центральноазиатский бык (в 1 знач.) Дикий як. Домашний як [Ожегов, Шведова 1997: 917]). Более того, такие единицы, как *hedgehog, fox, mouse, ёж, лиса и мышь* также обозначают не только представителей диких млекопитающих, но и домашних, имея при этом компонент «domesticated» для английского языка (*domesticated red fox, domesticated hedgehog*),

«домашний» для русского языка (*домашний ёжик, домашняя лиса*), а также «fancy» для единицы *mouse* в английском языке и «декоративный» для единицы *мышь* в русском языке. Поэтому данные лексические единицы относятся к периферийной группе, одновременно входящей и в первую и во вторую подкатегории (см. Схема 1.).

Схема 1. Структурная организация лексической категории «Млекопитающие» в языке

Внутри выделенных нами двух основных подкатегорий лексической категории «Млекопитающие» можно также выделить более мелкие подкатегории, сгруппированные на основе общности дополнительных концептуальных характеристик, свойственных единицам той или иной подкатегории. Так, для категории диких млекопитающих характерна дальнейшая дифференциация относительно типа питания млекопитающего на подкатегории хищников и травоядных. К подкатегории диких хищных млекопитающих можно отнести единицы *bear, wolf, fox, raccoon, seal, otter, badger, skunk, mink, marten, whale, walrus, hyena, aardwolf, weasel, tiger, lion, puma, lynx, cheetah, leopard, jaguar, cougar, mongoose, mole, hedgehog, bat, медведь, волк, лиса, енот, тюлень, ласка, кит, кашалот, косатка, выдра, барсук, крот, скунс, норка, куница, морж, гиена, земляной волк, тигр, лев, пума, рысь, леопард, ягуар, барс, гепард, мангуст, ёж, летучая мышь* (*wolf – any of several large predatory canids (genus Canis) that are active mostly at night*

[Merriam-Webster]; *норка* – ж. 1) хищный пушной зверек из рода хорьков с коричневой блестящей шерстью [Ефремова 2000]).

К категории диких травоядных относятся следующие единицы: *elephant, bear, panda, hare, rabbit, zebra, llama, camel, giraffe, ass, antelope, deer, bison, buffalo, yak, aurochs, porcupine, monkey, hamster, elk, moose, siren, hippopotamus, rhinoceros, mouse, rat, chinchilla, jerboa, beaver, kangaroo, swine, gorilla, squirrel, nutria*, слон, панда, заяц, зебра, лама, верблюд, жираф, антилопа, олень, лань, бизон, зубр, як, обезьяна, дикобраз, хомяк, лось, сирена, бегемот, носорог, мышь, шиншилла, тушканчик, бобер, кенгуру, горилла, белка, нутрия (*hippopotamus* – any of a family (Hippopotamidae) of very large, four-toed, chiefly aquatic, herbivorous artiodactyl mammals [Merriam-Webster]; *лось* – м. парнокопытное крупное жвачное животное семейства оленей, с широкими лопатообразными рогами у самцов [Ефремова 2000]).

Дальнейшая дифференциация лексических единиц лексической подкатегории «Дикие млекопитающие» возможна относительно их среды обитания. Здесь можно выделить подгруппы единиц обозначающих млекопитающих водных: *whale, sperm whale, grampus, walrus, dolphin, seal, otter, siren, nutria, kum, кашалот, касатка, морж, дельфин, тюлень, выдра, сирена, нутрия* (*whale* – any of various very large, aquatic, marine mammals [Merriam-Webster]; *дельфин* – м. морское млекопитающее подотряда зубатых китов [Ефремова 2000]), млекопитающих, способных передвигаться по воздуху: *squirrel, flying squirrel, bat, летучая мышь, белка, белка-летяга* (*flying squirrel* - either of two small nocturnal <...> with folds of skin connecting the forelegs and hind legs that enable it to make long gliding leaps [Merriam-Webster]; *летучая мышь* – Спец. Млекопитающее отряда рукокрылых, животное с перепончатыми крыльями, напоминающее мышь [Фёдоров 2008], живущих под землей: *mole, rabbit, крот, кролик* (*rabbit* – a small animal with long ears and soft fur, that lives in a hole in the ground [LDOCE]; *крот* – небольшое млекопитающее отряда насекомоядных, живущее под землей [Ефремова 2000]) и сухопутных, к которым относятся все остальные

рассмотренные единицы лексической категории «Млекопитающие» (см. Схема 2.).

Схема 2. Структурная организация подкатегории «Дикие млекопитающие»

Для подкатегории диких млекопитающих характерна дифференциация лексических единиц относительно размера животного, репрезентируемого данной лексической единицей. Так, в подкатегории диких млекопитающих к единицам, обозначающим большой размер животного, относятся: *ape, elephant, whale, sperm whale, bear, beaver, panda, wolf, walrus, hyena, tiger, lion, leopard, jaguar, camel, giraffe, bison, buffalo, yak, aurochs, porcupine, elk, moose, deer, hippopotamus, rhinoceros, gorilla, nutria, слон, кит, кашалот, касатка, медведь, морж, тигр, лев, леопард, барс, ягуар, рысь, верблюд, носорог, жираф, бизон, як, лось, бегемот, горилла, нутрия*. Основным признаком для данной группы выступает компонент «large» («крупный») в

составе словарной дефиниции (*elephant* – a very large mammal with a trunk... [ODCE 2006:287]; *camel* – a large mammal of desert countries, with a long neck...[ODCE 2006:120]; *морж* – крупное морское млекопитающее отряда ластоногих моржовых [Ефремова 2000]; *лось* – парнокопытное крупное жвачное животное семейства оленей [Ефремова 2000]). Небольшой размер представлен единицами *raccoon, weasel, rabbit, hamster, mouse, monkey, chinchilla, squirrel, mole, hedgehog, mink, ласка, куница, ёж, кролик, белка*, содержащих компонент «small» («небольшой») в составе словарной дефиниции (*raccoon* – a small nocturnal carnivore (Procyon lotor) of North America [Merriam-Webster]; *ласка* – 2. ж. небольшой хищный зверек семейства куньих [Ефремова 2000]).

Лексические единицы, репрезентирующие диких млекопитающих, также можно дифференцировать относительно особенностей их телосложения. Так, единицы *mink, marten, weasel, mongoose, олень, лань* характеризуют диких млекопитающих со стройным телосложением, что отмечается на уровне словарных дефиниций компонентом «slender» («стройный») (*mink* – either of two slender-bodied semiaquatic carnivorous mammals [Merriam-Webster]; *олень* – жвачное парнокопытное млекопитающее, тонконогое и стройное...[Ефремова 2000]), в то время как единицы *elephant, gorilla, rhinoceros, lion, swine, bear, медведь, бегемот, буйвол* обозначают диких млекопитающих с грузным телосложением (*swine* – any of various stout-bodied short-legged omnivorous artiodactyl mammals [Merriam-Webster]; *медведь* – крупное хищное всеядное млекопитающее с большим грузным, покрытым густой шерстью телом [Ефремова 2000]).

Что касается дальнейшей дифференциации по телосложению животного, то в подкатегории диких млекопитающих можно также выделить единицы, которые группируются относительно какой-то одной отличительной части туловища. Например, единицы *lynx, cheetah, hare, moose, jerboa, kangaroo, giraffe, заяц, тушканчик, кенгуру, жираф* характеризуют млекопитающих с длинными ногами (*lynx* – any of several

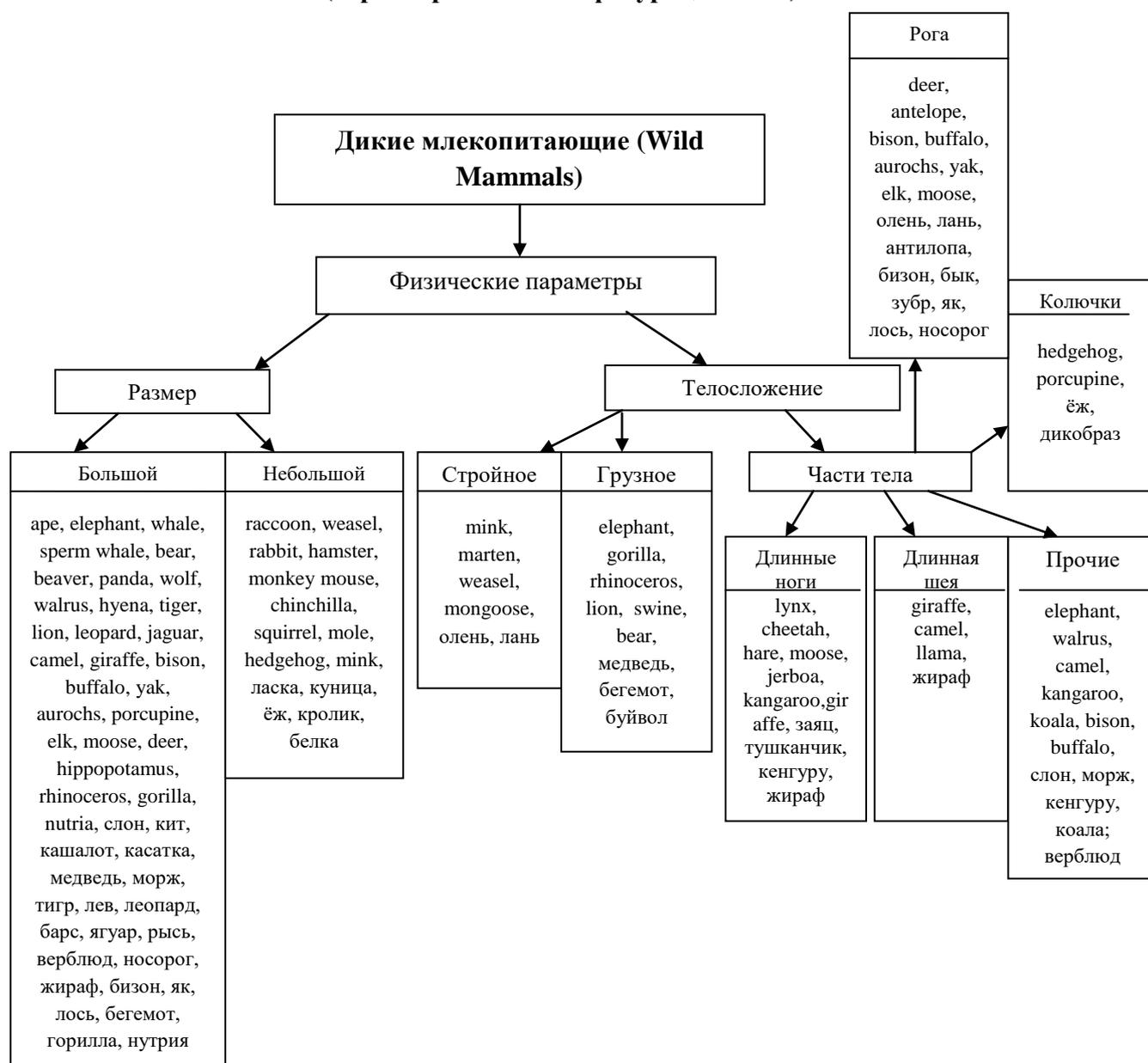
wildcats with relatively long legs [Merriam-Webster]; *тушканчик* – м. млекопитающее отряда грызунов с очень длинными задними ногами и хвостом [Ефремова 2000]).

Лексические единицы *giraffe, camel, llama, жираф* используются для характеристики диких млекопитающих с длинной шеей (*camel* – a large mammal of desert countries, with a long neck and either one or two humps on the back [ODCE 2006:120]; *жираф* – крупное жвачное африканское животное с коротким туловищем и очень длинными шеей и ногами [Ефремова 2000]).

Также, лексические единицы, репрезентирующие диких млекопитающих можно, подразделить относительно особенностей частей тела по наличию колючек у единиц *hedgehog, porcupine, ёж, дикобраз* (*hedgehog* – a small brown European animal whose body is round and covered with sharp needle-like spines [LDOCE]; *дикобраз* – Млекопитающее отряда грызунов, спина и бока которого покрыты длинными иглами [Ефремова 2000]) и наличию рогов у единиц *deer, bison, buffalo, aurochs, yak, elk, moose, олень, лань, бизон, бык, зубр, як, лось, носорог* (*elk* - a very large brown North American, European, and Asian animal with wide flat horns [LDOCE]; *носорог* – м. 1. Крупное травоядное млекопитающее с одним или двумя рогами на носовых и лобных костях [Ефремова 2000]).

К прочим особенностям частей тела можно отнести единицы, обозначающие животных, обладающих бивнями, горбом, хоботом, крыльями, сумками т.е. *elephant, walrus, camel, bison, buffalo, kangaroo, koala, слон, морж, верблюд, кенгуру, коала* (*buffalo* – a large shaggy-maned North American bovid <...> with a large muscular hump... [Merriam-Webster]; *слон* – крупное травоядное млекопитающее с длинным хоботом и двумя бивнями [Ефремова 2000]) (см. Схема 2.1.).

Схема 2.1. Структурная организация подкатегории «Дикие млекопитающие»
(характеристики конфигурации тела)

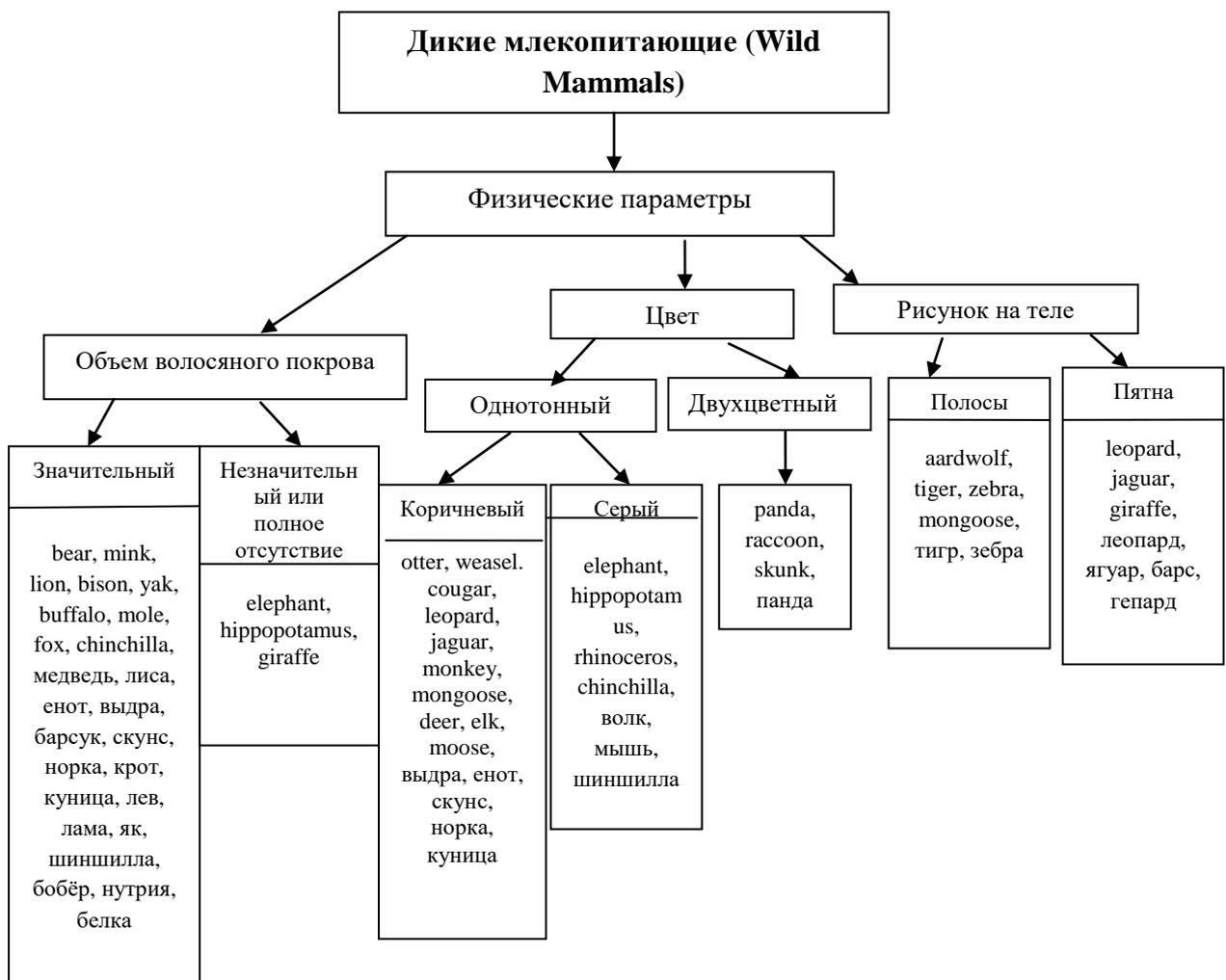

Лексические единицы, обозначающие диких млекопитающих, также можно разделить на подгруппы относительно свойств шерсти на единицы, характеризующие животных с БОЛЬШИМ КОЛИЧЕСТВОМ ВОЛОСЯНОГО ПОКРОВА *bear, mink, lion, fox, bison, yak, buffalo, mole, chinchilla, медведь, лиса, енот, выдра, барсук, скунс, норка, крот, куница, лев, лама, як, шиншилла, бобёр, нутрия, белка* (*bear* – a large mammal with thick fur and a very short tail [ODCE 2006:70]; *лиса* – хищное млекопитающее семейства псовых с ПЫШНЫМ МЕХОМ и длинным пушистым хвостом [Ефремова 2000]), а такие единицы, как

elephant, hippopotamus, giraffe репрезентируют диких животных с небольшим или полным отсутствием волосяного покрова на теле (*hippopotamus* – <...> having a very large head and mouth, nearly hairless thick grayish skin [Merriam-Webster]).

Единицы лексической подкатегории диких млекопитающих могут быть также дифференцированы по цвету животного на однотонные (коричневые – *otter, weasel, cougar, leopard, jaguar, monkey, mongoose, deer, elk, moose, выдра, енот, скунс, норка, куница*; серые – *elephant, hippopotamus, rhinoceros, chinchilla, волк, мышь, шиншилла*); двухцветные (*panda, raccoon, skunk, панда*), а также по рисунку на теле животного (полосы – *aardwolf, tiger, zebra, mongoose, тигр, зебра*; пятна – *leopard, jaguar, giraffe, леопард, ягуар, барс, гепард*) (см. Схема 2.2.).

Схема 2.2. Структурная организация подкатегории «Дикие млекопитающие» (характеристики волосяного и кожного покрова)

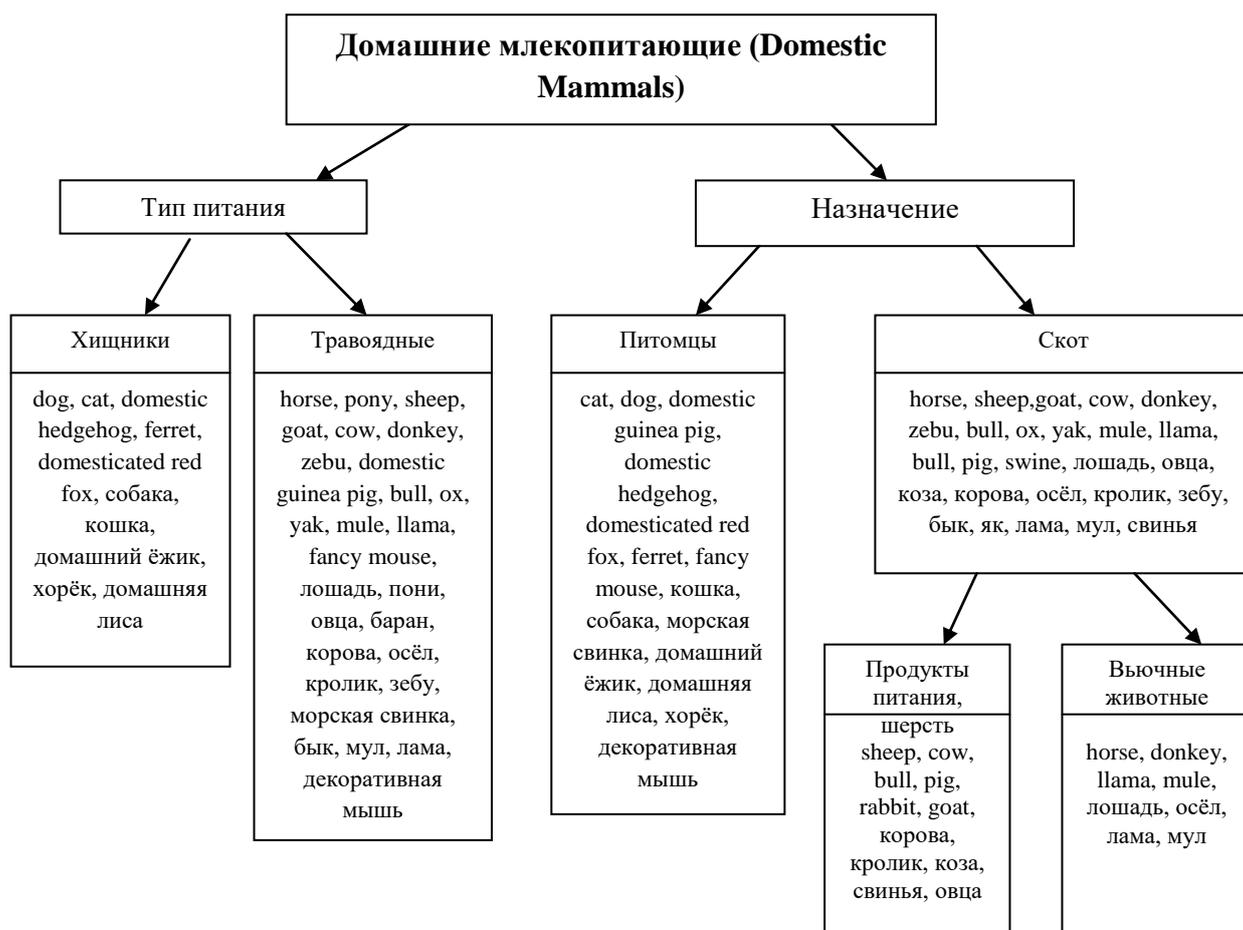
Для категории «Домашние млекопитающие» характерно разделение на две основные подкатегории: «скот» («livestock») и «питомцы» («pets»). Основанием для выделения подкатегорий служит такая концептуальная характеристика, как «назначение животного». Так, для первой подкатегории основным интегральным признаком является «использование животного в хозяйстве» (*скот* – сельскохозяйственные млекопитающие [Ожегов, Шведова 1997: 725]; *livestock* – animals and birds that are kept on a farm, such as cows, sheep or chicken [CD]). Поэтому к подкатегории «скот» («livestock») можно отнести следующие лексические единицы: *horse, sheep, goat, cow, donkey, zebu, bull, ox, yak, mule, llama, pig, swine, лошадь, овца, коза, корова, осёл, кролик, зебу, бык, як, лама, мул, свинья*.

В подкатегории «скот» («livestock») можно выделить группы лексических единиц, характеризующих животных по типу их назначения для жизни человека. Например, такие единицы, как *sheep, cow, bull, pig, rabbit, goat, корова, кролик, коза, свинья, овца* используются для обозначения домашних млекопитающих, разводимых человеком для мяса, молока и шерсти (*cow* – a large female animal that is kept on farms and used to produce milk or meat [LDOCE]; *свинья* – Парнокопытное млекопитающее, домашний вид которого разводят для получения мяса, сала, щетины, шкуры [Ефремова 2000]), а единицы *horse, donkey, llama, mule, лошадь, осёл, лама, мул* используются для обозначения вьючных животных, т.е. предназначенных для перевозки вещей (*horse* – a large strong animal that people ride and use for pulling heavy things [LDOCE]; *лама* – ж. южноамериканское вьючное животное семейства верблюдовых с ценной шерстью [Ефремова 2000]).

Что касается подкатегории «питомцы» («pets»), то основанием для выделения лексических единиц в отдельную группу выступает интегральный признак «использование животного для радости» (*питомец* – 3) животное, по отношению к тому, кто его кормит, ухаживает за ним [Ефремова 2000], *pet* – an animal or bird kept for companionship or pleasure [ODCE 2006:672]). Таким

образом, ко второй подкатегории домашних млекопитающих можно отнести единицы *cat, dog, domestic guinea pig, domestic hedgehog, domesticated red fox, ferret, fancy mouse*, кошка, собака, морская свинка, домашний ёжик, домашняя лиса, хорёк, декоративная мышь (см. Схема 3.).

Схема 3. Структурная организация подкатегории «Домашние млекопитающие»

Как для подкатегории диких млекопитающих, так и для подкатегории домашних млекопитающих характерна дифференциация лексических единиц относительно типа питания животных. Что касается домашних хищных млекопитающих, то стоит отметить, что данная подгруппа представлена следующими единицами: *dog, cat, domestic hedgehog, ferret, domesticated red fox, собака, кошка, домашний ёжик, хорёк, домашняя лиса* (*cat* – a carnivorous mammal (Felis catus) long domesticated as a pet and for catching rats and mice [Merriam-Webster]; *хорёк* – хищный зверек семейства куньих с ценным

пушистым мехом, домашних травоядных [Ефремова 2000]). К домашним травоядным млекопитающим относятся единицы *horse, pony, sheep, goat, cow, donkey, zebu, swine, domestic guinea pig, bull, ox, yak, mule, llama, fancy mouse*, лошадь, пони, овца, баран, коза, свинья, корова, осёл, кролик, зебу, морская свинка, бык, мул, лама, декоративная мышь (*horse* – a large solid-hoofed herbivorous ungulate mammal [Merriam-Webster]; *коза* – парнокопытное жвачное животное семейства полорогих [Ефремова 2000] (см. Схема 3.).

Для подкатегории домашних млекопитающих также является актуальным деление единиц относительно их большого и небольшого размера. Так, к единицам, репрезентирующим представителей домашних млекопитающих большого размера, относятся *horse, yak, лошадь, корова, бык* (*horse* – a large four-legged mammal used for riding and for pulling heavy loads [ODCE 2006:437], *корова* – ж. 1) крупное молочное домашнее животное отряда парнокопытных; самка быка [Ефремова 2000]). Небольшой размер домашних млекопитающих представлен единицами *domestic hedgehog, domestic guinea pig, fancy mouse, rabbit, pony, домашний ёжик, морская свинка, декоративная мышь, пони, кролик* (*guinea pig* – a small stout-bodied short-eared tailless domesticated rodent [Merriam-Webster]; *пони* – Лошадь искусственно выделенной мелкой и низкорослой породы [Ожегов, Шведова 1997: 56]).

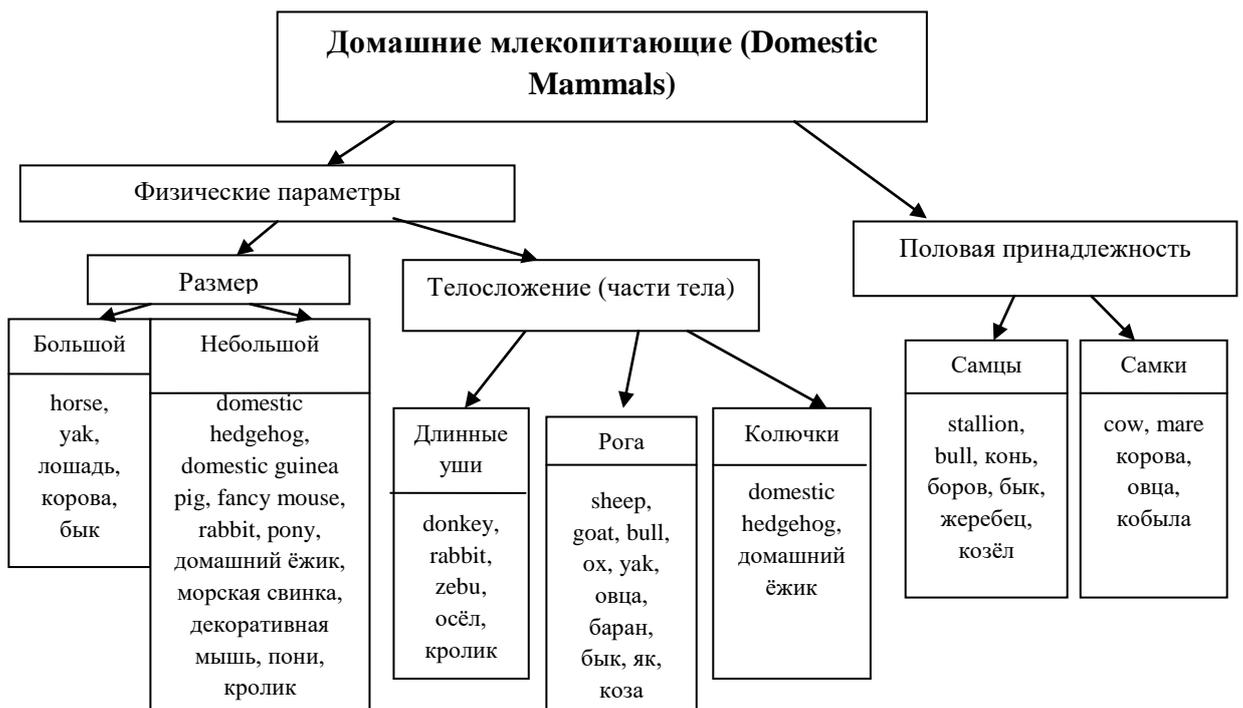
Дальнейшая дифференциация по физическим параметрам может быть проведена относительно особенностей телосложения домашнего млекопитающего, а именно частей тела. Здесь можно выделить группу животных с длинными ушами *donkey, rabbit, zebu, осёл, кролик* (*zebu* – any of various breeds of domestic oxen <...> characterized by <...> pendulous ears... [Merriam-Webster]; *осёл* – домашнее животное семейства лошадиных с длинными ушами [Ефремова 2000]).

Также по аналогии с единицами подкатегории диких млекопитающих среди лексических единиц, репрезентирующих домашних млекопитающих можно выделить группы единиц, разграничивающиеся по наличию колючек

на теле: *domestic hedgehog*, *домашний ёжик*, а также по наличию рогов: *sheep, goat, bull, antelope, ох, як, овца, баран, антилопа, бык, як, коза*.

Наконец, лексические единицы подкатегории домашних млекопитающих можно разделить по половой принадлежности на единицы, репрезентирующие только особей женского пола в своем первичном значении: *cow* – the mature female of cattle [Merriam-Webster]; *mare* – a female horse or donkey [LDOCE]; *корова* – <...> самка быка [Ефремова 2000]; *овца* – ж. самка барана [Ефремова 2000]; *кобыла* – ж. 1) взрослая самка лошади [Ефремова 2000]; а также на единицы, обозначающие особей только мужского пола: *stallion* – an uncastrated male horse [Merriam-Webster]; *bull* – an adult male animal of the cattle family [LDOCE]; *конь* – лошадь (обычно о самце) [Ефремова 2000]; *боров* – кастрированный самец свиньи, откармливаемый на убой [Ефремова 2000]; *бык* – домашнее рогатое животное отряда крупных парнокопытных млекопитающих; самец коровы [Ефремова 2000]; *жеребец* – м. 1) самец лошади [Ефремова 2000]; *козёл* – 1. м. 1) самец козы [Ефремова 2000] (см. Схема 3.1.).

Схема 3.1. Структурная организация подкатегории «Домашние млекопитающие» (физические характеристики)

Таким образом, можно сделать вывод о том, что лексическая категория «Млекопитающие» представлена как в научной, так и в обыденной картинах мира человека. Исследуемая лексическая категория строится по общим принципам построения лексических категорий, т.е. по инвариантно-вариантному принципу. Инвариантом исследуемой лексической категории выступает единица «млекопитающее» («mammal»), которая отражает в себе наиболее общие значения всех лексических единиц, входящих в категорию, а также наиболее полно репрезентирует характеристики концепта «Млекопитающее» («*Mammal*»), лежащего в основе формирования лексической категории с тем же названием, и рассмотренного более подробно в Главе I настоящего исследования. Поскольку язык по своей природе антропоцентричен, что находит свое отражение в определенных лексических единицах, которые, в свою очередь, являются особыми типами знаний, то в нашей работе было предложено подразделить все единицы лексической категории «Млекопитающие» на основе признака присутствия человека на две подкатегории: Дикие млекопитающие (*Wild Mammals*) и Домашние млекопитающие (*Domestic Mammals*). Дальнейшее исследование концептуальных признаков позволило выделить внутри данных подкатегорий более мелкие группы, и тем самым представить субкатегориальную организацию лексической категории «Млекопитающие» в языке. Выделенные нами концептуальные признаки носят статус постоянных и закреплены в языке на уровне словарных дефиниций.

Проанализированные признаки составляют основу для формирования вторичных интерпретирующих значений и будут рассмотрены далее в данной главе вместе с признаками, которые выделяются на уровне контекста. Лексические единицы исследуемой категории могут выступать средством вторичной концептуализации на основе признаков размера, особенностей телосложения, специфики кожного и волосяного покрова, назначения животного и его половой принадлежности и формировать основу интерпретирующего потенциала лексической категории «Млекопитающие» в

языке. Признаки, заложенные в концептуальном основании исследуемой лексической категории, являются источником дополнительного знания об объектах и явлениях других концептуально-тематических областей, что позволяет использовать лексические единицы категории «Млекопитающие» в их интерпретирующей функции и выстраивать на основе принципа аналогии межконцептуальные связи между объектами и явлениями разных областей.

2. Уровневая организация лексических единиц категории «Млекопитающие» в языке

Лексические категории в языке могут формироваться относительно разных уровней категоризации по степени обобщенности. Это является отличительной особенностью прототипического подхода к категоризации объектов, и, как нами отмечалось ранее в Главе I настоящего исследования, этот подход признает наличие разных уровней категоризации и выделение двух аспектов категоризации: горизонтального и вертикального. Напомним, что горизонтальный аспект категоризации подразумевает отнесение объекта к той или иной категории одного и того же уровня обобщения. Вертикальный уровень категоризации подразумевает иерархическое упорядочивание объектов по категориям разного уровня абстракции: базового, субординатного и суперординатного [Болдырев 2016а: 44].

В своей познавательной деятельности человек в основном оперирует категориями базового уровня, поскольку на этом уровне категоризации восприятие объектов происходит нерасчлененно или «гештальтно», т.е. человек оперирует концептами данного уровня неосознанно. Поэтому учеными принято считать именно этот уровень основополагающим в процессе естественной категоризации [Rosch, Mervis, Gray 1976; Лакофф 2004; Lakoff 1990; Болдырев 2001, 2016а].

Что касается вопроса о том, что принято считать категориями базового уровня, то здесь Дж. Лакоффом дается довольно точное объяснение, что

категориями базового уровня можно считать те категории, которые воспринимаются целостно по форме, имеют одиночный ментальный образ, быстро идентифицируются, с точки зрения функции имеют общую моторную программу или, другими словами, единую систему действий. Более того, в процессе коммуникации слова базового уровня являются наиболее короткими, частотными, контекстуально нейтральными, быстро выучиваются детьми и в первую очередь входят в лексикон, а также обладают наиболее большим количеством характеристик, свойственных членам категорий, которые хранятся на базовом уровне [Лакофф 2004: 72; Lakoff 1990: 47].

Н.Н. Болдырев, исследуя категоризацию глагола, приходит к выводу о том, что гештальтность восприятия проявляется в том, что глаголы базового уровня используются в словарях при описании единиц субординатного уровня [Болдырев 2014а: 134].

К единицам нижестоящего уровня, т.е. субординатного, относятся те единицы, которые передают специфичность объекта относительно его составных частей. Соответственно, к суперординатному уровню относятся те концепты и единицы, которые обобщают постоянные характеристики целых классов объектов [Болдырев 2016а: 50].

Для лексических единиц, обозначающих млекопитающих, также является актуальным их отнесение к категориям базового, субординатного и суперординатного уровней, поскольку не все лексические единицы категории «Млекопитающие» имеют равное количество характеристик, свойственных данной категории, а также отличаются частотностью употребления. Из этого следует вывод о том, что лексические единицы разных уровней категоризации обладают разной степенью интерпретативности в языке. В этой связи интересными представляются примеры, приведенные Д. Крузом, в которых сравниваются предложения с употреблением единиц лексической категории «Млекопитающие», принадлежащих к разным уровням категоризации: 1. There's a dog on the porch (На веранде сидит собака); 2.

There's a mammal on the porch (На веранде сидит млекопитающее); 3. There's a wire-haired terrier on the porch (На веранде сидит жесткошерстный терьер) [Cruse 1977]. Первый пример является нейтральным и абсолютно легким в понимании, в то время как второй и третий примеры требуют наличия необходимых знаний, о том, какими характеристиками обладают животные, относящиеся к классу млекопитающих, а также какие признаки отличают собаку определенной породы. И, как справедливо отмечает в своих работах Н.Н. Болдырев, человеку отличить собаку от кошки не вызывает сложностей (категории базового уровня), но в то же время не каждый взрослый человек сможет отличить сенбернара от ньюфаундленда (категория субординатного уровня), а также не всегда знает, каких животных можно отнести к млекопитающим (категория суперординатного уровня) [Болдырев 2016а: 50-51].

Все вышеизложенное является применимым и актуальным для нашего исследования, поскольку единицы, репрезентирующие млекопитающих в языке, употребляются человеком в речи неодинаково, и соответственно, он имеет разные возможности для интерпретации им воспринятого знания.

Говоря о категориях базового уровня, можно утверждать, что гештальтность лексических единиц, репрезентирующих млекопитающих, проявляется в том, что некоторые из них используются в словарных дефинициях при описании других представителей млекопитающих с похожими характеристиками, выступая тем самым точкой референции. Например:

koala – an Australian animal like a small grey bear with no tail that climbs trees and eats leaves [LDOCE];

moose – a large brown animal like a deer that has very large flat antlers [LDOCE];

pony – a small horse [LDOCE];

yak – an animal of central Asia that looks like a cow with long hair [LDOCE];

вол – сельскохозяйственное животное – кастрированный бык [Ожегов, Шведова 1993: 94];

буйвол – м. крупное животное семейства полорогих; дикий североамериканский бык [Ефремова 2000];

горилла – ж. самая крупная человекообразная обезьяна, живущая в экваториальной Африке [Ефремова 2000].

Более того, некоторые лексические единицы базового уровня используются в качестве наименования целых семейств и отрядов млекопитающих, что также дает право полагать, что они выполняют функцию когнитивной точки референции. Например, семейство кошачьих, псовых, оленей, медведей и т.д.:

panda – a large black-and-white <...> is now usually classified with the bears [Merriam-Webster];

fox – any of various carnivorous <...> mammals <...> of the dog family [Merriam-Webster];

пума – ж. крупный американский лесной хищник семейства кошачьих; кугуар [Ефремова 2000];

лань – ж. 1) парнокопытное животное семейства оленей, отличающееся быстротой бега и стройностью [Ефремова 2000].

Также лексические единицы базового уровня, обозначающие млекопитающих, представляют собой короткие и ёмкие слова (например, *bear, bull, собака* и т.д.), которые являются простыми в запоминании и использовании в речи в сравнении с более сложными лексическими единицами, такими как *hippopotamus, rhinoceros, дикобраз, кенгуру* и др.

Что касается частотности, то согласно данным англоязычного и русскоязычного корпусов (Corpus of Contemporary American English, Национальный корпус русского языка) лексические единицы *bear, deer, mouse, horse, sheep, cow, bull, dog, cat, медведь, собака, кошка, лошадь, корова, бык, мышь* обладают наиболее высокой частотностью, т.е. при анализе данных каждая единица обнаруживала более 10000 вхождений (*bear*

– 15883, собака – 42277) или количество употреблений близкое к данному показателю (sheep – 8701, mouse – 9310, бык – 8754).

Лексические единицы базового уровня категории «Млекопитающие» обладают стилистической нейтральностью и могут употребляться в контекстах разных стилей. Обратимся к следующим примерам:

1. *“She prescribed for me a whole food, plant based diet and she also told me to adopt a shelter dog”* (SPOK: New Day Sunday 7:00 AM EST) [COCA];

2. *She absentmindedly scratched the dog's ears and glanced down at her daughter's phone* (FIC: The weekenders) [COCA];

3. *For decades scientists have debated how, where and when the wolf became the dog* (MAG: Scientific American) [COCA];

4. *For example, the police can not take a drug-sniffing dog onto the porch of an individual's home...* [ACAD: Washington Law Review] [COCA];

5. *И почему в своем обличье,*

Таясь на небе, как в овраге,

Он сочетает что-то птичье

С бездомной поступью собаки?.. В. Блаженный. «Господь мне дал и день, и пищу...» (1993) [НКРЯ];

6. [Денис] *У меня там есть мама / которой завтра на работу / и собака.* [Праздный разговор молодых людей, Московская область // практиканты, 2005] [НКРЯ];

7. *Попросили эвакуировать хотя бы часть собак и кошек* [Семен ЕЛЕНИН. Собак и кошек из донецкого приюта перевезли в Подмосковье // Комсомольская правда, 2014.08.07] [НКРЯ].

В примерах (1) и (6) лексическая единица *собака* употребляется в разговорной речи. Пример (2) представляет собой отрывок из художественной литературы, о чем свидетельствует пометка «FIC» в корпусе. В примерах (3) и (7) лексические единицы *dog*, *собаки* и *кошки* употребляются в контексте публицистического стиля, а пример (3) представляет собой фрагмент учебного текста. Пример (5) демонстрирует

употребление той же самой единицы *собака* в рамках поэтического произведения.

Лексические единицы базового уровня категории «Млекопитающие» обладают всеми или большей частью характеристик, присущим членам данной категории. Так, для подкатегории диких млекопитающих такими характеристиками являются тип питания, среда обитания, физические характеристики животного (размер, цвет, рисунок на теле при наличии, особенности телосложения, особенности кожного покрова). Для подкатегории домашних млекопитающих выделяются такие характеристики, как одомашненность, тип питания, назначение животного, физические характеристики (размер, особенности телосложения и кожного покрова).

Так, единица *deer* имеет большую часть признаков, характерных для представителей диких млекопитающих: *deer* – a large (1) wild (2) animal that can run very fast, eats grass (3), and has horns (4) [LDOCE]. Цифрой (2) отмечена принадлежность единицы к подкатегории «Дикие млекопитающие», (3) тип питания «eats grass», т.е. травоядное животное, физические характеристики – размер (1), и особенности кожного покрова (наличие рогов) (4). Единица *лошадь* содержит в себе характеристики одомашненности (2), физические характеристики размера (1) и признак «назначение животного» (3): *лошадь* – крупное (1) непарнокопытное домашнее животное (2), используемое для перевозки людей, грузов, на сельскохозяйственных работах (3) [Ефремова 2000].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что к категориям базового уровня в нашем исследовании можно отнести лексические единицы *bear, deer, mouse, horse, sheep, cow, bull, monkey, dog, cat, медведь, собака, кошка, лошадь, корова, бык, овца, мышь, обезьяна*. Данные лексические единицы удовлетворяют всем или большей части условий для того, чтобы бы их можно было бы отнести к базовому уровню. С помощью данных единиц у человека формируется гештальтный ментальный образ. Многие из перечисленных лексических единиц используются для

определения других видов млекопитающих в словарях и наименования семейств и отрядов животных с аналогичными характеристиками, т.е. выступают точкой референции. Данные лексические единицы имеют наивысшую частотность в языке. Они наиболее лаконичны с морфологической точки зрения, употребляются в контекстах разных стилей, а также обладают наибольшим количеством характеристик для единиц, свойственных лексической категории, к которой они принадлежат.

Прежде чем говорить о единицах субординатного уровня, нам бы хотелось остановиться на тех единицах, которые также обладают большим количеством параметров, свойственных категориям базового уровня, однако многие из них менее частотны в сравнении с единицами базового уровня. Они в меньшей степени формируют нерасчлененный ментальный образ в сознании человека, поскольку значительно реже используются для определения других млекопитающих в дефинициях, а также редко используются в названии семейств. При этом данные единицы могут употребляться в контекстах различных стилей и хорошо известны человеку. Более того, они обладают большей частью характеристик, свойственных единицам категорий, к которым они принадлежат. Поэтому, на наш взгляд, такие единицы формируют переходный уровень между базовым и субординатным, и к ним относятся: *raccoon, fox, seal, wolf, tiger, lion, mink, hyena, skunk, mole, hamster, bat, elephant, hare, rabbit, zebra, camel, giraffe, hedgehog, elk, moose, rat, beaver, kangaroo, hippopotamus, rhinoceros, ferret, goat, donkey, ox, whale, walrus, squirrel*, слон, тюлень, морж, крот, гиена, норка, ёж, лиса, волк, тигр, лев, заяц, кролик, жираф, верблюд, бегемот, носорог, лось, бобр, коза, летучая мышь, осёл, кит, дельфин, крыса, белка.

Например, единица *tiger* содержит в себе большую часть характеристик, свойственных единицам категории «Дикие млекопитающие»: *tiger – a large (1) Asian carnivorous mammal (2) (Panthera tigris) of the cat family having a usually tawny coat (3) transversely striped with black (4) [Merriam-Webster].* Цифрой (1) нами был обозначена характеристика размера

животного, (2) типа питания (*carnivorous* – хищный, плотоядный), (3) цвета (*tawny* – рыжевато-коричневый) и (4) рисунка на теле. Данная лексическая единица часто употребляется в языке (свыше 10000 вхождений по данным американского корпуса (*Corpus of Contemporary American English*)). Однако ее вряд ли можно отнести только к базовому уровню, поскольку она не используется в дефинициях для определения других млекопитающих, поскольку гештальтность ментального образа формируется единицей *cat*, т.к. и *tiger*, и *lion*, и *jaguar*, и других представителей семейства можно определить этой единицей.

Единицы *hippopotamus* и *rhinoceros* являются словами негерманского происхождения, а заимствованными из латинского и греческого языков, поэтому они не являются ёмкими с морфологической точки зрения и легкими в употреблении и запоминании. Более того, как отмечает в своем исследовании Е.В. Чистякова со ссылкой на работу М.Ю. Белау, одним из критериев для отнесения единиц к категориям базового уровня в английском языке является их исконно германское происхождение [Чистякова 2015: 104; Белау 2009: 12]:

hippopotamus – omnivorous ungulate pachydermatous mammal of Africa, 1560s, from Late Latin *hippopotamus*, from Greek *hippopotamus* "riverhorse," [Online Etymology Dictionary];

rhinoceros – c. 1300, from Latin *rhinoceros*, from Greek *rhinokeros*, literally "nose-horned," from *rhinos* "nose" [OED].

Применительно к другим языкам, можно говорить о том, что в русском языке единица *носорог* представляет собой сложное существительное, а такие единицы, как *бегемот*, *жираф*, *тигр* являются заимствованиями из других языков (*бегемот* – др.-евр. *behemoth* – бегемоты [Ушаков 2013: 30]; *тигр* – греч. *tigris* [Ушаков 2013: 677]; *жираф* – первое заимств. через франц. *girafe* [Фасмер 1986], что также препятствует формированию целостного образа в сознании человека и отнесению данных единиц к категориям чисто базового уровня, поскольку единицы базового уровня в большинстве

относятся к славянской ветви языков (*собака* – укр. соба́ка, блр. саба́ка, др.-русск. собака, польск. диал. sobaka... [Фасмер 1986]; *мышь* – мышь ж., укр. миш, ст.-слав. мѣшь мѣс (Euch. Sin.)... [Фасмер 1986]).

Говоря о единицах субординатного уровня, репрезентирующих млекопитающих, важно подчеркнуть, что данный уровень включает единицы, отражающие специфичность объекта и требующие дополнительных знаний для их дифференциации. На наш взгляд, данный уровень можно разделить на подгруппы единиц относительно характеризующего их признака.

Во-первых, к лексическим единицам субординатного уровня относятся породы животных, в частности породы собак: *bulldog, hound, bull terrier, borzoi, Italian greyhound, pug dog, Irish setter, shepherd, pet dog, poodle, бульдог, гончая, бультерьер, борзая, мопс, левретка, болонка, ирландский сеттер, овчарка, пудель, болонка, дворняга* и др.

Во-вторых, к единицам, находящимся на субординатном уровне, можно также отнести виды семейств животных. Данные единицы определяются через единицы базового и переходного уровней. Например, сюда входят наименования следующих видов:

1) кошки: *cougar, jaguar, leopard, lynx, puma, panther, cheetah, ягуар, леопард, рысь, пума, пантера, барс, гепард*;

2) медведи: *polar bear, panda, grizzly, полярный медведь (белый медведь), панда, гризли*;

3) быки: *bison, buffalo, yak, aurochs, бизон, зубр, як*;

4) верблюды: *llama, лама*;

5) киты: *sperm whale, killer whale (grampus), кашалот, косатка*;

6) обезьяны: *gorilla, baboon, chimpanzee, горилла, шимпанзе*.

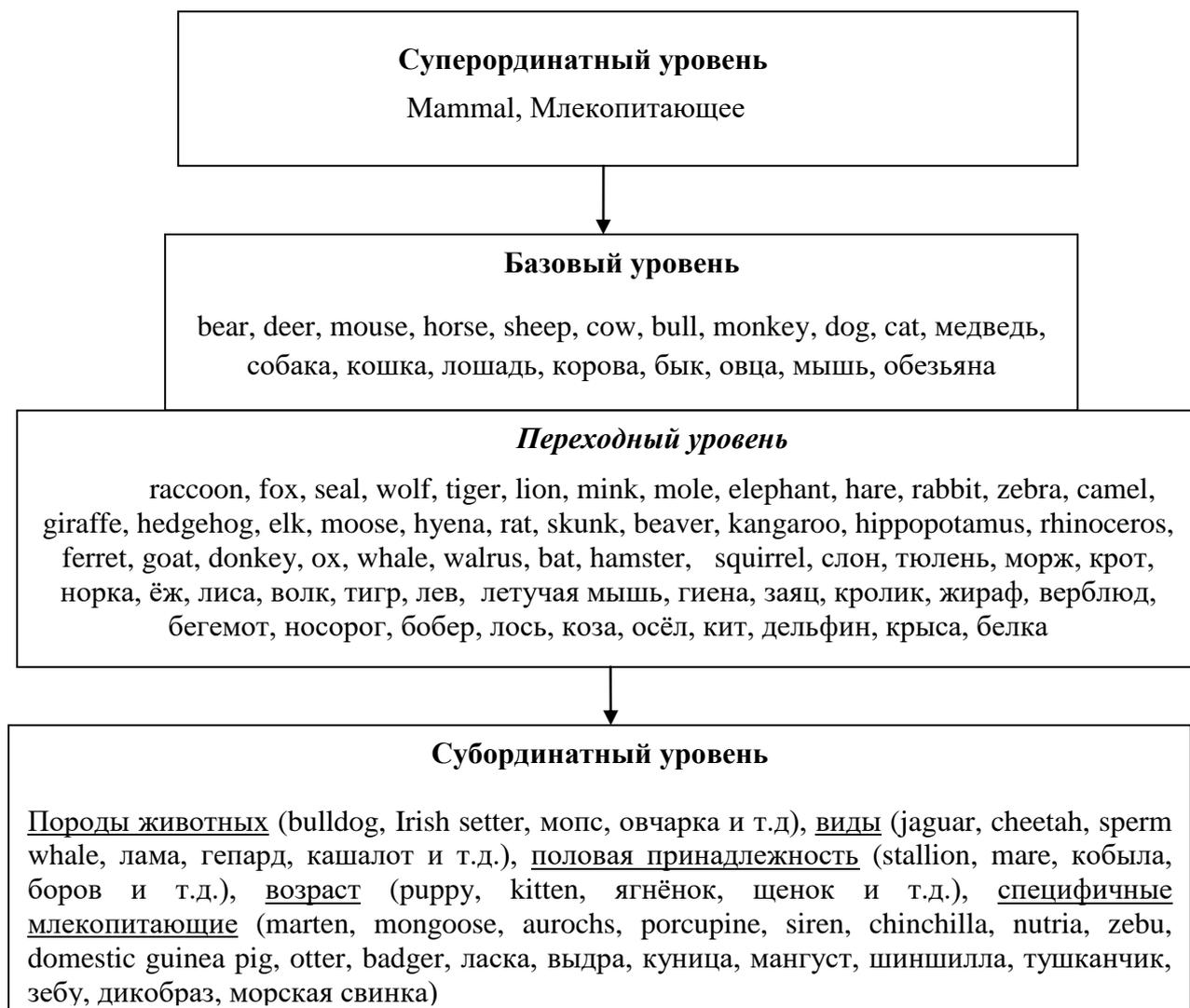
В-третьих, к категориям субординатного уровня также можно отнести единицы, у которых профилируется только один отличительный признак, например половая принадлежность: *stallion, mare, боров, кобыла, жеребец* а

также возраст (наименования детенышей): *kitten*, *puppu*, *ягнёнок*, *щенок*, *поросёнок*.

Наконец, на нижестоящем уровне будут находиться единицы редко употребляющиеся в языке, поскольку они не входят в разряд общеупотребительной лексики. Данные лексические единицы практически не формируют гештальтный образ в сознании человека в результате редкого взаимодействия в своей жизнедеятельности с представителями животных, репрезентируемыми соответствующими лексическими единицами. Для определения характеристик данных животных человеку требуется подключить дополнительные знания. К таким лексическим единицам можно отнести следующие: *marten*, *mongoose*, *aurochs*, *porcupine*, *siren*, *chinchilla*, *nutria*, *zebu*, *domestic guinea pig*, *otter*, *badger*, *ласка*, *выдра*, *куница*, *мангуст*, *шиншилла*, *тушканчик*, *зебу*, *дикобраз*, *морская свинка*.

Вышестоящий или супеординатный уровень представляет собой уровень наивысшей абстракции и обобщения. Поэтому к данному уровню относятся концепты логического плана, которые обобщают постоянные характеристики классов объектов, т.е. слова абстрактной семантики [Болдырев 2016а: 50]. В нашем исследовании на вышестоящем уровне будут располагаться единицы *tatmal* и *млекопитающее*, которая содержит в себе наиболее общие характеристики объектов, находящихся на базовом и субординатном уровнях. Напомним, что концепт МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ включает в себя такие признаки, как *теплокровность*, *наличие шерсти/меха*, *вскармливание детенышей собственным молоком*, *живорождение*, *питание готовыми органическими соединениями*, *способность двигаться*, а также *наличие органов чувств*. Именно эти признаки задают область категоризации объектов исследуемой лексической категории, поскольку они характерны для всех членов категории, независимо от других признаков (см. Схема 4.).

**Схема 4. Уровневая организация единиц лексической категории
«Млекопитающие»**

Таким образом, можно сделать вывод о том, что единицы лексической категории «Млекопитающие» могут быть распределены относительно трёх уровней категоризации на единицы базового, субординатного и суперординатного уровней. Также внутри базового уровня может быть выделен переходный уровень, включающий в себя единицы, не полностью удовлетворяющие критериям базового уровня. Поскольку человек в процессе своей когнитивной деятельности оперирует категориями базового уровня, то, на наш взгляд, исследуемые нами лексические единицы базового и переходного уровней чаще всего используются человеком при интерпретации объектов и явлений окружающей действительности. Как

отмечает Е.В. Чистякова в своем исследовании, гештальтность восприятия единиц базового уровня и переходного делает их «легким материалом» для интерпретирующей функции сознания при обработке знания, передаваемого единицами этих уровней, и использовании их при описании объектов и явлений других тематических областей [Чистякова 2015: 107]. Лексические единицы субординатного и суперординатного уровней используются значительно реже в интерпретирующей функции, однако стоит отметить, что некоторые группы лексических единиц обнаруживают значительную интерпретативность в языке и участвуют в своих вторичных значениях при формировании интерпретирующего потенциала лексической категории «Млекопитающие». К таким единицам, например, относятся породы собак, признаки которых используются при интерпретации физических особенностей человека и артефактов, а также при описании поведения и характера человека (см. также Мелихова 2016).

3. Интерпретирующие форматы знания лексической категории «Млекопитающие»

Как нами было отмечено в теоретической главе нашего диссертационного исследования, в основе формирования интерпретирующего потенциала лежит интерпретирующий формат знания, стоящий за лексическими единицами. Как отмечает Л.А. Панасенко, именно интерпретирующий формат определяет диапазон использования лексических единиц в процессе концептуальной действительности. Интерпретирующие форматы представлены в виде признаков, формирующих внутрикатегориальные связи и определяющие интерпретирующий потенциал лексических категорий [Болдырев, Панасенко 2013; Панасенко 2014, 2017].

Формирование интерпретирующих значений лексических единиц категории «Млекопитающие» происходит в процессе концептуальной

деривации. Между концептами интерпретирующей и интерпретируемых областей происходит взаимодействие на основе установления межконцептуальных связей в результате принципа аналогии. Это позволяет сделать вывод о том, что в основе интерпретирующих значений лексических единиц категории «Млекопитающие» лежит интегративная структура матричного формата, представляющая собой многоаспектное знание как систему взаимосвязанных контекстов [Болдырев 2009; Панасенко 2014].

Когнитивные контексты или домены представляют собой содержательную сторону интерпретируемых областей, выступая понятийным субстратом для интерпретации. Между доменами и лексическими единицами категории «Млекопитающие» устанавливаются межконцептуальные связи, которые определяют сегментацию доменов как результата интерпретирующей концептуализации [Панасенко 2015а].

Так, исследование показывает, интерпретирующие значения и смыслы лексической категории «Млекопитающие» основываются на матричной структуре «человек+млекопитающее», «артефакт+млекопитающее», «животное+млекопитающее», «растение+млекопитающее», «объект неживой природы+млекопитающее», «цвет+млекопитающее», «абстрактное явление+млекопитающее», «место+млекопитающее» и передают характеристику физических параметров человека, характеристику его психики и социализации, характеристику физических параметров артефактов, растений, животных, объектов неживой природы, мест и служат идентификации артефактов, животных, абстрактных явлений, мест и объектов неживой природы.

Напомним, что в исследованиях Л.А. Панасенко выделяются две функции интерпретации: идентифицирующая и характеризующая. Идентифицирующая категоризация обеспечивает формирование знания о конечном фрагменте мира. Языковая единица, выступающая инструментом идентификации, увеличивает свой денотативный потенциал и начинает обозначать новый класс объектов. Характеризующая интерпретация

способствует оценке фрагмента мира со стороны субъекта интерпретации [Панасенко 2012, 2014].

В нашем исследовании было выявлено, что интерпретирующий потенциал лексической категории «Млекопитающие» представлен в языке признаками форматов перцепции, наблюдения, экспериенциальных эффектов, функции, операционального опыта и признаками ассоциативного формата, которые будут нами рассмотрены более подробно далее.

3.1. Интерпретирующие признаки формата перцепции

Исследование интерпретирующих значений и смыслов, которые развивают единицы лексической категории «Млекопитающие», показывает, что объекты животного мира воспринимаются человеком в первую очередь по каналам перцепции, и именно перцептивные признаки данных объектов лежат в основе интерпретации объектов других концептуально-тематических областей, таких как «ЧЕЛОВЕК», «АРТЕФАКТ», «ЖИВОТНОЕ», «РАСТЕНИЕ» и «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА». Это значит, что в результате установления соответствующих межконцептуальных связей на основе принципа аналогии происходит осмысление других областей знания при активизации перцептивного формата знания интерпретирующего потенциала исследуемой лексической категории.

Чувственно-воспринимаемые образы животных в ходе эмпирического познания человеком позволяют ему вычленить характерные признаки, которые используются в качестве дополнительного источника знания об объектах ранее упомянутых областей.

Наименования млекопитающих используются для характеристики внешних особенностей объектов или явлений интерпретации на основе установления межконцептуальных связей, среди которых можно выделить такие направления как размер, телосложение, особенности волосяного и кожного покрова животного, звуки, издаваемые животным, а также его окрас. Далее рассмотрим данные признаки более подробно.

3.1.1. Размер

Лексические единицы, репрезентирующие млекопитающих, могут группироваться относительно их использования для интерпретации особенностей размера объекта или явления интерпретации.

Так, лексические единицы *bear*, *elephant*, *hippopotamus*, *лось*, *корова*, *лошадь* служат для интерпретации особенностей строения объекта интерпретации на основе межконцептуальных связей, определяющихся аналогией по пропорциям тела, а конкретно большого размера. Дифференциальный признак «большой размер» для данных единиц является постоянным и выявляется в ходе лексикографического анализа лексических единиц, что было более подробно описано в настоящей главе, параграфе 1. Рассмотрим, как интерпретирующий признак «большой размер» представлен на примерах различных контекстов:

1. *Big as a bear but scared as a kitten. If you're afraid, Natty, then I'll do it* [COCA].

2. *A gobbler! He was about three feet high, but he seemed the size of an elephant* [COCA].

3. *Their leader, Andries Pretorius, cleverly selected a place to camp that was protected by a steep ravine and the Ncome River, which broadened at that spot into a deep hippopotamus pool* [COCA].

4. *Тут неповоротливо выпростался из-за стола крупный, как лось, старозаветный купец Семен Парфеныч Сахаров* [НКРЯ].

5. — *Олень там большой, как корова, — кивнул бригадир* [НКРЯ];

6. *Людка была громоздкая, как лошадь* [НКРЯ].

В примерах (1), (4), (6) посредством использования лексических единиц *bear*, *лось*, *лошадь* в сочетании с такими прилагательными как *big*, *крупный* и *громоздкий* в составе сравнительной конструкции интерпретируется крупное телосложение человека. В примере (3) в результате метафоризации происходит описание размера ландшафта *hippopotamus pool*. В примерах (2) и (5) представлен внутренний вектор

интерпретации, где проводится аналогия размеров двух представителей животного мира, т.е. интерпретация происходит в рамках одной концептуально-тематической области.

Также дифференциальный признак «большой размер» используется при интерпретации объектов и явлений посредством лексических единиц, репрезентирующих отдельные части тела млекопитающих. Например, большой размер представлен лексическими единицами в следующих контекстах:

7. *Ed was five years older than me with a head as big as a hippopotamus* [COCA].

8. *She identified a tube covered with beets, the perfectly round crimson roots the size of her head, the thick, lush leaves, red veined and as large as an elephant's ear* [COCA].

9. *На другом лице были блестящие, как стекло, черновекые глаза, от темных подглазий огромные, нос серпом и уши, как у летучей мыши* [НКРЯ].

В примере (7) описание размера головы человека происходит через сравнение с большим размером головы млекопитающего. В примере (8) размер листьев растения сравнивается с размером уха слона. В примере (9) при осмыслении описания лица человека мы восстанавливаем недостающие для достаточной интерпретации элементы контекста, т.е. «*уши большие, как у летучей мыши*».

Лексические единицы *rodent, mouse, rat, monkey, kitten, кошка, мышь, мопс, ёж* обнаруживают общую функцию интерпретации небольшого размера человека (10, 11, 12, 13), животных (14, 16), артефактов (15) в следующих примерах:

10. *You can't keep a cat in town. "You can." "You need something small like a rodent," Charlene said* [COCA].

11. *In her restless sleep she's fifteen, small like a little rat* [COCA].

12. *On this Sunday, a mother weeps as she holds her baby, born at 26 weeks and still as small as a kitten* [COCA].

13. *Now, finally, emaciated, small as a monkey, he lay on his left side with his eyes closed* [СОСА].

14. *Еще немного пройдя по колоскам, они опять вышли на дорогу и разом обернулись на коров. Теперь даже самые ближние казались маленькими, как кошки ...* [НКРЯ].

15. *На прилавке стоял сержант дорожно-постовой службы размером с нашего мопса Хуча* [НКРЯ].

16. *От сада с 800 видами орхидей и 500 — гибискусов до Парка оленей — маленьких, словно ежики, нежных, как зефир в шоколаде...* [НКРЯ].

В данных примерах признак «небольшой размер» у таких единиц, как *rodent* (10), *rat* (11), *kitten* (12), *monkey* (13), *мопс* (15) *ёжик* (16) носит статус постоянного, что выявляется с помощью лексикографического анализа (*rodent* – any small animal of the type that has long sharp front teeth, such as a rat or a rabbit [LDOCE]; *ёж* – небольшой зверек отряда насекомоядных <...> [Ефремова 2000]; *мопс* – м. 1) порода небольших комнатных бульдогообразных собак <...> [Ефремова 2000]). Признак «небольшой размер» у единицы *кошка* является латентным и достраивается контекстуально, за счет употребления прилагательного *маленький* в составе компаративной конструкции в примере (14).

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что интерпретация размера лексическими единицами исследуемой категории происходит на основе установления межконцептуальных связей в домене «физические характеристики» для сегмента «строение тела человека» области «ЧЕЛОВЕК», в домене «физические характеристики» для сегмента «строение тела животного» области «ЖИВОТНОЕ», для сегмента «конфигурация» областей «АРТЕФАКТ» и «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА», а также для сегмента «строение растения» области «РАСТЕНИЕ».

3.1.2. Телосложение

Лексические единицы, обозначающие млекопитающих, во вторичных значениях могут дифференцироваться на единицы, репрезентирующие животных по их пропорциональным особенностям.

Так, признак «грузное телосложение», выделенный у лексических единиц *bear, elephant, gorilla, слон, носорог, бегемот* категории «Дикие млекопитающие» при первичной категоризации находит свое отражение во вторичной интерпретации особенностей фигуры человека, строения частей его тела и конфигурации артефактов в сочетании со следующими прилагательными: *fat* – notable for having an unusual amount of fat [Merriam-Webster]; *thick* – if something is thick, there is a large distance or a larger distance than usual between its two opposite surfaces or sides [LDOCE]; *толстый* – м. разг. тот, кто имеет крупное, полное тело [Ефремова 2000]; *жирный* – 2) а) перен. толстый, тучный, ожиревший (о человеке или животном) [Ефремова 2000], *грузный* – прил. разг. 1) тяжелый, полный (о человеке) [Ефремова 2000] в примерах следующих контекстов:

1. *I'm sorry. I have a boyfriend. He's a restaurateur, fat as a bear* [COCA].

2. *Never mind that his actual guts were inside the Oval Office desk, and never mind that a concealed rope of fiberoptic cables as thick as an elephant's trunk led from there to the communications center that linked him to everything and everywhere* [COCA].

3. *Shen-si would yell, then duck to hide his laughter at the sight of him, thick as a gorilla, jerking his head around and blinking in confusion* [COCA].

4. *Поздним вечером старый бультонский банкир мистер Сэмюэль Ленди заперся в подвале своего банка, где в прохладном сумраке стояли шесть грузных, как слоны, металлических шкафов* [COCA].

5. *Демин все еще искал глазами свой трактор и, наконец увидел его значительно левее, угрюмо и грузно, как заснувший носорог, прикорнувшего за высоким штабелем трехметрового молодняка* [НКРЯ].

6. *Спина у него тоже оказалась жирная, как у бегемота* [НКРЯ].

В примере (5) отмечается синкретизация с признаками, характеризующими позу животного («прикорнувший и грузно лежащий трактор, как заснувший носорог») и его настроение посредством использования наречия «угрюмо» для описания конфигурации артефакта.

Лексические единицы *pig, cow, bull, кот, боров, щенок* категории «Домашние млекопитающие» также обнаруживают общий признак интерпретации грузного телосложения тела и частей тела человека, что выявляется контекстуально и представлено в следующих примерах:

7. *Her mother would continue: Pretty Agta grows fat as a pig, fat as a cow [COCA].*

8. *He was powerfully built, his massive shoulders bulging inside his T-shirt, his neck as thick as a bull's [COCA].*

9. Конечно, морда толстая, как у щенка, и неприлично жизнерадостная [НКРЯ].

10. На площади перед мэрией Лу Моргенштерн — высокий и толстый, как боров, — строит очередную жутковатую инсталляцию [НКРЯ].

11. Приезжал глава администрации, жирный, как кастрированный кот, лысый дядька [НКРЯ].

В примере (11) для интерпретации человека относительно его телосложения также требуется дополнительное знание, которое выражается в виде использования прилагательного *кастрированный*, т.е., как правило, склонный к полноте после кастрации.

Лексические единицы, обозначающие млекопитающих, также могут обнаруживать общую функцию интерпретации телосложения человека и артефактов, характеризуя его как крепкое:

12. *A small bus with an extension tube like a stubby elephant trunk was now nuzzling affectionately up against the spacecraft [Clarke 2001].*

13. *She, Jehanne, was the youngest. A tomboy. Dark and watchful, with short, sturdy legs like a donkey [COCA].*

14. <...> Баскаков — среднего роста, кривоногий, коренастый как бык человек <...> [НКРЯ].

15. — Живота! — попросил жалобным голосом седобородый, крепкий, как медведь, дед Кузьма [НКРЯ].

В примере (12) особенности конфигурации артефакта описываются при помощи сравнения с частью тела животного *elephant trunk* в сочетании с прилагательным *stubby* – *resembling a stub: being short and thick*» [Merriam-Webster], что характеризует артефакт как короткий и толстый, напоминающий обрубок. В примере (13) тот же самый признак выделяется при характеристике ног человека при использовании единицы *donkey* в сочетании с прилагательными: *short* и *sturdy* – *someone who is sturdy is strong, short, and healthy looking* [LDOCE]. В примерах (14) и (15) единицы *бык* и *медведь* используются для характеристики крепкого телосложения человека в сочетании с прилагательными *коренастый* – 2) а) перен. невысокий, широкоплечий, крепкого сложения (о человеке)» [Ефремова 2000], *крепкий* – 2) а) перен. здоровый, физически сильный, выносливый (о человеке) [Ефремова 2000].

Общую функцию интерпретации стройного телосложения человека на основании установления межконцептуальных связей по аналогии со стройным телосложением человека обнаруживает подгруппа лексических единиц категории диких млекопитающих *panther, marten, олениха, косуля* в следующих примерах:

17. *She is as slender as a panther, a resident at Mount Sinai Hospital* [COCA].

18. *He put out milk and discovered that there was now one more cat, a female, a deluxe edition of a female, with a coat of light-colored fur and as lithe as a marten* [COCA].

20. — *А моя жена, — говорит англичанин, — тоже красивая и стройная, как олениха* [НКРЯ].

21. — *А что,* — сказал Аслан, подмигивая дяде Сандро, — *наша Шазина и хорошенькая, и стройная, как косуля...* [НКРЯ].

Также, признак стройности выделяется у лексических единиц, репрезентирующих собак, что представлено в следующих примерах:

22. *He was attractive and thin as a greyhound in the early years, his stomach hard and concave* [СОСА].

23. *Я ведь и сам был худой, как уличная собака, но всё у меня внутри горело.*

24. *Зато прям, как аршин, поджар, как борзая собака* [НКРЯ].

Для некоторых единиц признак стройности заложен в концептуальном основании и является постоянным, что наблюдается при анализе словарных дефиниций, т.е. обнаруживается компонент *slender* – small or narrow in circumference or width in proportion to length or height [Merriam-Webster] для единиц: *greyhound* (22) – any of a breed of tall slender graceful smooth-coated dogs; *marten* (18) – any of several semiarboreal slender-bodied carnivorous mammals [Merriam-Webster]; а также компонент *стройный* – прил. 1) а) красиво и пропорционально сложенный, имеющий хорошее телосложение (о человеке или животном) [Ефремова 2000] для единицы *олень* (20) – м. жвачное парнокопытное млекопитающее, тонконогое и стройное [Ефремова 2000]; компонент *поджарый* – прил. 1) втянутый, впалый (о животе, боках). 2) имеющий такие бока, живот; худощавый, подтянутый [Ефремова 2000] для единицы *борзая* (24) – прил. тонконогий, быстрый в беге, с длинным поджарым туловищем и с длинной острой мордой (о породе охотничьих собак [Ефремова 2000]).

Стоит отметить, что интерпретация стройного телосложения человека может дополняться оценочными смыслами, характеризуя фигуру человека с положительной стороны, как это представлено в примере (22) за счет употребления в контексте прилагательного *attractive*, но и также с отрицательной стороны, как это показано в примере (23), уточняя единицу *собака* прилагательным «уличная», что формирует отрицательную оценку

фигуре человека путем достраивания концептуального содержания из общих знаний (уличная собака худая, т.к. голодная).

Интерпретирующий признак «телосложение» также обнаруживается у единиц, репрезентирующих пропорции млекопитающих относительно их роста. Дифференциальный признак «высокий рост» выделяется у лексических единиц *giraffe*, *bear*, *медведица*, *жираф* категории «Дикие млекопитающие» и используется для описания пропорциональных особенностей артефактов относительно параметров высоты в домене «физические характеристики» для сегмента «конфигурация» области «АРТЕФАКТ» (24), для сегмента «строение растения» области «РАСТЕНИЕ» (25), а также в домене «физические характеристики» для сегмента «строение тела» концептуальной области «ЧЕЛОВЕК» (26, 27), в следующих примерах:

24. *It was silvery, with a shiny glazed mirror, a blue wick, and a tall glass chimney, like a giraffe's neck* [COCA].

25. *"Oh, it's, er, a tree that is just exactly as tall as a bear with both paws stretched over his head"* [COCA].

26. *Большая, высокая, как медведица, в распахнутой желтой дубленке, в свитере и мохнатых штанах, в белых унтайках, украшенных разноцветными узорами, жена с минуту молчала* [НКРЯ].

27. *Приснилось ему, будто сам он, голый, высокий, как жираф, стоит среди комнаты и говорит, тыча перед собой пальцем* [НКРЯ].

Характеристика телосложения может также проявляться в интерпретации объектов и явлений по аналогии с формой тела или частями тела млекопитающих.

Так, в следующих примерах лексические единицы *fox*, *ferret*, *raccoon*, *кролик*, *монс*, *коза* обнаруживают общую функцию интерпретации черт лица человека на основе установления межконцептуальных связей по аналогии с очертаниями морды млекопитающего:

28. *He has a sly, pointy kind of face... like a fox. You know what I mean? It isn't just the shape, it's the way he watches you, grinning, like he's got the goods on you [COCA].*

29. *A face began to take shape in Dave's mind. Narrow, ferrety features [COCA].*

30. *But she also scared the hell out of him – a tall, grim-looking woman with ramrod-straight posture and an excess of dark eye shadow that made her look like a raccoon [COCA].*

31. *Это был маленький мальчик с лицом кролика, добрый и восторженный [НКРЯ].*

32. — *Что за булочница! Лицо как у мопса. И одета под мужика...* [НКРЯ].

33. *А то рождается какой-то принц Чарлик с ушами, как у свиньи, и лицом, как у козы, а ему тут же миллионы и почести [НКРЯ].*

Дифференциальный признак «продолговатость» объединяет лексические единицы, используемые для характеристики удлиненных форм объектов или явлений интерпретации. Так, например, лексические единицы категории «Дикие млекопитающие» *cheetah, camel, кенгуру* обнаруживают общий признак «длинные ноги»:

34. *That's right. He runs on two carbon fiber legs, cheetah legs, as they're known [COCA].*

35. *She looked like a camel with a long brown face and long arms and legs [COCA].*

36. *Росту в нем 74 сантиметра, со стиральную машину, глаза навыкат, а руки длинные, как ноги у кенгуру [НКРЯ].*

Для единиц *cheetah, camel, кенгуру* признак «длинные ноги» заложен в концептуальном основании и выявляется в процессе первичной интерпретации. Признак «длинные ноги» в примере (34) посредством лексической единицы *cheetah* интерпретирует особенности формы протезов для бега спортсменов с ограниченными возможностями в домене

«физические характеристики» для сегмента «конфигурация», а также параметров скорости, которую развивает человек, используя данный протез по аналогии со скоростью гепарда в домене «физические характеристики» для сегмента «кинематика» области «АРТЕФАКТ». В примерах (35), (36) дифференциальный признак «длинные ноги» используется для интерпретации конечностей человека в домене «физические характеристики» для сегмента «строение тела».

Для единиц *racehorse*, *борзой* категории «Домашние млекопитающие» также выделяется общий признак длинных ног, который используется для интерпретации параметров скорости человека в домене «физические характеристики» для сегмента «кинематика» в следующих примерах:

37. *Morgan was five feet eleven and one half inches tall and still growing, with long legs like a racehorse* [СОСА].

38. *Да и не всякий старик может в одежде резво бегать. На этой проклятой войне нужно иметь такие ноги, как у борзого кобеля, а я, к примеру, где их достану* [НКРЯ].

Лексические единицы *donkey*, *rabbit*, *заяц*, *ослик* обнаруживают общий признак «длинные уши», который служит для интерпретации форм артефактов и особенностей человека:

39. *After 1908 other countries produced their own versions of the scissors telescope, which the British nicknamed " donkey ears "* [СОСА].

40. *Like the rabbit ears of old, these antennas enable you to pick up network TV over the air this time in high definition* [СОСА].

41. *Вогулы вытянули ему уши, как у зайца, отчего богатыря и прозвали «Пеля», что значит «ухо»* [НКРЯ].

42. *По изобразительному описанию Феофана Прокоповича, все опустили уши, как бедные ослики, перешептывались, а с негодованием откликнуться никто не смел* [НКРЯ].

В примерах (39), (40) лексические единицы *donkey* и *rabbit ears* используются для интерпретации формы артефактов в домене «физические

характеристики» для сегмента «конфигурация». Название телескопа в примере (39) связано с его удлинённой формой подобно форме ушей осла. В примере (40) представлен разговорный вариант названия антенны по аналогии с удлинённой формой ушей кролика: *rabbit ears* – комнатная телевизионная V-образная антенна, комнатная телевизионная уголково-образная антенна [АВВУ Lingvo]. В примере (42) сравнение с опущенными ушами осликов используется для описания подавленного, безнадёжного состояния человека в домене «психика» для сегмента «эмоционально-психологическое состояние».

Форма отличительных частей тела млекопитающих таких, как рога, хобот, колючки и т.д. также может использоваться для описания объектов интерпретации, например, форм артефактов и других объектов животного мира. Так, лексические единицы *bull, lamb, deer, олень, лось* обнаруживают общий интерпретирующий признак по наличию рогов на теле и используются для описания форм артефактов и особенностей человека:

43. *Webster University's mascot is rather frightening with its face like an angry lion and its horns like a bull* [COCA].

44. *A unique interpretation identified the American Republic with the second beast of Revelation 13, which, although it had " two horns like a lamb, " would now speak " like a dragon* [COCA].

45. *They all ran down there with sticks with pointy deer horns on them and clubs and rocks* [COCA].

46. *Самокат выплыл из подъезда и медленно направился к песочнице. Он был гордый и рогатый, как олень* [НКРЯ].

47. *Светит луна и морозно. Крадучись вышла на улицу дочь... Дома поступят с ней «грозно». Но не папаша, рогатый как лось, — Мать отколотит, и больно...* [НКРЯ].

В примерах (43), (45), (46) лексические единицы *bull, deer, олень* обнаруживают общий вектор интерпретации рогатой формы артефактов в домене «физические параметры» сегмента «конфигурация» концептуальной

области «АРТЕФАКТ». Лексические единицы *lamb* и *лось* используются в примерах (44) и (47) для интерпретации положения человека в обществе в домене «социализация» для сегмента «социальный статус» области «ЧЕЛОВЕК». Так, сравнение Америки со зверем с маленькими рожками ягненка в примере (44) подчеркивает уничижительное отношение автора и отсутствие у страны должной мощи для того статуса, на который она претендует. В примере (47) «рогатость» подразумевает уничижительный статус человека, которому изменяют. Измену связывают с рогами, поскольку обманутый муж похож на человека, носящего рога; все замечают измену жены, кроме него.

Отличительность частей тела млекопитающих также может использоваться для описания внешности и состояния человека. Так, лексические единицы категории «Дикие млекопитающие» *hedgehog*, *porcupine*, *дикобраз* обнаруживают общий признак колючести, что представлено в следующих примерах:

48. *His eyes were screwed tightly shut against stray beams of sunlight, and his hair stuck out in all directions like a hedgehog's spines* [COCA].

49. *Following them was a much shorter man -- the one with the hair standing straight up in the air, all blond like hoar frost and needle-looking, like a porcupine, or like a man who had stuck his finger into a light socket and saw God all at the same time* [COCA].

50. ... студент Петя Гегель, весь в мыслях, как дикобраз в иглах [НКРЯ].

В примерах (48) и (49) внешний облик волос человека интерпретируются через сравнение с колючками животного (*hedgehog's spines* (48) и *needle-looking, like porcupine* (49)) при дальнейшей детализации интерпретирующего признака за счет компонентов контекста «*stuck out in all directions*» (48) и «*like a man who had stuck his finger into a light socket and saw God all the same*» (49), что, в результате, осмысливается как «взъерошенные, торчащие в разные стороны волосы» в домене «физические характеристики»

для сегмента «внешний вид» человека. В примере (50) объем мыслей человека интерпретируется через сравнение с большим количеством иголок на теле дикобраза, при этом использование лексической единицы *дикобраз* позволяет говорящему достроить концептуальную структуру оценочным компонентом осмысления объекта как «напряженное состояние объекта», т.е. интерпретация колючести происходит в домене «психика» для сегмента «эмоционально-психологическое состояние» человека.

Лексические единицы *bull*, *elephant*, *слон*, *верблюд* группируются относительно прочих особенностей частей тела по наличию горба, хобота, сумки:

51. *He was short, dark, with crew-cut hair and a neck like the hump of a bull* [COCA].

52. *In the darkness I could just see the thing – like an elephant's trunk more than anything else* [Wells 1897].

53. *Из коридора в каюту вползала толстенная серая змея с открытым беззубым ртом. Она была похожа на заблудившийся слоновий хобот* [НКРЯ].

54. *Диван был жесткий и двугорбый, как верблюд, — каждая половина выпуклая* [НКРЯ].

В примере (51) словосочетание *the hump of a bull* используется для интерпретации телосложения человека в домене «физические характеристики» для сегмента «строение тела». Лексические единицы *elephant* и *верблюд* в примерах (52), (54) обнаруживают общий вектор интерпретации внешнего облика артефактов в домене «физические характеристики» для сегмента «конфигурация». За счет использования словосочетания *слоновий хобот* в примере (53) интерпретируется телосложение представителя животного мира в домене «физические характеристики» для сегмента «строение тела», а также его манера передвижения в пространстве за счет использования прилагательного «заблудившийся» в составе сравнительного оборота для сегмента

«кинематика», что позволяет говорить о синкретичной актуализации признаков разных форматов (перцепции и наблюдения).

Таким образом, интерпретирующий признак «телосложение», представленный единицами лексической категории «Млекопитающие», служит для характеристики фигуры человека в домене «физические характеристики» для сегментов «строение тела» и «внешний вид»; для характеристики состояния человека в домене «психика» для сегмента «эмоционально-психологическое состояние человека», для характеристики скорости передвижения человека в домене «физические характеристики» для сегмента «кинематика», а также для характеристики положения человека в обществе в домене «социализация» для сегмента «социальный статус». Что касается интерпретации концептуальной области «АРТЕФАКТ», то лексические единицы, репрезентирующие млекопитающих, используются для интерпретации конфигурации артефактов в домене «физические характеристики» для сегментов «конфигурация». Интерпретация объектов области «РАСТЕНИЕ» описывается через лексические единицы, обозначающие млекопитающих, в домене «физические характеристики» для сегмента «строение растения». Телосложение представителей животного мира посредством лексических единиц категории «Млекопитающие» интерпретируется в домене «физические характеристики» для сегмента «строение тела».

3.1.3. Волосяной и кожный покров

Лексические единицы, обозначающие млекопитающих, используются для описания объектов и явлений интерпретации относительно особенностей волосяного и кожного покрова животных.

Так, лексические единицы могут обнаруживать общий интерпретирующий признак по объему волосяного покрова на теле животного. Например, единицы *lion*, *dog*, *енот*, *медведь* обнаруживают единый вектор интерпретации при осмыслении значительного количества

волосяного покрова на теле человека на основе межконцептуальной связи, базирующейся на аналогии с текстурой и внешним видом шерсти животного, в домене «физические характеристики» для сегмента «внешний вид», что представлено в следующих примерах:

1. *We heard rumors that Doc was an addict, living in a hut on the Bay of Campeche, his mind gone, his hair and beard like a lion's mane, his body pocked with sores* [COCA].

2. *My husband told me this morning that I resemble a shaggy dog, and he's right* [COCA].

3. *И люди подхватили меня на руки. Один — большой такой, лохматый, как енот, — опустил меня в лодку и вдруг охнул* [НКРЯ].

4. *В барак ввалился высокий парень в свитере, без шапки, лохматый, как медведь, и заголосил* [НКРЯ].

Для единиц лексической категории «Дикие млекопитающие» *lion*, *енот* и *медведь* интерпретирующий признак «значительный волосяной покров» является постоянным и выявляется на уровне первичной интерпретации: *lion* – a large tawny-coloured cat of Africa and NW India, the male of which has a shaggy mane [ODCE 2006: 529]; *енот* – м. 1) хищный пушной зверек с темно-желтым густым мехом [Ефремова 2000]; *медведь* – м. 1) а) крупное хищное всеядное млекопитающее с большим грузным, покрытым густой шерстью телом и короткими ногами [Ефремова 2000]. Для единицы *dog* в примере (2) признак значительного объема волосяного покрова является латентным и выявляется за счет контекстуального окружения. Интерпретация значительного объема волосяного покрова дополняется при этом оценочным смыслом небрежности внешнего облика человека за счет употребления прилагательных: *shaggy* – (of hair or fur) long, thick, and untidy [ODCE 2006: 832] и *лохматый* – 2) а) разг. непричесанный, с растрепанными волосами [Ефремова 2000].

Лексические единицы, репрезентирующие млекопитающих, могут также группироваться относительно общего интерпретирующего признака

«текстура» волосяного и кожного покрова (*текстура* – Особенности строения твердого вещества, обусловленные особенностями расположение составляющих его частей [Ефремова 2000]). Так, лексические единицы *Italian greyhound*, *otter*, *cat*, *мышь*, *бегемот* обнаруживают общую функцию интерпретации гладкости, что представлено на примерах следующих контекстов:

5. *For my money-far from sufficient, I'm afraid-the stunner of the show was a 1967 Ferrari P-3/4, not much taller than and every bit as sleek as an Italian greyhound...* [COCA].

6. *She was a looker, all right. Slender, frizzy blond hair, long legs, perfect curves, sleek as an otter* [COCA].

7. *It turns in at Terry's house, pauses there, and backs out again, slowing considerably: a black tail-finned car brushing by sleek as a cat, the dust and dirt blotting out the shiny wax job* [COCA].

8. *Выхожу, гладкая, как мышь, а сама смеюсь, — от воды ведь, знаете, что с кудрявыми волосами?* [НКРЯ]

9. *У больших камней вскипали водяные воронки и мелкие буруны, а на самой середине её, около огромной глыбины, гладкой и чёрной, как бегемот, опустившийся на колени, крутились клочья сердитой пены, листья и какой-то сор* [НКРЯ].

10. *Посредине ресторана, на эстраде, играли румыны в красных фраках, все смуглые, белозубые, с лицами усатых, напомаженных и прилизанных обезьян* [НКРЯ].

В примерах (5), (7) лексические единицы *Italian greyhound* и *cat* в составе сравнительной конструкции, содержащей прилагательные: *sleek* - a vehicle or other object that is sleek has a smooth attractive shape [LDOCE], *гладкий* - имеющий ровную, без выступов и впадин поверхность [Ефремова 2000], обнаруживают общий вектор интерпретации гладкой поверхности артефактов в домене «физические характеристики» для сегмента «текстура» концептуальной области «АРТЕФАКТ». В примере (9) за счет использования

единицы *бегемот* в сочетании с прилагательным *sleek* формируется интерпретация объекта неживой природы в домене «физические характеристики» для сегмента «текстура». В примере (9) также наблюдается синкретичность признаков по текстуре волосяного покрова и цвету. В примерах (6), (8) и (10) лексические единицы *otter*, *мышь*, *обезьяна* обнаруживают общую функцию интерпретации гладкости волос человека в домене «физические характеристики» для сегмента «внешний вид», при этом у единицы *otter* признак гладкости волосяного покрова является постоянным и выявляется на уровне словарной дефиниции (*otter* – an animal with smooth brown fur that swims in rivers and eats fish [LDOCE]).

Дифференциальный признак, интерпретирующий такую особенность текстуры, как морщинистость реализуется при осмыслении свойств кожи человека или при описании внешнего вида объектов живой и неживой природы единицами *pig's ear*, *hippopotamus*, *обезьяна*, *коровье вымя* по аналогии с текстурой кожи тела/частей тела животного в следующих примерах:

11. *She, with her wide hips, dirty grey hair and face as wrinkled as a pig's ear, looked as blowsy as any harridan from hell* [BYU-BNC].

12. *'Well,' said the corporal at last, looking out over the river to where a low mud shoal raised its back above the water, grey and wrinkled like a hippopotamus,' it was there.'* [BYU-BNC].

13. *Небольшой лоб, низко заросший волосами, закинутыми назад и довольно длинными, был морщинист, как у обезьяны* [НКРЯ].

14. *Почему-то было жалко и смешно смотреть на его круглую загорелую лысину, похожую на новый, хорошо выжженный горшок <...> на длинную, тонкую, морщинистую, как неудойное коровье вымя, шею...* [НКРЯ].

В примерах (11), (13), (14) части тела человека такие, как лицо, лоб, шея, описываются через сравнение с текстурой частей тела млекопитающего: ухо поросёнка (11), лоб обезьяны (13), (14) коровье вымя, что достигается

путем использования лексических единиц *pig's ear* (11), *обезьяна* (13), *коровье вымя* (14) вместе с прилагательными: *wrinkled* (11) – skin or cloth that is wrinkled has small lines or folds in it» [LDOCE], *морщинистый* (13), (14) – прил. 1) покрытый морщинами. 2) перен. имеющий неровную поверхность [Ефремова 2000]. В примере (12) описывается поверхность ландшафта, через сравнение текстурой кожи животного в домене «физические характеристики» для сегмента «текстура поверхности». В данном примере также отмечается синкретизация признаков по цвету и текстуре «*grey and wrinkled*», а в примере (14) наблюдается совмещение признаков по форме и текстуре «*длинную, тонкую, морщинистую*», что добавляет детализации при описании физических параметров объектов интерпретации.

Дифференциальный признак «фактура» как своеобразное качество поверхности объекта (см.: *фактура* – своеобразное качество обрабатываемого материала, его поверхности [Ожегов, Шведова 1997: 847]) может интерпретироваться как способность частей тела млекопитающего к отражению света, т.е. блеску, сиянию, сверканию, и использоваться для интерпретации текстуры поверхности объектов неживой природы в домене «физические характеристики» для сегмента «текстура поверхности» области «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА» в примере (15), в домене «физические характеристики» для сегмента «выражение морды» области «ЖИВОТНОЕ» (16), в примерах (17) и (18) для интерпретации внешнего вида частей тела в домен «физические характеристики» для сегмента «внешний вид» области «ЧЕЛОВЕК»:

15. *There, on a gigantic boulder, shining like the tail of a whale, sat an old lady with the face of Agnes's long-dead aunt* [COCA].

16. *The dolphin, its intelligent-looking eyes shining like a cat's, nodded his head, then turned and dived* [COCA].

17. *Волосы, черные с синеватым отливом, грубые и блестящие, как конский волос, туго заплетены и свернуты на затылке* [НКРЯ].

18. <...> *миловидная плосколицая женщина с темной матовой кожей и глазами нежными и блестящими, как у оленя* [НКРЯ].

В примере (17) также отмечается интерпретация текстуры поверхности волос по тактильным ощущениям с помощью прилагательного *грубый* в составе сравнительной конструкции.

Таким образом, признаки, характеризующие особенности волосяного и кожного покрова млекопитающих, используются для интерпретации таких концептуальных областей, как «ЧЕЛОВЕК» в домене «физические характеристики» для сегмента «внешний вид», «АРТЕФАКТ», «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА» в домене «физические характеристики» для сегмента «текстура поверхности», а также в домене «физические характеристики» для сегмента «выражение морды» концептуальной области «ЖИВОТНОЕ».

3.1.4. Звуки

Одним из наиболее продуктивных признаков формата перцепции являются звуки, издаваемые животными, которые используются для характеристики звуков, производимыми человеком или артефактом. При этом различные наименования животных могут использоваться с глаголами с общей или схожей звуковой семантикой, т.е. разные животные производят один и тот же или схожие звуки. Интерпретация звуков, производимых человеком или артефактом, происходит на основе межконцептуальных связей, определяемых аналогией с качеством производимых звуков животными. Так, лексические единицы *dolphin*, *rabbit*, *гуена*, *кит* обнаруживают общую функцию интерпретации характера произносимых звуков человека в домене «физические характеристики» для сегмента «ГОЛОС»:

1. *Anna starts to screech like a dolphin* [СОСА].

2. *Her sister screamed like a rabbit in a trap* [СОСА].

3. — *Подлый трус!.. Ты воешь, как гуена!.. Корыто акул, оплеванное моряками!*[НКРЯ]

4. *He плакал — выл на одной ноте. Как кит, или кто там воет. Вера с Лешей пытались его успокоить [НКРЯ].*

В данных примерах представленные лексические единицы обнаруживают общий интерпретирующий признак – «порождение громких звуков на высокой ноте», что достигается сочетанием этих единиц со следующими глаголами: *screech* – a high shrill piercing cry usually expressing pain or terror [Merriam-Webster]; *scream* – to voice a sudden sharp loud cry (2): to produce harsh high tones [Merriam-Webster]; *выть* – перен. разг. громко плакать, рыдать, издавая протяжные звуки (о человеке) [Ефремова 2000].

В следующей группе примеров происходит актуализация признака «порождение громких протяжных звуков на низкой ноте» за счет использования лексических единиц *elephant*, *tiger*, *бегемот* в сочетании с глаголами: *bellow* – to give a deep roar of pain or anger [ODCE 2006: 74]; *roar* – to make a long, loud, deep sound [CD]; *реветь* – перен. производить громкие, протяжные звуки [Ефремова 2000], для интерпретации звуков, порождаемых человеком (5, 7) и артефактом (6):

5. *Maranzano bellows like a dying elephant, swinging his arms wildly, trying to ward off the knives as he crawls backwards on the floor [COCA].*

6. *The green car wasn't happy about getting found out, and it let us know it with a big engine rev that sounded like a tiger roaring [COCA].*

7. *Именинника не видишь? — ревел, как бегемот, атаман. Трамвай затормозил [НКРЯ].*

В следующих примерах лексические единицы *cat*, *bunnies*, *кошка*, *ёжик* обнаруживают общую функцию интерпретации тихих звуков для характеристики голоса человека:

8. *She lowers the sheet and ties it around her waist, covers herself with her hair and looks away, purring like a cat, in a halfhearted bargain for attention [COCA].*

9. *We mumbled like bunnies in the cold [COCA].*

10. *На подъемах Василиса не жаловалась, высоко ревя, а урчала, как кошка* [НКРЯ].

11. — *Это когда Демидов тебе кучу гадостей наговорил, и ты весь вечер фыркал, как ежик, помнишь?* [НКРЯ].

В данных примерах дифференциальный признак «тихий звук» актуализируется за счет использования анализируемых лексических единиц в сочетании с глаголами соответствующей звуковой семантики: *purr* (8) – if a cat purrs, it makes a soft low sound in its throat to show that it is pleased [LDOCE]; *mumble* (9) – to say something too quietly or not clearly enough, so that other people cannot understand you [LDOCE]; *урчать* (10) – издавать негромкие звуки низкого тона [Ефремова 2000]; *фыркать* (11) – 1) а) выпускать с шумом воздух из ноздрей, издавая глухой отрывистый звук [Ефремова 2000]. Также в данных примерах за счет использования анализируемых лексических единиц для интерпретации звуков, издаваемых человеком, обнаруживаются оценочные смыслы, характеризующие реакцию человека с положительной (8, 9) и отрицательной (9, 11) сторон.

Таким образом, интерпретирующий признак «звук» используется для характеристики голоса человека (домен «физические характеристики», сегмент «голос»), а также для описания звуков, производимых артефактом (домен «физические характеристики», сегмент «звук»).

3.1.5. Окрас

Интегральный признак «окрас» используется для характеристики цветовых особенностей объектов интерпретации в домене «физические характеристики» для сегмента «цвет» областей «ЧЕЛОВЕК», «АРТЕФАКТ», «РАСТЕНИЕ», «ЖИВОТНОЕ» и «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА».

Интерпретирующий признак «окрас» может дифференцироваться далее на одноцветность и многоцветность. Среди основных цветов однотонной окраски можно выделить лексические единицы, группирующиеся для интерпретации оттенков коричневого цвета:

1. *A young girl and her mother appeared. She was about a head taller than him. Skinny and brown like a little fawn [COCA].*

2. *Down below was a palisade town all of wood, of no great age by the looks of it, and in the center of the town lay a lake like a mouse's eye, perfectly round, perfectly brown [COCA].*

3. *Рог был тяжелый и коричневый, как бивень допотопного носорога [НКРЯ].*

4. *Потряхивая широкой бурой, как медвежья шерсть, бородой, он низко поклонился Пугачёву, затем, прищурившись, оглядел девушек [НКРЯ].*

Также можно выделить лексические единицы, репрезентирующие млекопитающих или их части тела, обнаруживающие единый вектор интерпретации оттенков черного:

5. *Along the slang draining the bog were the mooses tracks, and out on the frozen surface, as black as a bear in the falling snow, the huge animal was making fast toward an island of cedars [COCA].*

6. *The sky is as black as the mule [COCA].*

7. *Черная, как степная кобылица, и груди выглядывали из-под кружев, подобные колбасам [НКРЯ].*

8. *Рядом с ней на корточках сидел парень в белоснежной рубашке и в новеньких туфлях, блестящих и чёрных, как дельфинья спина [НКРЯ].*

9. *Памятник Пушкина был совсем черный, как собака, еще черней собаки, потому что у самой черной из них всегда над глазами что-то желтое или под шеей что-то белое [НКРЯ].*

В примере (8) при интерпретации внешнего облика артефакта также отмечается синкретизация признаков по цвету и текстуре (способность поверхности отражать свет).

В следующих примерах лексические единицы лексической категории «Дикие животные» *whale, wolves, timber wolf, koala, заяц, мышь, слон, летучие мыши* обнаруживают общую интерпретирующую функцию передачи оттенков серого цвета:

10. *She'd been rechristened the Prestige, an odd and depressing name for such an old boat «...» She was big, twice as long as a football field and as wide as a city block, long and flat and the same dark, dull gray as a whale [COCA].*

11. *The deer were different from the eastern whitetails. They had large ears and seemed bigger, with gray hides, gray as winter wolves in full coat [COCA].*

12. *With his barrel chest, thick upper arms, and a beard that stood out around his face as thick and gray as the fur on a timber wolf... [COCA].*

13. *Her hair was short and gray like a koala's, too, and Victor had a full view of the swirl of her head [COCA].*

14. *Он был серый, как нелинявший заяц, — тёмная спина цвета осиновых серёжек, а на животе мех светлый, облачный [НКРЯ].*

15. *У лестницы стоял низенький старичок, серый, как мышь, с бритой головой и небритым лицом [НКРЯ].*

16. *А волна колыхалась, медленная и серая, как спина огромного слона [НКРЯ].*

17. *Все быстрее становилась пляска теней, и уже стал различать Бернардито отвратительные морды крутящихся бесов. Были они серыми, как летучие мыши, но походили и на облака грязного тумана [НКРЯ].*

Дифференциальный признак «многоцветность» выделяется у лексических единиц *dog, panda, raccoon, панда, лемур, корова, зебра* в следующих контекстах:

18. *The whites of the archbishop's small cunning eyes were streaked with brown like those of an old dog [COCA].*

19. *Where she had wiped around her eyes was now blue-black, and she looked like a panda bear [COCA].*

20. *At fifteen, Fester was utterly hairless with a dead white complexion and eyes rimmed in black like a raccoon's [COCA].*

21. *Палево-белая, в черных «очках» вокруг глаз, она походила скорее на панду или лемура, чем на здешних забывших родство лаек [НКРЯ].*

22. *Нехотя, с сипом выбрасывая дым в широкую ноздрю, разгоралась печка. Еще темная, чужая, она постепенно оживлялась, начинала шипеть, пощелкивать, стрелять искрами на шесток и обсыхать с чела, делаясь пестрой, как корова, становясь необходимой и привычной в доме [НКРЯ].*

23. *Не подозревавшая о проделке над нею Васса, смущенная общим смехом, поворачивалась с глупым, недоумевающим видом вправо и влево, и всюду, куда бы ни обращала это пестрое, как у зебры, черное с белым лицо, всюду вспыхивал с удвоенной силой тот же гомерический хохот [НКРЯ].*

В примерах (18), (19), (20), (23) дифференциальный признак «многоцветность» обнаруживается при описании внешних особенностей лица человека по аналогии с окрасом животного. В примере (21) окраска собаки описывается через сравнение с похожей окраской диких животных. Лексическая единица *корова* (22) репрезентирует неоднородность цвета артефакта по аналогии с неоднородной окраской животного.

Окрас млекопитающего также может характеризоваться относительно рисунка на теле у животного. Наличие рисунка на теле, т.е. синкретичность формы и цвета при характеристике окраски, определяет аналогию для интерпретации объектов когнитивных областей «ЧЕЛОВЕК», «АРТЕФАКТ», а также «ЖИВОТНОЕ» и «РАСТЕНИЕ».

Так, для лексических единиц *tiger, zebra, бурундук* характерен общий интерпретирующий признак – «полосы»:

24. *Lidia slipped through the orchids: one from Singapore; another from Chennai; another, striped like a tiger, engineered by Belari [СОСА].*

25. *The shutters had been closed to keep out the worst of the heat, but thin stripes of sunlight always managed to creep in, and those stripes now lay across Danny's bare legs. I look like a zebra, he thought, and in a minute I'll have to face Daskeh [СОСА].*

26. *В траве хлопотали какие-то маленькие, но безголосые птички с полосатыми, как у бурундуков, спинками и высокими головками [НКРЯ].*

В примере (24) лексическая единица *tiger* используется при описании полосатой окраски цветов. В примере (25) солнечные лучи, проходящие по ногам человека, формируют рисунок на его теле схожий с полосами зебры. Полосы на теле бурундука характеризуют окраску птиц в примере (26).

В следующих контекстах лексические единицы *leopard*, *cow*, *легавые собаки*, *рысь* обнаруживают общий интерпретирующий признак – «пятна»:

27. *She wore a two-piece bathing suit spotted like a leopard* [COCA].

28. *Diana was mouthing something at her, then grabbed a pen spotted like a cow and drew a dollar sign in the air* [COCA].

29. <...> *стволы деревьев, которые в моей осыпающейся памяти запечатлелись как платаны со стволами, пятнистыми как легавые собаки, чего никак не могло быть на самом деле* [НКРЯ].

30. *В самом деле, это была лошадь хоть и местной породы, но довольно странной масти — гнедая, в то же время ярко-пятнистая, как рысь* [НКРЯ].

В примерах (27) и (28) единицы *leopard* и *cow* обнаруживают общий вектор интерпретации расцветки артефактов, а именно купального костюма в примере (27) и шариковой ручки в примере (28). Пятнистость млекопитающих также используется при характеристике цвета частей растений (29) и представителя той же концептуальной области (30).

Таким образом, интерпретирующие признаки формата перцепции, формируемые интерпретирующим потенциалом лексической категории «Млекопитающие», включают в себя такие признаки, как размер, телосложение, особенности кожного и волосяного покрова животного, звуки и окрас. Данные признаки являются интегральными, т.е. характеризуют объекты и явления интерпретации в наиболее общем плане. Выше упомянутые интегральные признаки формата перцепции подвергаются дальнейшей дифференциации, объединяя исследуемые лексические единицы в подгруппы относительно различных характеристик. Так, признак «размер» получает дифференциацию относительно характеристик большого и

небольшого размера животного. Интерпретирующий признак «телосложение» дифференцируется относительно таких характеристик, как грузность, крепкость, стройность, рост, особенности форм тела и частей тела млекопитающего (продолговатость линий, формы отличительных частей тела животного). Интегральный признак «волосяной и кожный покров» получает дальнейшую детализацию при характеристике объема волосяного покрова животного, специфики волосяного и кожного покрова (текстура: гладкость, морщинистость; фактура: отражение света). Звуки, производимые млекопитающим, характеризуются по особенностям тембра и громкости (громкие высокие звуки, громкие низкие, тихие). Интерпретирующий признак «окрас» получает дальнейшую детализацию относительно разнообразия цветовых оттенков (одноцветность, многоцветность), а также характеристики рисунка на теле животного (полосы, пятна).

Как известно, восприятие человеком окружающей действительности происходит не только по каналам перцепции, но также и в процессе наблюдения, поэтому формат наблюдения является не менее значимым при исследовании интерпретирующего потенциала лексической категории «Млекопитающие» в связи с тесным взаимодействием человека с представителями живой природы. В следующем разделе данного параграфа будут рассмотрены признаки формата наблюдения, формируемые интерпретирующим потенциалом лексической категории «Млекопитающие».

3.2. Интерпретирующие признаки формата наблюдения

Формат наблюдения, включает в себя признаки, сформированные в процессе наблюдения за животным. К ним относятся: особенности перемещения животного в пространстве (кинетические характеристики) и повадки. Рассмотрим их более подробно.

3.2.1. Кинетические характеристики

Интегральный признак «кинетические характеристики» используется для оценки движения человека, его частей тела, животных и артефактов. В процессе интерпретации в фокус выводятся такие характеристики как «отсутствие движения», «манера движения», «характер занимаемой позы», «скорость» и «траектория».

Отсутствие движения передается с помощью глаголов и причастий соответствующей семантики в сочетании с наименованием млекопитающего, характеризующегося прекращением движения как результата реакции на воздействие окружающей среды. Обратимся к следующим примерам:

1. *And I just happened to look out the window and see them doing this, and suddenly I'm frozen like a deer [COCA].*

2. *She stood as motionless as a deer staring at me in the gathering dusk, dull brown hair limp around her narrow pale face, eyes slightly crossed [COCA].*

3. *Если она меня ими коснётся, я замру, как ёж [НКРЯ].*

4. *Он лежал как кит, выбросившийся в смертной тоске на берег океана: хоть оттащи его обратно в волны, он выбросится опять... [НКРЯ].*

В приведенных примерах единицы *deer*, *ёж* и *кит* в сочетании с причастием II *to be frozen* (1) и глаголами *stay* (2), *замирать* (3), *лежать* (4) определяют статическое, неподвижное состояние человека (домен «физические характеристики», сегмент «кинематика»). В примере (4) контекстуальное окружение («выбросившийся в смертной тоске») также формирует интерпретацию подавленного состояния человека (домен «психика», сегмент «эмоционально-психологическое состояние»).

Дифференциальный признак «манера перемещения» подразумевает выделение качественной характеристики при описании движения объектов интерпретации на основе установления межконцептуальной связи по аналогии с манерой перемещения млекопитающих. Рассмотрим следующие примеры:

5. *The guy was sure to make the Olympics. He was tall, easygoing, intelligent, had superb technique, and moved like a ferret [COCA].*

6. *Ntozake means 'she who comes with her own things.' Shange means 'she who walks like a lion in the bush [COCA].*

7. *Mouse-like I crept into my quilt [COCA].*

8. *Я видел её неделю тому, она прыгала как антилопа [НКРЯ].*

9. *Тихо, как рысь, Светлана подкралась к нему сзади и обвилась вокруг него [НКРЯ].*

В примерах (5) и (8) на основе фоновых знаний об особенностях перемещения млекопитающих в пространстве лексические единицы *ferret* и *антилопа* используются для описания активности передвижения человека. В примере (6) посредством использования единицы *lion*, а также за счет активизации фоновых знаний о манере передвижения животного, описывается аккуратный характер движения человека. В примере (7) с помощью лексической единицы *mouse* в составе сложного прилагательного, а также лексической единицы *рысь* в примере (9) в сочетании с наречием образа действия «тихо» передается такая характеристика, как «отсутствие шума» при передвижении человека в пространстве.

Характер перемещения объектов интерпретации в пространстве может описываться за счет активизации признака «среда обитания», выделяемого у лексических единиц категории «Дикие млекопитающие» при первичной категоризации. Так, лексические единицы *dolphin*, *otter*, *seal*, *kit*, *выдра* обнаруживают общую функцию интерпретации движений по воде:

10. *His head swam like a dolphin in a gargantuan hot tub, and his breath came short, as if he sat not in his fourth-floor walk-up but in an alpine lodge [COCA].*

11. *I want you to show me how to swim like you do, like an otter [COCA].*

12. *She felt her way through the changes, rolled like a seal in the new currents and drank in some of his new program [COCA].*

13. *Шумный, он плескался, как кит, ни на шаг не смещаясь с указанного ему пятка [НКРЯ].*

14. — *Вы плыли, как выдра, — сказал он, чувствуя, как прохладный свежий аромат идет от всего ее тела. — Как выдра? — переспросила она, быстро взглянув на него. — Как бесшумная выдра, — сказал он и взял ее за руку [НКРЯ].*

В примерах (10), (11), (13), (14) лексические единицы *dolphin, otter, kит* и *выдра* используются для интерпретации характера передвижения человека по воде в домене «физические характеристики» для сегмента «кинематика», а в примере (12) единица *seal* используется для описания состояния человека перед жизненными изменениями в домене «психика» для сегмента «эмоционально-психологическое состояние».

Лексические единицы категории «Дикие млекопитающие» *flying squirrel, bat* и *летучая мышь* обнаруживают общую функцию передачи характера перемещения на основе признака перемещения по воздуху для интерпретации способа передвижения животного (15), характера перемещения артефакта (16) и манеры движения человека (17) в пространстве, что представлено в следующих примерах:

15. *The dinosaur, given the name *Microraptor gui*, appears to have used its feathers to glide from tree to tree, much like a flying squirrel [COCA].*

16. *He was withdrawing something from the bag, then in one fluid motion it came flying at her like a bat, landing beside her on the sofa [COCA].*

17. *Так я, изучая природу, нащупываю препятствия и потом летаю, как летучая мышь летает, не задевая распределенных в комнате в частую клетку проволоч [НКРЯ].*

Среди качественных характеристик перемещения объектов интерпретации в пространстве можно выделить группы лексических единиц, которые репрезентируют ловкость и неуклюжесть движений.

Так, лексические единицы *cat, mountain-goat, ape, gazelle, monkey, кошка, рысь, белка, мышь, хорёк, обезьяна* обнаруживают общую функцию интерпретации ловкости движений человека:

18. *The women were achingly beautiful and graceful as swaying flowers, the men deep-browed as philosophers, some of them, others as handsome as gods, or nimble as cats...*[COCA].

19. *Our guides, Geoff Button and Paris Brady, nimble as mountain-goats helped us cross a swing bridge and pointed out waterfalls, massive stone blocks from a defunct granite quarry... [COCA].*

20. *Quick as a cat, and as agile as an ape, he was at the mizen top, then to its cross-trees in a dozen eye-blinks [COCA].*

21. *The female was quick, as fleet and agile as a gazelle, her dark clothes and hair letting her practically disappear into her surroundings [COCA].*

22. *We had used ropes, of course, and each of us was agile as a monkey... [COCA].*

23. *Ловко, как кошка, полковник спустился, цепляясь за выступы, по противоположной стороне дома, к калитке не пошел — пробрался, осторожно ступая по траве, к забору [НКРЯ].*

24. — *Вятчи ловки, как рыси. Сначала убьешь, потом вытащишь Урменя [НКРЯ].*

25. *Ловкий, как белка, мальчишка в минуту взбирается на дерево и оказывается дома, минуя лестницу и входную дверь [НКРЯ].*

26. *Она сразу проснулась и залезла наверх, ловкая как мышь, легла у стенки, глядя в его лицо, чуть освещенное притушенным светом фонарей [НКРЯ].*

27. *Это был высокий, подбористый парень, быстрый и ловкий, как хорек [НКРЯ].*

28. *Я понял, — несчастный ухватился лишь за один конец веревки, движущейся по блоку, но костлявый мечтатель был ловок, как обезьяна, в*

движениях: он таки поймал второй конец и тем задержал свою смерть и, как балерина, с развевающейся блузой скакнул наземь... [НКРЯ].

В данных примерах интерпретация ловкости движения происходит в результате сочетания указанных лексических единиц с глаголами: *nimble* - able to move quickly and easily with light neat movements [LDOCE]; *agile* - able to move quickly and easily [LDOCE]; *ловкий* - прил. 1) а) искусный в движениях, обладающий хорошей сноровкой [Ефремова 2000]. Поскольку дифференциальный признак «ловкость» зачастую обнаруживается вместе с признаком «высокая скорость» (о чем говорит наличие компонента «quickly» в дефинициях глаголов *nimble* и *agile*, а также употребление сравнительного оборота «*quick as a cat*» в примере (20) и прилагательного «*быстрый*» в примере (27)), то можно говорить о синкретизации признаков «высокая скорость» и «ловкость» при интерпретации движения человека посредством указанных лексических единиц.

В следующих примерах лексические единицы *bull*, *cow*, *медведь*, *носорог*, *слоненок* используются для характеристики неуклюжести движений человека:

29. *You can't walk in there like a bull in a china shop* [COCA].

30. *Casilda smiled at her friend. "if I didn't move like a cow, I'd rather have your part. It's much more fun"* [COCA].

31. *Альпинист неуклюже, как медведь на дыбках, обернулся к ребятам и шоферу* [НКРЯ].

32. *Да не толкись же ты, Брике, ты неуклюж, как носорог!* [НКРЯ]

33. *Переминаешься с ноги на ногу, неуклюже, как слоненок* [НКРЯ].

В примере (29) неуклюжесть описывается через значение фразеологизма «*like a bull in a china shop* – if you are like a bull in a china shop, you keep knocking things over, dropping things, breaking things etc.» [LDOCE]. В примере (30) неуклюжесть передается гештальтно через сравнение с коровой, как крупным, медлительным животным. В примерах (31), (32), (33) дифференциальный признак «неуклюжесть» выделяется в результате

сочетания анализируемых лексических единиц с прилагательным *неуклюжий* - прил. 1) неловкий в движениях, неповоротливый [Ефремова 2000]. В примере (31) интерпретация неуклюжести также достраивается путем синкретизации с признаком «поза» («на дыбках»).

Выделение дифференциального признака «поза» ориентировано на отражение статичного положения как всего тела млекопитающего, так и какой-то его отдельной части тела. Интерпретация позы может происходить как за счет описания статичного положения млекопитающего, так и в динамике. Рассмотрим следующие примеры:

34. *He pretended not to be there, curled up like a hedgehog* [COCA].

35. *She stands and arches her back like a cat* [COCA].

36. <...> *they would take photographs of Joseph crawling like a bear across snow, stunned by winter* [COCA].

37. *Тот его слушал, как собака, склонивши голову на бок* [НКРЯ].

38. *Она как кошка вскочила на четвереньки и...заплакала* [НКРЯ].

39. *Она же ходит косолапо, она же ходит как медведь...* [НКРЯ].

В примерах (34), (35), (37), (38) с помощью лексических единиц *hedgehog, cat, собака, кошка* передается позиция человека в статике, в то время как в примере (36) характер занимаемой позы передается за счет использования глагола *crawl*, который выражает особенность перемещения объекта в пространстве с опорой на руки и колени: *crawl* - a: to move on one's hands and knees; b: to move slowly in a prone position without or as if without the use of limbs [Merriam-Webster]. В примере (39) описывается такая особенность позы человека во время движения, когда при перемещении он ставит ступни пятками врозь, а носками внутрь, что напоминает позу медведя. Таким образом, лексические единицы *bear, медведь* используются в примерах (36) и (39) для описания позы человека в динамике.

Дифференциальный признак «баланс» обнаруживается у лексических единиц *giraffe, elephant, бык, кабан, лиса* и служит для интерпретации отсутствия равновесия у человека в следующих примерах:

40. *From the moment in late 1996 when a group of Nike executives first glimpsed Yao swaying like a giraffe into a Shanghai gym [COCA].*

41. *Later that night, Begum Jan's quilt was, once again, swinging like an elephant [COCA].*

42. *Толстый короткошеий Трегулов, без пиджака, в засаленных помочах, задыхаясь и качаясь, как бык, ополоумевшими, налитыми кровью глазами тупо уставился на внезапно появившегося перед ним маленького студента [НКРЯ].*

43. *Тогда милиционер вместе с Кемалом с трудом выволакивают его из трактора. Как только вытащили, обмяк. Стоит и качается как осенний кабан, опьяневший от виноградных выжимок [НКРЯ].*

44. *Зато у меня, бывало, вся кровь загоралась, когда Малевский подойдет к ней, хитро покачиваясь, как лиса [НКРЯ].*

В данных примерах интерпретация отсутствия равновесия дополняется значением глаголов и производных от них причастий и деепричастий, использующихся в сравнительных конструкциях вместе упомянутыми лексическими единицами, а именно: *sway* (40) – to move slowly from one side to another [LDOCE]; *swing* (41) – to cause to sway to and fro [Merriam-Webster]; *качаться* (42, 43, 44) – 2) пошатываться при ходьбе из стороны в сторону (от усталости, при болезни и т.п.) [Ефремова 2000].

Дифференциальный признак «скорость» выделяется у лексических единиц, репрезентирующих млекопитающих, при описании скорости передвижения человека и артефактов. При интерпретации характеристик скорости лексические единицы, исследуемой лексической категории, группируются относительно параметров высокой и низкой скорости.

Так, единицы лексической категории «Дикие млекопитающие» *deer*, *cheetah*, *дельфин* и *лиса* обнаруживают общую функцию характеристики высокой скорости передвижения в следующих примерах:

45. *Medicine Wolf picked up her gown and robe so that they would not get in her way as she tried to run fast as a deer. Someone else called out to her* [COCA].

46. *NFL RUNNING BACKS ARE USUALLY FAST, LIKE A CHEETAH* [COCA].

47. *...послышался крик, кто-то стремительно, как дельфин, прорезал толпу, грохнули подряд три выстрела, покати́лась желтая шляпа* [НКРЯ].

48. *Рыжий лакей сжал в веснушчатом кулаке книжечку билетов. Как лиса, скользнул между столиков* [НКРЯ].

В данных примерах интерпретация складывается из компонентов значений единиц, формирующих сравнительную конструкцию с наименованиями млекопитающих. Так, в примерах (45), (46) интерпретирующий признак «высокая скорость» заложен в концептуальном основании, выделяемом при анализе словарных дефиниций: *deer* – a large wild animal that can run very fast, eats grass, and has horns [LDOCE]; *cheetah* – a member of the cat family that has long legs and black spots on its fur, and can run extremely fast [LDOCE]. Также, характеристика скорости движения передается значением глагола в сочетании с наименованием животного: *run* (45) – to go faster than a walk [Merriam Webster]; *скользнуть* (48) – быстро пройти, юркнуть [Ефремова 2000]. В примере (47) быстрота движения передается за счет использования в составе сравнительного оборота наречия образа действия «*стремительно*» и глагола *прорезывать* в переносном значении – «двигаться, проходить сквозь что-л., преодолевая препятствие» [Ефремова 2000].

Лексические единицы *cat*, *cow*, *bear*, *леопарды*, *конь*, *вол*, *коала* обнаруживают общую функцию интерпретации низкой скорости перемещения объектов интерпретации в пространстве:

49. *She lifts the glass and drinks her fill and sets the glass down, then walks slow as a cat across the kitchen and down the hall to the bright doorway* [COCA].

50. *The train kept on, down the track, slow as a cow [COCA].*

51. *His accent was Southern, his tongue thick and slow as a bear's tongue would be [COCA].*

52. *Где медленно, как леопарды в джунглях, бродят рыхлые юноши [НКРЯ].*

53. *Стол подчинился моему приказу: медленно, как конь командующего на параде, он разворачивается на одном месте и не спеша, фронтом двигается к огромному трехстворчатому окну [НКРЯ].*

54. *Весовщиков взял большую картофелину, круто посолил кусок хлеба и спокойно, медленно, как вол, начал жевать [НКРЯ].*

55. *Очевидно, растолстевший на американских хлебах (все остальные индусы были худые), он двигался медленно, как сумчатый медвежонок коала, перебирающий лапками по ветвям деревьев [НКРЯ].*

Интерпретация низкой скорости может происходить при описании как всего объекта в целом, так и какой-то отдельной его части тела, например, движение рта и языка, как это представлено в примерах (51) и (54). Характеристика низкой скорости также дополняется контекстуальным окружением, где прослеживается более подробно ситуация, при которой животное движется медленно. Это дает основание использовать конкретные лексические единицы, репрезентирующие представителей млекопитающих при интерпретации низкой скорости перемещения человека и артефактов. Например, леопарды в джунглях в примере (52) и конь, под руководством командующего на параде в примере (53).

Направление движения интерпретируется с помощью дифференциального признака «траектория» в следующих примерах:

60. *She danced around the fire just like a deer in graceful flight [COCA].*

61. *Arlie clamped harder and Greeny tried to jerk the finger from her mouth, popping her head back and forth like a dog on the end of a rope [COCA].*

62. *The old man set a fierce pace that day, not only demanding greater speed from me than ever, but also doubling back, zigzagging like a hare with a shukri one jump behind [СОСА].*

63. «Сердце мечется, как обезьяна, Мысли мчатся бешеным галопом, Пред глазами бабочки мелькают, В голове — пчелиное гуденье — Ночь без сна проходит» [НКРЯ].

64. Но я как кошка, которая бегает за своим хвостом. И чем больше я делаю, тем больше мне остается сделать [НКРЯ].

В данных примерах направление движения передается значением лексических элементов контекста. Так, движение по кругу передается предлогом around в примере (60) и сравнением состояния человека как движение по замкнутому кругу (64) с характерной особенностью кошки бегать по кругу за своим хвостом. При этом в примере (60) посредством сравнения манеры движения человека с грациозностью животного «*like a deer in a graceful light*» достраивается дополнительный оценочный смысл. В примере (62) причастие I *zigzagging* (*zigzag – to move forward in sharp angles, first to the left and then to the right etc [LDOCE]*) в сочетании с лексической единицей *hare* формирует интерпретацию зигзагообразной траектории движения человека по аналогии с траекторией животного. В примерах (61) и (63) направление движения «взад – вперед» объектов интерпретации передается за счет сравнения с типичным поведением животных и элементами контекста: «*back and forth*» и компонентом значения глагола: *метаться – беспокойно двигаться, бросаться из стороны в сторону*» [Ефремова 2000].

Таким образом, интерпретирующий признак формата наблюдения «кинетические характеристики» обнаруживаются у лексических единиц категории «Млекопитающие» при интерпретации специфики перемещения человека в пространстве в домене «физические характеристики» для сегмента «кинематика», в домене «психика» для сегмента «эмоционально-психологическое состояние»; при интерпретации особенностей перемещения

артефактов в домене «физические характеристики» для сегмента «кинематика», а также при интерпретации движений животного в домене «физические характеристики» для сегмента «кинематика».

3.2.2. Повадки

Интегральный признак «повадки» млекопитающего используется для интерпретации особенностей психики человека по таким линиям как реакция, характер, эмоциональное состояние, интеллект.

Характеристика психики человека может осуществляться по аналогии с особенностями поведения животного в зависимости от влияния окружающей среды, в результате чего у млекопитающего обнаруживаются типичные для него реакции. Так, дифференциальный признак «реакция» выделяется у единиц *bear*, *moose*, *морж* и *антилопа* при интерпретации стратегии поведения человека в определенных ситуациях в домене «психика» для сегмента «поведение». Например:

1. *Anyway, you just took a shower and you came out grumpy as a bear with a sore foot. The hell with taking a shower [СОСА].*

2. *He sniffed, turning his nostrils in the air like a moose [СОСА].*

3. *Отец уже пятит усы, ощетинившись ими, как морж [НКРЯ].*

4. *Вдруг я насторожился, как антилопа, почувшая запах льва [НКРЯ].*

Особенности психики человека могут интерпретироваться и относительно определенной модели поведения животного в зависимости от его типа питания. Таким образом, выделенные нами подгруппы лексических единиц, репрезентирующих хищников и травоядных, и их признаки, лежат в основе формирования интерпретирующих смыслов.

Как правило, хищники ассоциируются у человека с коварством, злобой, агрессивностью, преследованием своей жертвы. Поэтому лексические единицы, обозначающие хищных млекопитающих в языке, обнаруживают общий вектор интерпретации негативного эмоционально-психологического

состояния человека (сегмент «эмоционально-психологическое» состояние») и отрицательных качеств его характера (сегмент «характер»). Рассмотрим следующие примеры:

5. *Uncle David paced, like a furious lion, back and forth beside it [COCA].*

6. *And yet, when he was called out and stood in the room with Sheriff Quinn and his father, he was as raw and angry as a surly dog and his hatred of himself turned outward toward everyone—a vicious cur he was, unloved, unloving [Steinbeck 1952].*

7. *Ralph being, by this time, as furious as a baffled tiger, made for the door, and, attempting to pass Kate, clasped her arm roughly with his hand [Dickens 1839].*

8. *Сердца у него вовсе нет; он бесчувственен — как камень, холоден — как лед и свиреп — как тигр [НКРЯ].*

9. *Он храбр, но туп, а Войцеховский хитер и коварен, как гиена [НКРЯ].*

10. *Смелый и сильный красавец — негодяй, хитрый и жестокий, как хищный зверь. Ему нужно устранить брата от наследства. Он приглашает его к себе на ужин — а на завтра труп брата вытаскивают из Тибра [НКРЯ].*

11. *Охранник по кличке Бурундук, маленький, плюгавый, злой, как хорек, сидевший в засаде на перевале, подловил его во время одного из походов на Буденный [НКРЯ].*

В представленных примерах интерпретация отрицательных эмоций человека дополняется значением прилагательных соответствующей семантики: *furious* (5,7) – very *angry* [LDOCE]; *angry* (6) – feeling strong emotions which make you want to shout at someone or hurt them ...[LDOCE]; *свирепый* (8) – прил. 1) а) кровожадный, хищный, лютый (о животных); б) зверски жестокий, безжалостный, беспощадный (о человеке, его состоянии) [Ефремова 2000]; *коварный* (9) – прил. 1) склонный к коварству. 2) проникнутый коварством, преисполненный коварства

[Ефремова 2000]; *жестокый* (10) – прил. 1) крайне суровый и грубый; беспощадный, безжалостный [Ефремова 2000]; *злой* – прил. 1) а) преисполненный чувства вражды, недоброжелательности (противоп.: добрый) (о человеке) [Ефремова 2000]. В примере (11) интерпретация отрицательного эмоционально-психологического состояния человека достраивается синкретизацией с признаками формата перцепции, интерпретирующими пропорции (маленький) и внешний вид (плюгавый, т.е. жалкий, немощный), что формирует негативную оценку личности человека.

Лексические единицы, репрезентирующие травоядных млекопитающих, в отличие от хищников, используются для интерпретации отсутствия агрессивности у человека, что представлено в контекстах следующих примеров:

12. *But Jonathan's innocent as a lamb. Do you know what else? He prays* [СОСА].

13. *And he deeply enjoys the pleasures offered up by these two free and easy, undeniably simple, undemanding, milkskinned young women. Sturdy and hearty as can be, they are as warm and harmless as cows in a barn* [СОСА].

14. — *Вдова Калдмана... Видал лицо? Спокойна как слон* [НКРЯ].

15. *Те, которым потерять нечего, дерзки, как хищные волки; те, которые всего могут лишиться, робки, как зайцы; одни хотят все отнять, другие хотят спасти что-нибудь* [НКРЯ].

В данных примерах интерпретация отсутствия агрессии контекстуально дополняется прилагательными: *innocent* (12) - free from guilt or sin especially through lack of knowledge of evil [Merriam-Webster]; *harmless* (13) – lacking capacity or intent to injure [Merriam-Webster]; *спокойный* (14) – сохраняющий самообладание, выдержку; уравновешенный [Ефремова 2000]; *робкий* (15) – 1. м. 1) тот, кто боязлив и несмел. 2) тот, кто нерешителен и застенчив [Ефремова 2000]. В примере (15) интерпретация стратегии поведения человека представлена в виде противопоставления признаков, репрезентирующих повадки хищников и травоядного животного.

Однако во вторичной интерпретации лексические единицы, репрезентирующие и хищников, и травоядных млекопитающих, могут актуализировать характеристику положительных или нейтральных качеств человека (сегмент «характер»).

Так, в следующих примерах лексические единицы категории «Дикие млекопитающие» *lion*, *fox*, *олень*, *заяц*, *сурок* и *медведь* характеризуют человека с положительной или нейтральной стороны:

16. *Sarah, who seemed to Jane to be as brave as a lion, would be off pursuing her legal goal [COCA].*

17. *I associated shyness with innocence and so, when Dale DuKane became pregnant two years later, I was incredulous. "Shy like a fox," my mother explained [COCA].*

18. *Самсон благороден как олень и вообще-то хорошо относится к женщинам, он с ними дружит [НКРЯ].*

19. *И он, мало того, что терпелив, он еще, какой странный, снисходителен, великодушен, доверчив, как заяц, как маленький сурок, как крошечный воробей, и благороден, как старый лохматый медведь, и безупречен, как воздух, господи боже мой...» [НКРЯ].*

Также лексические единицы категории «Млекопитающие» могут использоваться для интерпретации положительных эмоций человека (сегмент «эмоционально-психологическое состояние»). Так, например, лексические единицы *panda*, *aardvark*, *lion*, *слон*, *хищный зверь* репрезентируют позитивные эмоции у человека в следующих контекстах:

20. *Happy as a panda, say, happy as a lark. And an aardvark [COCA].*

21. *You're like a lion after a big kill. You stare out of your eyes and process images. You're full and content [COCA].*

22. *Сказочная вещь: убивает все прыщи и покраснения, НО при этом не сушит остальную кожу. Довольна как слон [НКРЯ].*

23. *И с диким бешенством, я в омуты порока Бросаюсь радостно, как хищный зверь на лань [НКРЯ].*

Стоит отметить, что интерпретация положительного состояния человека с помощью лексических единиц, репрезентирующих хищников, в примерах (21) и (23) сравнивается с удовольствием, полученным во время охоты, т.е. интерпретация также формируется за счет выведения в фокус признака «тип питания».

Интерпретирующий признак «интеллект» выделяется у лексических единиц, обозначающих млекопитающих, при характеристике интеллектуальных особенностей человека (сегмент «интеллект»). Интеллектуальная оценка представляется в виде оппозиции «умный-глупый». Так, в следующих примерах лексические единицы *fox*, *wolves*, *cat*, *собака*, *звери* обнаруживают общую функцию интерпретации высоких интеллектуальных способностей:

24. *He's smart like a fox with a sophisticated defensive mind* [COCA].

25. *In a little hut in the woods a hero is born, strong as a hundred lions and clever as a hundred wolves* [COCA].

26. *Now just barely eighteen, with eight years of study behind her, she was as beautiful as a summer morning and as clever as a cat.*

27. — *Можно я её возьму на минутку?*— *вежливо спросила Дуня, умная, как собака (семь языков и высшая математика* [НКРЯ].

28. *Ах, какую странную, глубокую и сладкую власть имеют над нашим воображением эти опустелые, изуродованные места, где когда-то так радостно и легко жили люди, веселые, радостные, свободные и мудрые, как звери* [НКРЯ].

Оценка интеллекта человека как высокого происходит за счет использования элементов контекста, а именно прилагательных: *smart* (24) - intelligent or sensible [LDOCE]; *clever* (25, 26) - able to learn and understand things quickly [LDOCE]; *умный* (27) - 2) а) обладающий хорошим, ясным умом; достаточно толковый (о человеке). б) понятливый, сообразительный (о животных) [Ефремова 2000]; *мудрый* (28) - 1. м. разг. тот, кто обладает большим умом, высшим знанием, хорошим жизненным

опытом [Ефремова 2000]. Также в примере (24) интерпретирующий признак «интеллект» закреплен в качестве компонента словарной единицы, т.е. носит статус постоянного: *fox – someone who is clever and good at deceiving people* [LDOCE].

Низкие интеллектуальные способности передаются в основном посредством использования лексических единиц категории «Домашние млекопитающие» подкатегории «скот», поскольку человек имеет более высокий статус в экосистеме по сравнению с животными, которых он использует в хозяйстве, и склонен ставить их интеллектуально ниже себя. Так, например, лексические единицы *horse, ox, корова, лошадь* интерпретируют низкие интеллектуальные способности человека в следующих контекстах:

29. *A man can be as dumb as a horse* [COCA].

30. *In the iron business or any other business, who could honestly expect to get good work of any kind out of anybody by saying he really should be stupid as an ox?* [COCA].

31. *Митька Мытищин говорил, что Надька глупая, как корова, — но это он потому говорит, что Надька ему тоже нравилась* [НКРЯ].

32. *Моя экономка фройляйн Фюнф напоминает кентавра: она умна, как лошадь, и вынослива, как человек* [НКРЯ].

В примерах (29), (30), (31) оценка низких интеллектуальных способностей передается за счет использования анализируемых лексических единиц с прилагательными, содержащими в своей семантике, оценку интеллекта: *dumb* (29) – stupid [LDOCE]; *stupid* (30) – showing a lack of good sense or good judgment [LDOCE]; *глупый* (31) – 1. м. разг. тот, кто умственно ограничен, недогадлив, несообразителен, бестолков [Ефремова 2000]. В примере (32) намеренное и ироничное изменение местоположения слов в выражении «*вынослив, как лошадь, умен, как человек*» также используется автором для характеристики низких интеллектуальных способностей человека.

Повадки животных могут дифференцироваться как «действия животных в отношении других животных» и использоваться при интерпретации действий человека в отношении других людей. Рассмотрим следующие примеры:

33. *And – in the next second – he is flinging them away like a lion shaking off hyenas* [COCA].

34. *"It's almost like she's toying with us, like a mouse and a cat," veteran Laura Davies says* [COCA].

35. *You know, they're treated like a skunk at a picnic on Sunday afternoon. They are unwelcome* [COCA].

36. *Сергей Петрович как лев накинулся на молодую девушку, выпрашивая подробности* [НКРЯ].

37. *Она напала на Чехова, как рысь на беззащитную лань* [НКРЯ].

38. *У них воинов в три раза больше, чем всех жителей Уроса... Они не обратят на нас внимания и растопчут нас, как лось — муравейник...* [НКРЯ].

В примерах (33), (38) интерпретируются действия человека в домене «физические характеристики» для сегмента «физическое действие». Интерпретация особенностей коммуникации людей лексическими единицами исследуемой категории происходит в домене «социализация» для сегментов «коммуникативные действия» (36, 37) и «межличностные отношения» (34, 35).

Интерпретирующий признак «повадки» млекопитающего может дифференцироваться как «поведение животного, как результат биологической потребности» и использоваться для интерпретации биологических потребностей человека и его состояний. Например:

39. *Wrangham, with his hard-won experience in eating like a chimpanzee, tends to assume that -- with some exceptions such as fruit – cooked food tastes better than raw* [COCA].

40. *Ira was still grateful to be in the same space with her and to breathe her, like a cat sipping milk – breath from an infant [COCA].*

41. *She seemed to be bad at life, really getting it wrong, like a ferret trying to lay an egg [COCA].*

42. «... Как олень жаждет свежей воды в пустыне, так капиталист жаждет прибавочной стоимости...» [НКРЯ].

43. *Она как подрубленная рухнула на колени, и принялась лакать из этой лужицы масло – жадно и быстро, как собака Полкан на их довоенной даче... [НКРЯ].*

45. *Почему? Потому что бананами налопался, как обезьяна [НКРЯ].*

В примерах (39), (42), (43) биологические потребности в утолении чувства голода и жажды формируют стратегию поведения животного, которая используется для интерпретации поведения человека. В примере (41) лексическая единица *ferret* используется при передаче отрицательной оценки стратегии поведения человека со стороны говорящего («*bad at life, really getting it wrong*») по аналогии с несвойственным животному *ferret* способом продолжения рода. В примере (40) характеризуется отношение человека по отношению к другому лицу посредством использования сравнения с животным, утоляющим свою биологическую потребность. Исходя из проанализированных примеров, можно сделать вывод о том, что биологические потребности составляют основу не только для интерпретации аналогичных потребностей у человека в домене «физические характеристики» (сегмент «действие физического характера»), но и особенностей взаимоотношений и состояний человека в доменах «социализация» (сегмент «межличностные отношения») и «психика» (сегмент «эмоционально-психологическое состояние»).

Таким образом, интерпретирующий признак «повадки» млекопитающего используется для характеристики особенностей психики человека в домене «психика» для сегментов «поведение», «эмоционально-психологическое состояние», «характер», «интеллект», в домене «физические

характеристики» для сегмента «действие физического характера», а также в домене «социализация» для сегментов «коммуникативные действия» и «межличностные отношения».

Интерпретирующие признаки формата наблюдения лексической категории «Млекопитающие» представлены признаками, характеризующими передвижение животного в пространстве (кинети́ческие характеристики) и его повадки. Признак «кинети́ческие характеристики» интерпретирует особенности движения таких концептуально-тематических областей, как «ЧЕЛОВЕК», «АРТЕФАКТ», «ЖИВОТНОЕ» по линиям: реакции, манера перемещения, поза, баланс, скорость, траектория. Интерпретирующий признак «повадки» характеризует особенности психики человека (реакции, характер, эмоциональное состояние, интеллект), действий в отношении других людей и поведения (характеристика биологических потребностей человека и его состояний) на основе межконцептуальных связей по аналогии с повадками млекопитающих.

3.3. Интерпретирующие признаки формата экспериенциальных эффектов

Признаки формата экспериенциальных эффектов отражают концептуализацию переживаемого человеком воздействия со стороны животного. В основе характеристики объектов лежит интегральный признак экспериенциального формата «неблагоприятное воздействие». Рассмотрим следующие примеры:

1. *Being married was like having a hippopotamus sitting on my face, Mrs. Brown. No matter how hard I pushed or which way I turned, I couldn't get up. I couldn't even breathe.... [COCA].*

2. *Christ, he felt like an elephant had his foot on his chest [COCA].*

3. *Я так хотела его видеть — и задрожала, когда встретила, будто волк попался мне навстречу [НКРЯ].*

4. "Русской интеллигенции словно медведь на ухо наступил, — сетует в годы революции Александр Блок, — *мелкие страхи, мелкие словечки...*" [НКРЯ].

5. <...> как укусы летучей мыши крошечные ранки, саднят мешают уснуть что же нам с ними делать? [НКРЯ]

В данных примерах лексические единицы *hippopotamus, elephant, волк* и *медведь, летучая мышь* обнаруживают общую интерпретирующую функцию передачи признака неблагоприятного воздействия на человека со стороны животного. В примере (1) передается психологическое влияние такого состояния или статуса человека, как брак, с помощью сравнения тяжести бремени брака с эффектом от большого веса животного. В примерах (2) и (5) лексические единицы, репрезентирующие млекопитающих, обнаруживают общую функцию интерпретации неприятного физического ощущения. В примере (5) характеристика ранок на теле человека также дополняется признаком небольшого размера перцептивного формата посредством использования прилагательного *крошечный* в контексте. В примере (3) эмоциональное состояние человека от встречи с другим человеком сравнивается с эмоциональным состоянием, полученным от встречи с диким животным. В примере (4) фразеологизм «медведь на ухо наступил» используется для объяснения не отсутствия музыкального слуха, а для описания фальшивости русского общества.

Таким образом, из приведенных ранее примеров можно сделать вывод, что опытные схемы знания лежат в основе интерпретации единиц концептуальной области «ЧЕЛОВЕК» в домене «физические характеристики» (сегмент «неприятное физическое ощущение») (2,5), «психика человека» («эмоционально-психологическое состояние») (1,3), «социализация» («межличностные отношения») (4).

3.4. Интерпретирующие признаки формата функции

Формат функции представлен в языке признаками утилитарного назначения объекта, т.е. использование наименований млекопитающих для обозначения мяса животного, меха и кожи.

Так, для обозначения продуктов питания используются лексические единицы категории «Домашние млекопитающие» подкатегории «скот» такие, как *lamb*, *rabbit*, *ягнёнок*, *поросёнок* и др., что представлено на примерах следующих контекстов:

1. *Janie and Logan got married in Nanny's parlor of a Saturday evening with three cakes and big platters of fried rabbit and chicken* [СОСА].

2. *There's also a daily kebab, perhaps lamb with cumin or beef with aleppo and urfa pepper* [СОСА].

3. *Он предлагает салат «морской царь» и жареного ягненка на луковой подушке* [НКРЯ].

4. *А тут на столе мгновенно возникли жареный поросенок, жареная форель, свежие овощи, икра черная, икра красная, осетрина...* [НКРЯ].

Однако лексические единицы категории «Дикие млекопитающие» также могут обнаруживать общую функцию интерпретации назначения животного при наименовании артефактов, изготовленных человеком из меха и кожи данных животных. К таким лексическим единицам относятся *mink*, *rabbit*, *белка*, *соболь* *чернобурка*, *ондатра* и др., например:

5. *"It's like the arctic in here," she said. " I'm so happy I'm wearing my mink."* [СОСА].

6. *2. I was thinking how my rabbit coat was almost alive the fur came up to pet my fingers and take a few puffs of living people* [СОСА].

7. *Белка вытрепывается довольно быстро, и кисти можно брать про запас — они потребуются не позже чем через полгода* [НКРЯ].

8. *Помню, с каким смехом он рассказывал, как в павильон в раздел пушнины пожаловал сам министр пушной промышленности и распорядился,*

где что расположить: тут соболя, тут — чернобурка, а тут — ондатра [НКРЯ].

В данных примерах лексические единицы увеличивают свой денотативный потенциал и используются для наименования артефактов: одежды (5,6), кисти для рисования (7), а также меха, для дальнейшего использования в промышленности (8).

Таким образом, интерпретирующие признаки формата функции, формируемые интерпретирующим потенциалом лексической категории «Млекопитающие», представляют собой признаки утилитарного назначения животного и используются в своих вторичных значениях для интерпретации объектов концептуальной области «АРТЕФАКТ».

3.5. Интерпретирующие признаки формата операционального опыта

Признаки формата операционального опыта представляют собой манипуляции в отношении животных со стороны человека. Интегральный признак «действия, производимые с животными» объединяет лексические единицы, обозначающие млекопитающих, а также глаголы, семантика которых отражает выполнение конкретных манипуляций в отношении животных, для интерпретации действий человека в отношении других людей, а также состояний артефактов и объектов неживой природы под воздействием внешних явлений. Как правило, интерпретация действий, производимых над животными, происходит за счет использования лексических единиц категории «Домашние млекопитающие», поскольку человек находится в наиболее тесном взаимодействии с представителями домашних животных в своей повседневной жизни. Однако такие единицы категории «Дикие млекопитающие», как *крыса* и *мышь* также используются для интерпретации манипуляций из-за своего места обитания вблизи человека.

Так, в следующих примерах интегральный признак «действия, производимые с животными» дифференцируются на «действия деструктивного характера»:

1. *The engine was on fire, the bent propeller blades visible like huge fingers reaching up through the flames. The crash had sheared off both wings, and the fuselage was crumpled like an accordion [COCA].*

2. *Abu Omar al-Baghdadi, now the self-proclaimed caliph of the Islamic State, had announced a bounty of at least \$100,000 on Vilks's head (more if he were to be "slaughtered like a lamb ") [COCA].*

3. *Two of her brothers were slaughtered like animals in their beds [COCA].*

4. *We have brought peace throughout 90 percent of Afghanistan including Kabul, in which people were killed like animals [COCA].*

5. *Приверху острова сдавливало, словно головку бонны, и казалось, вот-вот сорвет остров с якорей, закружит, изломает на куски, развеет по реке этот земной каравай, рыбам его скормит и нас забьет, как мышат, захлещет [НКРЯ].*

6. — *Они меня убить хотели! Ни за что! Только за то, что Россия помогала в вашей гражданской войне правительственным войскам! Если б вы не прилетели, они бы меня зарезали, как барана [НКРЯ].*

7. *Уходи, уходи, хуже будет, я не одна, у меня новый парень, мы в гостинице познакомились, он тебя прибьет, как крысу раздавит, понял [НКРЯ].*

Деструктивное действие как результат влияния внешних факторов репрезентируется в примерах (1) и (5). Так, в примере (1) деструктивное действие описывается через семантику фразового глагола *shear off* при характеристике разрушений самолета в домене «действия над артефактом»: *shear off* - if part of something shears off, or is sheared off, it suddenly becomes separated, especially after being pulled or hit with a lot of force [LDOCE]. Исходный глагол *shear* в английском языке в своем прямом значении используется для обозначения манипуляции по стрижке овец: *shear*

- to cut the wool off a sheep [LDOCE]. В примере (5) разрушительное воздействие на людей со стороны ландшафта и стихии интерпретируется посредством использования лексической единицы *мышата* в сочетании с глаголом *забивать* в значении «ударами, побоями лишать жизни или доводить до крайне тяжелого физического состояния» [Ефремова 2000] в домене «физические характеристики» для сегмента «действия физического характера». В примерах (2), (3), (4), (6) и (7) лексические единицы *lamb*, *animals*, *баран*, *крыса* обнаруживают общую функцию интерпретации разрушительного воздействия на человека со стороны других людей в домене «физические характеристики» для сегмента «действия физического характера» в сочетании с глаголами: *slaughter* – 1. to kill an animal, especially for its meat [LDOCE]; *kill* – to make a person or animal die [LDOCE]; *зарезать* – сов. перех. 1) а) заколоть, убить на мясо (домашнее животное) [Ефремова 2000]; *прибить* – 1) побить, поколотить кого-л. [Ефремова 2000].

Интегральный признак «действия, производимые с животными» может также получить дифференциацию на «манипуляции нейтрального характера», что представлено в следующих примерах:

8. *Her long fair hair had been shorn* [COCA].

9. *I am not a cash cow, and I will not be milked,* Mr. Avellino wrote in an affidavit [COCA].

10. *Here are some low-fat snacks for holiday grazing* [LDOCE].

11. *The prisoners were herded together* [LDOCE].

12. *Человек человеку волк – это новые стандарты... Или, может, кого хочу того дою... Я не раз приводил аргументы, что он своими поправками пытается спихнуть грузответственности на работников...* [НКРЯ].

13. *Форма сотрудников ГАИ помогла им не вызвать подозрение, когда они на трассе следили за ежедневным маршрутом "Крузера". Так же они пасли коммерсантов около бара — удостоверяться, что те готовятся к поездке* [НКРЯ].

14. Вячик заправил рубашку (макинтош остался у шкафа, там он впоследствии собирался обустроить себе берлогу), провел ладонью по щеке, сожалея по поводу неадекватного груминга [НКРЯ].

В данных примерах нейтральная характеристика действий человека в отношении других лиц описывается через семантику глаголов и отглагольных существительных, репрезентирующих манипуляции над домашними животными: *shear; milk* – to take milk from a cow or goat [LDOCE]; *herd* – to make animals move together in a group [LDOCE]; *дойть* – 1) перех. извлекать молоко, выцеживая из сосков (коровы, козы и т.п.). 2) перен. разг. перех. неограниченно пользоваться чьими-л. материальными средствами, извлекать из кого-л., чего-л. какую-л. выгоду для себя [Ефремова 2000]; *пасты* – 1. несов. перех. присматривать за скотом, птицей и т.п. во время выгона на подножный корм [Ефремова 2000]. В примерах (10) и (14) нейтральная манипуляция передается за счет значения существительных *grazing* (от глагола *graze* – 1. an animal grazes, or if you graze it, it eats grass that is growing; 2. informal to eat small amounts of food all through the day instead of having regular meals [LDOCE]) и *груминг* (от англ. *grooming* – 2. the process of cleaning and brushing an animal, especially a horse [LDOCE]) для обозначения гигиенических процедур у мужчин (стрижки, бритья и т.д.). Интерпретация нейтральной манипуляции происходит в домене «физические характеристики» для сегмента «действия физического характера» (8), (10), (11), (14), в домене «социализация» для сегмента «межличностные отношения» (9), (12), (13) концептуальной области «ЧЕЛОВЕК».

Наконец, признак «действия, производимые с животными» может трактоваться как «манипуляции положительного характера» и получать интерпретацию за счет лексических единиц, репрезентирующих домашних млекопитающих, в контекстах при описании приятных действий, направленных на одного человека со стороны другого в домене «физические характеристики» для сегмента «действия физического характера» (15), (16) и в домене «социализация» для сегмента «межличностные отношения» (17):

15. *I just want to sit in his lap and be petted and be loved, unconditionally* [СОСА].

16. *Сейчас лежалось ему тихо-тихо, словно он ходил по этому миру на цыпочках и осторожно трогал его руками и гладил, как кошку, и мир был добр и разговорчив, и не было в нем страха и ничего такого, чтобы задыхаться от жалости* [НКРЯ].

17. *Это щедрый человек, хотя и тратит деньги на всяких шарлатанов и комедиантов. Но в гневе он способен поколотить противоречащего ему, как это случилось недавно с одним приором. В такие минуты все бегут от Адальберта, как от вырвавшегося из клетки льва. Зато, когда он в хорошем настроении, его можно гладить, как ягненка, и корыстолюбивые люди пользуются этим* [НКРЯ].

В примере (15) характеристика положительных манипуляций человека передается через семантику глагола *pet* - to touch and move your hand gently over someone, especially an animal or a child [LDOCE]. В примерах (16) и (17) интерпретация положительных манипуляций передается за счет использования лексических единиц *ягненок* и *кошка* в сочетании с глаголом *гладить* в составе сравнительной конструкции в значении «ласкать кого-л., поглаживая по голове, руке и т.п.» [Ефремова 2000]. Также можно отметить, что характеристика поведения человека в примере (17) достраивается признаком экспериенциального формата «неблагоприятное воздействие» при интерпретации межличностных взаимоотношений описываемого человека с обществом за счет использования в контексте выражения «*все бегут от Адальберта, как от вырвавшегося из клетки льва*», т.е. в данном примере наблюдается синкретизация признаков нескольких форматов для построения детального описания личности человека.

Таким образом, в исследуемой нами лексической категории формат операционального опыта представлен интерпретирующим признаком «действия, производимые с животными», который в свою очередь дифференцируется на признаки: «деструктивные действия», «манипуляции

нейтрального характера» и «манипуляции положительного характера», и используется для интерпретации действий человека в отношении другого человека в домене «физические характеристики» для сегмента «действия физического характера», в домене «социализация» для сегмента «межличностные отношения» области «ЧЕЛОВЕК», в домене «физические характеристики» для сегмента «действия над артефактом» области «АРТЕФАКТ» и в домене «физические характеристики» для сегмента «действия физического характера» области «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА».

3.6. Интерпретирующие признаки ассоциативного формата

Ассоциативный формат интерпретирующего потенциала лексической категории «Млекопитающие» представлен признаками, сформированными на основе личных ассоциаций, т.е. характеристик, приписываемых животному человеком в процессе его интерпретирующей деятельности. Так, интерпретирующий признак «эмоциональная оценка» представлен в языке в виде обращений посредством использования лексических единиц, обозначающих млекопитающих. Негативная эмоциональная оценка представлена, в основном, лексическими единицами категории «Домашние млекопитающие». Это связано с более высоким положением человека в экосистеме, особенно в интеллектуальном плане, по отношению к домашним животным, а также частым их взаимодействием в бытовой жизни. При этом так же, как и в формате операционального опыта для передачи негативной оценки используются такие единицы категории «Дикие млекопитающие», как *rat* и *крыса* в связи тесным контактом животного и человека, который носит отрицательный и деструктивный характер. К обращениям, выражающим негативную эмоциональную оценку, можно отнести следующие лексические единицы:

Cow – British English *spoken not polite* an offensive word for a woman who you think is stupid or unpleasant [LDOCE].

Bitch – informal an insulting word for a woman that you dislike or think is unpleasant – also used humorously between friends [LDOCE].

Pig – someone who is unpleasant in some way, for example unkind or very untidy [LDOCE].

Rat – *spoken* someone who has been disloyal to you or deceived you [LDOCE].

Козёл – 2) перен. разг.-сниж. упрямый, неприятный в общении человек [Ефремова 2000].

Свинья – 2) перен. невежественный, некультурный человек с низменными привычками [Ефремова 2000].

Сука – 2) употр. как бранное слово [Ефремова 2000].

Крыса – 2. м. и ж. разг.-сниж. 1) человек, вызывающий неприязнь. 2) употр. как бранное слово [Ефремова 2000].

Собака – 2) а) злой, жестокий человек. б) употр. как бранное слово [Ефремова 2000].

Контекстуально дифференциальный признак «негативная эмоциональная оценка» представлен в следующих примерах:

1. *Ooh, you're such a bitch* [LDOCE].

2. *Get offa me, you cow* [COCA].

3. *You're a selfish pig* [LDOCE].

4. *But you promised to help us, you rat!* [LDOCE]

5. — *Хорошо, что я тебя, козла, не послушал. А то б вообще стыдобуха была* [НКРЯ].

6. — *Ты — дочь врага народа, — с ненавистью сказала Тракторина Петровна Ганне. — Ты — обезьяна, ты мразь, ты животное...* [НКРЯ].

7. *Здесь я уже начал работать с материалами отдела по борьбе с бандитизмом (помните, Глеб Жеглов говорит Горбатову: «А с тобой, свинья, разговаривает начальник ОББ!»)* [НКРЯ].

8. — *Варвара Степановна у нас женщина интеллигентная, раньше в музыкальной школе работала, но и она не выдержала, просто визжала от злости: «Ну ты, крыса белобрысая, еще вернешься» [НКРЯ].*

9. *Либо ты — собака, сволочь, либо — нормальный человек [НКРЯ].*

10. — *Сука, нечисть болотная, — шипел "певец" сквозь слёзы, — я тебя сейчас отправлю к тому покойничку... [НКРЯ].*

Дифференциальный признак «положительная эмоциональная оценка» широко представлен в русском языке в виде уменьшительно-ласкательных обращений к человеку через лексические единицы, обозначающие детёнышей млекопитающих. Однако и в английском языке также выделяются обращения, передающие нежное отношение человека к другому человеку. Например:

11. *"My pet, I've been to the devil and he's a very dullfellow [Mitchell 1936].*

12. *I'll become a murderer myself! I'll stuff my face with shit! I'd do everything for her, for my bunny [СОСА].*

13. *You all right my kitten?' he asked [СОСА].*

14. *Мама, присутствовавшая на этих уроках, не раз говаривала: «ах, ты, мой медвежонок, опять не в такт пошел» [НКРЯ].*

15. *Где мой мальчик, звоночек мой, солнышко мое, зайчонок? [НКРЯ]*

16. *Если ты, кошечка моя пушистая, когда-нибудь найдешь мой хладный труп с признаками насильственной смерти, то знай: это сделал эксперт-криминалист Олег Зубов. Других подозреваемых даже не ищи. Настя тихонько хмыкнула [НКРЯ].*

Индивидуальные ассоциации также могут формироваться в процессе передачи внутреннего состояния человека посредством использования лексических единиц категории «Домашние млекопитающие» в домене физические характеристики для сегмента «физическое состояние» в примерах (17), (19), (20), (21) и в домене «психика» для сегмента «эмоционально-психологическое состояние» в примере (18):

17. *Ionie thought, like a Russian wolfhound with shoes. Big shoes, terrible shoes, the worst shoes [COCA].*

18. *"The girls squealed, and Ruth felt like a horse at the starting gate. " I'll be there in a sec! " she called out [COCA].*

19. *I can be exhausted or sick as a dog, or going through something in my life, but every single time I walk onstage and see the audience, it's unbelievable [COCA].*

20. — *А я устал, — говорит Марвич. — Устал, как лошадь [НКРЯ].*

21. *Анна уставала как собака, и присутствие в доме активного детского начала было ей не по силам и не по нервам [НКРЯ].*

Характеристика «тембр» голоса может лежать в основе формирования ассоциативной связи при интерпретации характера смеха человека при помощи лексических единиц, репрезентирующих диких млекопитающих:

22. *Vu pranced around the pair, blackened with engine grease, giggling like a monkey [COCA].*

23. *I'll cry like a baby and laugh like a hyena for a week [COCA].*

24. *И хохот его походил больше на кашель кашалота, или моржа, если моржи умеют кашлять [Робертс 2016].*

В данных примерах интерпретация смеха человека происходит при использовании лексических единиц *monkey*, *hyena*, *морж* и *кашалот*. В примерах (22) и (23) характеристика смеха достраивается семантикой глаголов: *laugh* – to show emotion (such as mirth, joy, or scorn) with a chuckle or explosive vocal sound [Merriam-Webster]; *giggle* – to laugh with repeated short catches of the breath [Merriam-Webster].

Таким образом, можно говорить о том, что ассоциативный формат интерпретирующего потенциала лексической категории «Млекопитающие» представлен такими признаками как «эмоциональная оценка», которая дифференцируется в свою очередь на негативную эмоциональную и положительную эмоциональную оценки, выражаемые в форме обращений, посредством наименований млекопитающих в домене «социализация» для

сегмента «межличностные отношения». Также к признакам ассоциативного формата можно отнести состояние и тембр голоса млекопитающего для передачи внутреннего состояния и характера смеха человека в домене «физические характеристики» для сегментов «голос» и «физическое состояние» в домене «психика» для сегмента «эмоционально-психологическое состояние» человека.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что характеризующая интерпретация лексическими единицами категории «Млекопитающие» представлена признаками форматов перцепции, наблюдения, экспериенциальных эффектов, операционального опыта и признаками ассоциативного формата. Идентификация в большей степени представляется признаками формата функции. В рамках данных форматов проанализированные признаки получают дифференциацию и используются для интерпретации доменов таких концептуально-тематических областей, как «ЧЕЛОВЕК», «АРТЕФАКТ», «РАСТЕНИЕ», «ЖИВОТНОЕ», «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА».

Фактический материал показывает, что характеризующая интерпретация концептуальной области «ЧЕЛОВЕК» единицами лексической категории «Млекопитающие» происходит в рамках доменов:

- физические характеристики: строение тела, внешний вид, голос, кинематика, физическое действие, физическое ощущение;
- психика: эмоционально-психологическое состояние, поведение, характер, интеллект;
- социализация: межличностные отношения, социальный статус, коммуникативные действия.

Концептуальная область «АРТЕФАКТ» осмысляется лексическими единицами категории «Млекопитающие» в домене «физические характеристики» для сегментов: конфигурация, звук, текстура, кинематика, действия над артефактом;

Интерпретация концептуальной области «ЖИВОТНОЕ» лексическими единицами категории «Млекопитающие» происходит в домене «физические характеристики»: строение тела, внешний вид, кинематика.

Концептуальная область «РАСТЕНИЕ» осмысляется лексическими единицами категории «Млекопитающее» в домене «физические характеристики»: строение растения, цвет.

Интерпретация объектов «НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ» лексическими единицами категории «Млекопитающие» происходит в домене физические характеристики: конфигурация, текстура, физическое действие.

Формирование интерпретирующих значений происходит на основе процесса концептуальной деривации как результата работы определенных когнитивных и языковых механизмов. Данные механизмы играют важную роль в процессе формирования интерпретирующих смыслов, поэтому нам представляется целесообразным рассмотреть более подробно основные когнитивные и языковые механизмы, участвующие в формировании интерпретирующих значений лексических единиц категории «Млекопитающие», в следующем разделе.

4. Роль когнитивных и языковых механизмов в формировании интерпретирующих значений лексических единиц категории «Млекопитающие»

Данный раздел диссертационного исследования посвящен выделению когнитивных и языковых механизмов, которые являются основой формирования переносных интерпретирующих смыслов, формирующих интерпретирующий потенциал лексической категории «Млекопитающие» в языке. Как известно, вторичные значения образуются в процессе действия операции концептуальной деривации, которая подразумевает образование новых значений на основе уже имеющегося знания [Бабина 2009, 2014], что обеспечивается работой определенных когнитивных и языковых механизмов. Исследование и анализ когнитивных и языковых механизмов позволяет

также выделить и уточнить основные концептуально-тематические области, на которые происходит перенос значения и, как следствие, образование нового интерпретирующего смысла.

В Главе I нашего диссертационного исследования мы уже дали краткий обзор основных когнитивных механизмов, участвующих в формировании интерпретирующих значений у лексических единиц. Таким образом, мы можем говорить, что в нашем исследовании и идентифицирующая, и характеризующая функции интерпретации обеспечиваются действием таких когнитивных механизмов, как профилирование, концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концептуальное сравнение, генерализация и конкретизация. Рассмотрим их более подробно далее.

4.1. Профилирование как когнитивный механизм формирования интерпретирующих смыслов лексических единиц категории «Млекопитающие»

Когнитивный механизм профилирования предполагает выдвижение на передний план определенных характеристик концептов, которые являются наиболее важными в процессе интерпретации. Данные концептуальные характеристики называются «профилями» по терминологии Р. Лэнккера [Langacker 1987].

Исследуя оценочные смыслы, передаваемые единицами ландшафтной лексики, Е.В. Чистякова отмечает совмещение механизма профилирования с другими когнитивными механизмами такими, как концептуальное сравнение, метафора и метонимия [Чистякова 2015: 137]. Данное утверждение является применимым и к нашему исследованию. Например, в предложении «*A bull elephant seal snoozes in South Georgia Island, Antarctica*» [COCA] профилируются сразу несколько концептуальных характеристик перцептивного формата, представляющих важность для интерпретации высказывания. Во-первых, за счет использования единицы *bull* в результате механизма генерализации профилируется такая характеристика животного,

как половая принадлежность (a usually adult male of various large animals (such as elephants, whales, or seals [Merriam-Webster]), а, во-вторых, лексическая единица *elephant* в результате метафорического переноса профилирует такую характеристику млекопитающего, как его размер и телосложение (наличие хобота): *elephant seal* – either of two very large seals (genus *Mirounga* of the family *Phocidae*) characterized by a long inflatable proboscis [Merriam-Webster].

В русском языке с помощью развернутой метафоры в песне В. Высоцкого «Кони привередливые» профилируется признак «кинетические характеристики» формата наблюдения для интерпретации скорости и «поведение» для характеристики упрямости в новом осмыслении как скорости и течения жизни человека:

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!

Вы тугую не слушайте плеть!

Но что-то кони мне попались привередливые —

И дожить не успел, мне допеть не успеть [В.С.Высоцкий 1991: 138].

Одна и та же единица может профилировать разные характеристики в различных контекстах. Например, лексическая единица *mule* в примере «*Atlanta folks are--begging your pardon, Miss Melly--as stubborn as mules about Atlanta*» [Mitchell 1936: 444] в результате действия механизма концептуального сравнения профилирует личностную характеристику упрямости за счет актуализации интерпретирующего признака «поведение» формата наблюдения (*mule* - a very stubborn person [Merriam-Webster]) при описании людей, которые не желали сдавать Янки город Атланту. При этом та же самая единица *mule*, но в значении швейной машины (a machine for simultaneously drawing and twisting fiber into yarn or thread and winding it into cops [Merriam-Webster]), передает такой признак, как «гибридность» за счет актуализации признака «телосложение» перцептивного формата, поскольку конструкция машины представляет собой соединение водного каркаса, разработанного Ричардом Аркрайтом, и прялки «Дженни», изобретенной

Джеймсом Харгривсом [Wikipedia], по подобию животного мула, представляющего собой гибрид лошади и осла (*mule* – a hybrid between a horse and a donkey [Merriam-Webster]).

В русском языке единица *коза* формирует оценку низких интеллектуальных способностей человека в предложении «*Лизка, конечно, тупая коза, но послушная и красивая, получается хорошо*» [НКРЯ] за счет актуализации интерпретирующего признака ассоциативного формата «эмоциональная оценка» в сочетании с признаком «интеллект» формата наблюдения. В то же время анализируемая единица профилирует такую характеристику, как резвость человека в примере «*Как коза по лестнице скачешь, в восемьдесят лет*» [НКРЯ] за счет актуализации признака формата наблюдения «кинетические характеристики» при интерпретации манеры движения человека, как результата совмещения когнитивного механизма профилирования с механизмом концептуального сравнения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что когнитивный механизм профилирования, как правило, не работает в языке обособленно, а совмещается с другими когнитивными механизмами. Данный когнитивный механизм формирует основание для интерпретации, поскольку за счет профилирования выделяются необходимые концептуальные характеристики единиц, репрезентирующих млекопитающих, которые служат основой для формирования интерпретирующих смыслов, поскольку одна и та же единица в различных контекстах может интерпретироваться по-разному в зависимости от профилирующих признаков, важных именно для данного контекста и употребления.

4.2. Метафора как когнитивный механизм формирования интерпретирующих смыслов лексических единиц категории «Млекопитающие»

Концептуальная метафора является одним из главных когнитивных механизмов образования интерпретирующих значений для лексической категории «Млекопитающие», поскольку, как отмечает Н.Н. Болдырев, «в результате концептуальной метафоры возможно установление человеком связей между различными концептами, репрезентирующими разные сущности в его концептуальной системе (межконцептуальные связи)» [Болдырев 2013б: 14].

В нашем исследовании были выявлены метафорические модели, на основе которых происходит перенос значений из одной концептуальной области в другую, формируя при этом интерпретирующие смыслы. К таким моделям можно отнести: МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЧЕЛОВЕК; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – АРТЕФАКТ; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЖИВОТНОЕ; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – МЕСТО; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – НЕЖИВАЯ ПРИРОДА; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Говоря о лексических единицах, формирующих свои переносные значения на основе метафорической модели МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЧЕЛОВЕК, то здесь основными переносными смыслами будут являться оценочные. Если в процессе интерпретации человек именуется другим человеком каким-то видом млекопитающего, то он, как правило, дает оценку положительную или отрицательную его интеллектуальным особенностям, поведению, внешности, а также его личностным характеристикам. Таким образом, можно говорить о том, что интерпретация лексическими единицами категории «Млекопитающие» на основе модели МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ-ЧЕЛОВЕК происходит в основном за счет актуализации признаков ассоциативного формата. Рассмотрим следующие примеры:

1. *“And I suppose she’ll tell all the boys, the old cat”* [Mitchell 1936: 131].

2. *But with the strength of a lion and the will of the lamb, we will meet and overcome all obstacles* [COCA].

3. *No, not the beach. It's an English expression, you fucking baboon. I mean...*[COCA].

4. *А сестре платье зачем изрезал, свинья ты такая?* [НКРЯ]

5. — *Ах осёл, осёл,— сказал он весело,— и ведь главное — всё записывает! Материал собирает! Не протокол допроса, а пьеса из великосветской жизни!* [НКРЯ]

В примере (1) метафорой *old cat* передается негативная оценка такой личностной черте персонажа, как коварство: *cat* - а malicious woman [Merriam-Webster]. В примере (2) за счет использования метафоры *the strength of a lion* передается положительная оценка силы человека: *lion* – 2. a brave, strong, or fierce person [ODCE 2007: 67]. Также с помощью метафоры *the will of the lamb* дается положительная оценка такому качеству человека, как упорство и желание жить, в противостоянии со львом. Оценка низких интеллектуальных способностей дается посредством использования таких единиц, как *baboon* – Noun. An oaf, a fool [www.peevish.co.uk] в примере (3) и *осёл* – 2) о тупом упрянце, глупце [Ожегов, Шведова 1997: 462] в примере (5). В примере (4) отрицательная оценка поведению человека передается через единицу *свинья* – 4. перен. О том, кто поступает низко, подло, а также грубо (о грязном человеке, неряхе (разг)) [Ожегов, Шведова 1997: 703].

Внешность человека может оцениваться посредством таких единиц, как:

dog – Noun. A sexually unattractive perso. Derog [A Dictionary of Slang];

fox – a good-looking young woman or man [Merriam-Webster];

кобыла – 2. перен. О рослой, нескладной женщине (прост. пренебр.) [Ожегов; Шведова 1997: 280];

лошадь – Ну и лошадь эта баба (о крупной нескладной женщине; разг., неодобр) [Ожегов; Шведова 1997: 333].

Во-вторых, с помощью метафорического переноса в языке обозначаются некоторые звания и отличительные возможности людей счет актуализации признаков формата наблюдения, например:

horse – an athlete whose performance is consistently strong and reliable:
a team with the horses to win the pennant [Merriam-Webster];

sea dog – someone with a lot of experience of ships and sailing [LDOCE];

снежный барс – название альпиниста, покорившего четыре
семятысячника [Ожегов; Шведова 1997: 37];

тигр снегов – почётное звание шерпа-восходителя на горные вершины
и проводника [Ожегов; Шведова 1997: 37].

Также на основе когнитивного механизма метафоры происходит идентификация стиля плавания человека за счет актуализации интерпретирующего признака «кинетические характеристики» формата наблюдения для интерпретации манеры передвижения человека по воде по аналогии с манерой передвижения млекопитающего: *dog paddle (also doggy paddle)* – a simple way of swimming by moving your legs and arms up and down [LDOCE]; *дельфин* – 2. м. способ спортивного плавания на груди, при котором на один гребок обеими руками делается одновременно два удара ногами (разновидность баттерфляя) [Ефремова 2000].

Что касается метафорической модели МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – АРТЕФАКТ, то можно говорить, что на основе данной модели происходит идентификация таких единиц, как различные снаряды, оборудование, технические приспособления. Как правило, идентифицирующая интерпретация на основе данной модели достигается за счет актуализации признака «телосложение» формата перцепции.

Так, формирование вторичных значений происходит на основе схожести по форме у единиц, обозначающих спортивные снаряды:
vaulting horse – a gymnastics apparatus used in vaulting that consists of a padded rectangular or cylindrical form supported in a horizontal position above the floor [Merriam-Webster]; *pommel horse* – a piece of equipment in gymnastics that has

two handles on top, which you hold on to when you jump or swing over it [LDOCE]; *конь* – 2. м. гимнастический снаряд в виде обитого мягким материалом бруса на четырех выдвижных ножках [Ефремова 2000]; *козёл* – 2.м. гимнастический снаряд в виде обитого кожей короткого бруса на четырех ножках [Ефремова 2000]; в русском языке обозначения шахматных фигур: *слон* – 2. шахматная фигура, передвигающаяся на любое число клеток по диагонали [Ефремова 2000]; *конь* – 2) перен. шахматная фигура с изображением головы лошади на высокой изогнутой шее [Ефремова 2000].

Для единиц *dog*, *bulldog*, *собачка* также характерна метафоризация по форме при идентификации устройств: *dog* – any various usually simple mechanical devices for holding, gripping or fastening that consist of a spike, bar, or hook [Merriam-Webster]; *bulldog* – a handgun with a thick usually short barrel [Merriam-Webster]; *собачка* – 2) приспособление в виде зубца, пластинки и т.п. в различных деталях, устройствах, закрепляющее что-л. подвижное, препятствующее обратному движению чего-л. [Ефремова 2000].

Когнитивный механизм метафоры используется при идентификации различных сооружений. Так, в английском языке единицей *monkey* называют сооружение для поднятия тяжелых предметов по форме, напоминающую висячую обезьяну на дереве: *monkey* – any of various machines, implements, or vessels; especially: the falling weight of a pile driver [Merriam-Webster]. Единицей *camel* – a watertight structure used especially to lift submerged ships [Merriam-Webster] идентифицируют наводную структуру для поднятия со дна кораблей по схожести с формой животного: «...the structure may first have resembled the half of a camel in its original sense» [Mayne 2000: 51]. В русском языке единицей *бык* обозначают сооружение для поддержания мостов на основе схожести по весу и форме: сооружение похоже на ногу быка: *бык* – 2. м. массивная промежуточная опора моста или гидротехнических сооружений [Merriam-Webster].

Схожесть внешних отличительных особенностей представителей млекопитающих позволяет использовать их названия во вторичном значении

для идентификации сооружений с аналогичными особенностями, например по наличию колючек: *hedgehog* – military defensive obstacle (as of barbed wire) [Merriam-Webster]; *ёж* – м. противотанковое или противопехотное заграждение в виде прочно соединенных между собою и скрещивающихся железобетонных шпал, рельсов, брусьев, деревянных кольев [Ефремова 2000]; наличию когтей и лап для единицы *кошка* в значении «приспособление с крюками, лапами для отыскания, поднятия чего-либо со дна водоема» [Ефремова 2000].

Метафоризации также подвергаются единицы, обозначающие различного рода машины. Так, единица *mole* берет за основу признаки формата наблюдения «среда обитания» и «действие» при идентификация машины для построения туннелей: *mole* – a machine for tunneling [Merriam-Webster]; а также единица *weasel* в значении военной машины, способной передвигаться как по суше, так и по воде по подобию млекопитающего: *water weasel* – A mustelid mammal that hunts in water; especially an otter [EOLD]; *weasel* – a light self-propelled tracked vehicle built either for travelling over snow ice, or sand or as an amphibious vehicle [LDOCE]. В русском языке метафоризации подвергаются такие единицы, как *тигр* и *козёл*, берущие за основу признак «кинетические характеристики», для интерпретации легкости перемещения объекта при наименовании автомобилей с высокой проходимостью: *тигр* – российский многоцелевой автомобиль повышенной проходимости, броневтомобиль, армейский автомобиль – вседорожник [Wikipedia]; *козёл* – 4. разг. автомобиль марки газ, обладающий большой проходимостью; газик [Ефремова 2000]. Тигр способен передвигаться по местности любого качества, а млекопитающее козёл передвигается скачками, легко преодолевая препятствия.

Метафорический перенос может осуществляться на основе цветовых особенностей млекопитающих за счет актуализации интерпретирующего признака «окрас» формата перцепции, например двухцветность для

обозначения полицейской машины *panda (car)* – Noun. A policecar. Taken from when police cars were black and white. {Informal} [A Dictionary of Slang].

В основе метафорической модели МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЖИВОТНОЕ лежит внешнее подобие, а интерпретация на основе этой модели формируется за счет актуализации признаков формата перцепции, интерпретирующих физические параметры животного (телосложение, окрас, части тела) по двум векторам. Внутренний вектор интерпретации подразумевает определение единиц, репрезентирующих млекопитающих через единицы, принадлежащие к той же самой категории, например:

rats with furry tails – Noun. Squirrels [A Dictionary of Slang];

tree rat – another name for squirrel [Жаргон.ру];

sea lion – a large type of seal that lives near the coast in the Pacific Ocean [LDOCE];

котик – морское ластоногое млекопитающее сем. ушастых тюленей с ценным мехом, а также мех его [Ожегов, Шведова 1997: 301];

морской лев – ластоногое животное сем. ушастых тюленей [Ожегов, Шведова 1997:320].

К внешнему вектору интерпретации относится идентификация представителей рыб и насекомых на основе внешнего сходства с млекопитающими по следующим признакам:

наличие отличительных особенностей тела: *catfish* - a type of fish that has whiskers (=strong hairs) around its mouth and lives in rivers or lakes [LDOCE]; *batfish* – any of several fishes with winglike processes [Merriam-Webster]; elephant fish - a chimaeroid fish (*Callorhynchus callorhynchus*) with an elongated mobile projection of the snout [Merriam-Webster]; *Прячется под водой морской еж с тонкими длинными иглами и осторожный осьминог* [НКРЯ]; *носорог* – 2. м. большой бурый жук с рогом на голове [Ефремова 2000]; *жук-олень* – Верхние челюсти самца по форме походят на рога оленя, используются в турнирных боях за самку [Биологический словарь Online].

окрас: *zebra caterpillar* – a caterpillar that is the larva of an American noctuid moth (*Ceramica picta*), that is light yellow with a broad black stripe on the back and lateral stripes crossed with white [Merriam-Webster]; *tiger prawn* – a large edible prawn marked with dark bands [ODCE 2006: 957]; *крылатка-зебра* – рыба семейства скорпеновых. Окраска тела красная с многочисленными светлыми полосками [Wikipedia]; *тигровая креветка*:

форма частей тела: *wolfish* - any of several large marine bony fishes (genus *Anarhichas* of the family *Anarhichadidae*) of cold northern waters having strong canine teeth in the front of the jaws [Merriam-Webster], *rabbit fish* – (Animals) any of the spiny-finned tropical marine fishes of the family *Siganidae* of Indo-Pacific waters. They have a rabbit-like snout and spines on the pelvic or ventral fins [The Free Dictionary by Farlex]; *морской конек* – морская рыбка с головой, похожей на поднятую голову коня [Ожегов, Шведова 1997: 290]; *восточноамериканский бычерыл* – вид хрящевых рыб рода бычерылов семейства орляковых скатов <...> Рыло массивное, плоское, передний край почти прямой с выемкой посередине [Wikipedia].

Описание пространства на основе метафорической модели МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – МЕСТО носит, как правило, оценочный характер. Лексические единицы категории «Млекопитающие» используются для описания различных характеристик пространств в домене «качество» концептуальной области «МЕСТО». Рассмотрим следующие примеры:

1. *It was a great shock to him, though, after years in the House of Lords, to encounter once more the bear-garden of the Commons: he was unprepared for the shock of the sheer weight of noise from the opposition benches (which were more crowded in those days)* [BYU-BNC].

2. *Сивцов подвел новичка к «обезьяннику». Там сидели два изможденных мужичка с испитыми лицами* [НКРЯ].

3. *Путиами неисповедимыми забрасывает меня в какой-то вселенский медвежий угол, на блюдечке с голубой каёмочкой преподносит этот дурацкий мир и включает счётчик!* [НКРЯ].

В примере (1) происходит метафоризация через лексическую единицу *bear-garden*, обозначающую «шумное сборище, место попойки» [Мюллер 2006: 66], или шумное место, где происходила травля медведей: *bear-garden* - an establishment for bearbaiting or similar practices or entertainment [Merriam-Webster], для оценки Палаты общин как места, где люди не умеют слушать друг друга за счет актуализации признака «поведение» формата наблюдения. В примере (2) используется лексическая единица *обезьянник* в значении «комнаты для доставления в милицию» [Жаргон.ру]. Однако исходное значение единицы *обезьянник* представляет собой «помещение для обезьян в зоопарке» [Ожегов, Шведова 1997: 426]. Формирование такой метафорической проекции связано с перенесением ассоциаций с поведением животных, склонных вести себя подвижно и кривляться, на лиц, попавших в данное помещение, т.е. интерпретация с помощью данной лексической единицы происходит за счет выделения признака «поведение» интерпретирующего формата наблюдения. В примере (3) за счет актуализации признака «среда обитания» формата наблюдения с помощью лексической единицы *медвежий угол* характеризуется место как сильно удаленное от цивилизации, заброшенное подобно берлоге медведя: *медвежий угол* – захолустье [Ожегов, Шведова 1997: 347].

Основу метафоризации может также составлять интерпретирующий признак перцептивного формата «окрас» млекопитающего. Например, признаки «двухцветность» и «рисунок на теле» (наличие полос) используются при интерпретации наименования места посредством лексических единиц *zebra crossing* – British English place marked black and white lines where people who are walking can cross a road safely [LDOCE]; *зебра* – 2. ж. разг. пешеходный переход, обозначенный белыми поперечными полосами на проезжей части дороги [Ефремова 2000].

Метафорическая модель МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – НЕЖИВАЯ ПРИРОДА лежит в основании идентификации некоторых созвездий по аналогии с формой млекопитающего за счет актуализации признака

перцептивного формата «телосложение». Так, расположение звезд в созвездии *Лев (Lion)* внешне напоминают лежащего льва, а созвездие *Большой Пёс (Big Dog)* по конфигурации имеет сходство с собакой. Однако существуют и иные принципы формирования интерпретирующего смысла при наименовании созвездий. Например, в основе названия созвездия *Рысь (Lynx)* также лежит метафорический перенос, но межконцептуальные связи при этом выстраиваются сразу между несколькими концептуально-тематическими областями, поскольку автор названия данного созвездия, Ян Гевелий, считал, что «в этой части неба встречаются только мелкие звёзды, и нужно иметь рысьи глаза, чтобы их различить и распознать» [цит. по Зигель 1987: 72-73]. Таким образом, через межконцептуальную связь «человек – отличительная способность млекопитающего» (*рысь* – ж. 1) крупное хищное млекопитающее семейства кошачьих с очень острым зрением [Ефремова 2000]) происходит идентификация явления другой концептуально-тематической области – «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА».

Также метафоризации в языке подвергаются понятия, связанные с металлом и горными породами на основе межконцептуальных связей по аналогии с физическими характеристиками и поведением животного:

horse – geology : a mass of the same geological character as the wall rock that occurs within a vein of useful mineral matter [Merriam-Webster];

козёл – 5. м. разг. затвердевший при остывании после плавки и приставший к стенкам печи, ковша и т.п. металл, сплав, шлак [Ефремова 2000].

Горную породу называют *horse*, вероятнее всего, по аналогии с лошадью, стоящей в упряжке или стойле, отделенной от других лошадей за счет актуализации признака «внешний вид» перцептивного формата. Металл, приставший к стенкам печи и вызывающий затруднения при очистке, называют *козлом* по аналогии с упрямством животного в результате актуализации признака «поведение» формата наблюдения.

Метафорическая модель МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ лежит в основании идентификации единицы мощности по аналогии с силой животного за счет актуализации признака силы интерпретирующего формата наблюдения:

horsepower – 1. the power that a horse exerts in pulling; 2: a unit of power equal in the U.S. to 746 watts and nearly equivalent to the English gravitational unit of the same name that equals 550 foot-pounds of work per second 3. effective power: intellectual horsepower; computing horsepower [Merriam-Webster];

лошадина сила – единица мощности (двигателя, машины, равная 736 ваттам) [Ожегов, Шведова 1997: 333].

Также подобие внешних форм используется при идентификации продолжительности времени в словосочетании *donkey's years* – A long time, as in *I haven't seen her in donkey's years*. This expression punningly alludes to the considerable length of the animal's ears. [Early 1900s] [The Free Dictionary by Farlex] за счет актуализации признака «телосложение» перцептивного формата в домене «количество»; неприятные ассоциации, связанные с животным при использовании единицы *bull* в значении «Nonsense. A modification of 'bullshit'» [1600s] [A Dictionary of Slang] за счет актуализации признака «негативная эмоциональная оценка» ассоциативного формата, а также признаков формата наблюдения, таких как: «поведение животного» при употреблении фразеологической единицы *волчий закон* – беззаконие, опирающееся на грубую силу [Ожегов, Шведова 1997: 9] и «кинетические характеристики» (неуклюжесть) при интерпретации фразеологизма *медвежья услуга* – неловкая помощь, услуга, приносящая вред [Ожегов, Шведова 1997: 347] (домен «качество»).

Таким образом, механизм когнитивной метафоры является одним из основополагающих при формировании интерпретирующих значений. Образование межконцептуальных связей происходит на основе линий аналогии, сформированных по каналам перцепции (восприятие по форме, цветовых особенностей объектов интерпретации), а также в процессе

наблюдения за млекопитающим, в результате которых передаются оценочные смыслы. Посредством концептуальной метафоры человек оценивает внешние, интеллектуальные, поведенческие характеристики другого человека, особенности пространства, скорости и силы других объектов и явлений.

Помимо концептуальной метафоры при формировании интерпретирующих смыслов с помощью единиц, обозначающих млекопитающих, также используется механизм когнитивной метонимии, который мы бы хотели рассмотреть далее.

4.3. Метонимия как когнитивный механизм формирования интерпретирующих смыслов лексических единиц категории «Млекопитающие»

Как нами было уже отмечено в теоретической главе настоящего диссертационного исследования, за счет когнитивного механизма метонимии определенный аспект или часть явления действительности может быть представлен как единое целое, и, таким образом, наименование одной части явления может служить именем для целого [Кубрякова 1999: 7], т.е. между объектами формируются отношения замещения [Лакофф, Джонсон 2004].

В нашем исследовании наиболее распространенным типом метонимического переноса является «наименование целого вместо части». Таким образом, нами было выделено четыре основные метонимические модели переосмысления лексических единиц категории «Млекопитающие»: МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЕГО МЕХ/ШКУРА, МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ИЗДЕЛИЕ ИЗ ЕГО МЕХА/ШКУРЫ, МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЕГО ЦВЕТ, МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЕГО МЯСО.

Формирование интерпретирующих смыслов на основе метонимических моделей МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ - ЕГО МЕХ/ШКУРА, МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ИЗДЕЛИЕ ИЗ ЕГО МЕХА/ШКУРЫ, МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЕГО МЯСО происходит за счет актуализации признака утилитарного назначения объекта

интерпретирующего формата функции, а характеристика цветовых особенностей объектов интерпретации на основе метонимической модели МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЕГО ЦВЕТ происходит за счет выделения интерпретирующего признака «окрас» формата перцепции. Далее рассмотрим данные метонимические модели более подробно.

Первая модель основывается на замещении меха или кожи млекопитающего названием самого млекопитающего, т.е. МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЕГО МЕХ/ШКУРА. По данной модели свои интерпретирующие значения будут формировать единицы *raccoon, seal, wolf, fox, otter, beaver, badger, skunk, mink, marten, beaver, chinchilla, nutria, cougar, rabbit, sheep (sheepskin), squirrel*, медведь, лиса, выдра, крот, скунс, норка, куница, рысь, чернобурка, песец, белка, заяц, кошка, шиншилла, бобр, нутрия, хорёк, кролик: *wolf* – b. the fur of the wolf [Merriam-Webster]; *seal* – 2.a. the pelt of a fur seal [Merriam-Webster]; шиншилла – 2) мех такого животного [Ефремова 2000]; *рысь* – 2) мех, шкурка такого животного [Ефремова 2000].

Также нами выделяется модель, основным типом метонимического переноса которой является «наименование млекопитающего вместо изделия», т.е. МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ИЗДЕЛИЕ ИЗ ЕГО МЕХА/ШКУРЫ. К единицам, формирующим свои интерпретирующие значения по такой модели для идентификации артефактов, будут относиться *seal, beaver, elk, chinchilla*, медведь, лиса, енот, крот, норка, рысь, чернобурка, песец, шиншилла, бобр, хорёк, кролик: *beaver* – 2. a: a hat made of beaver fur or a fabric imitation [Merriam-Webster]; *elk* – 2. soft tanned rugged leather [Merriam-Webster]; *mink* – 2. a coat or jacket made of mink [LDOCE]; шиншилла – 3) изделия из такого меха [Ефремова 2000]; *медведь* – 3) разг. изделия из меха, шкуры такого животного [Ефремова 2000].

Следующая модель метонимического переноса берет за основу «наименование млекопитающего вместо его цвета», т.е. МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЕГО ЦВЕТ. Таким образом, по метонимическому переносу образуются названия таких цветов, как *seal, camel, fawn, mousy*,

мышиный, верблюжий, тигровый: *seal* – 3. dark brown [Merriam-Webster]; *camel* – a light yellowish brown [Merriam-Webster]; *мышиный* – 4) имеющий цвет шерсти мыши; серый или светло-серый [Ефремова 2000]; *верблюжий* – 5) имеющий цвет шерсти верблюда; серовато-желтый [Ефремова 2000].

Последняя метонимическая модель, выделенная в нашем исследовании, основывается на наименовании мяса млекопитающего по названию самого млекопитающего, т.е. МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЕГО МЯСО. К лексическим единицам, формирующим свои переносные значения на основе данной модели, относятся *rabbit, lamb, goat, заяц, поросёнок, ягнёнок, кролик*: *rabbit* – the fur or meat of a rabbit [LDOCE]; *lamb* – 1. the young sheep; 2. the meat of a young sheep [LDOCE]; *Falemidebiire crunched on fried goat bone and slurped the vital juices out* [COCA]; *поросёнок* – блюдо из мяса молодой свиньи [Ефремова 2000]; *жареный кролик с зел. бобами, компот (с сахаром) из апельсинов, хорошее кофе* — *давно так не ел!* [НКРЯ].

Таким образом, можно говорить о том, что, как и концептуальная метафора, так и механизм концептуальной метонимии являются продуктивными в процессе формирования интерпретирующих смыслов. Наиболее распространенным типом метонимического переноса в нашем исследовании является «наименование целого вместо части», что осуществляется по четырем выделенным моделям: МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЕГО МЕХ/ШКУРА; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ИЗДЕЛИЕ ИЗ ЕГО МЕХА/ШКУРЫ; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЕГО ЦВЕТ; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЕГО МЯСО.

4.4. Сравнение как когнитивный механизм формирования интерпретирующих смыслов лексических единиц категории «Млекопитающие»

Когнитивный механизм сравнения является ведущим при формировании интерпретирующих значений лексических единиц исследуемой категории. Если механизмы метафоры и метонимии в основном

участвуют в процессе идентифицирующей интерпретации при наименовании объектов и явлений различных концептуально-тематических областей лексическими единицами категории «Млекопитающие», то сравнение чаще всего используется при характеристике объектов или явлений интерпретации. Напомним, что сравнение подразумевает наличие определенного признака у объекта интерпретации схожего с признаком другого объекта, принадлежащего к интерпретируемой области, с которым у объекта интерпретации устанавливаются межконцептуальные связи.

Определенный профиль интерпретации, образующийся в результате проекции признаков в единое концептуальное пространство, является результатом индивидуальной концептуализации человеком фрагмента действительности [Панасенко 2014]. Как нами было отмечено в Главе I, человек обладает своей личной картиной мира и концептуализирует мир по-своему, исходя из собственного культурного фона, личных мнений, установок, ориентиров и ценностей. Поэтому использование концептуального сравнения наилучшим образом позволяет раскрыть индивидуальные характеристики, за счет которых происходит описание объектов интерпретации. Например, в предложении «*They know they're ugly as the backside of a wombat, so they got no use for pretties*» [COCA] формирование отрицательной оценки внешнего облика объектов интерпретации происходит за счет единицы *wombat*. При этом характерные особенности млекопитающего *wombat* не являются одинаково известными всему сообществу, говорящему и понимающему английский язык, поскольку данное животное имеет узкую локализацию, обитая лишь в Австралии. Поэтому характеристики, закрепленные за данной лексической единицей в виде конкретно-чувственного образа являются индивидуальными и доступными лишь для того сообщества, которое имеет тесную связь с данным животным в природе. У других же людей концепт *wombat* отсутствует в сознании и требуется дополнительное знание об этом животном для формирования необходимого образа.

Сознание человека может выделять, как один конкретный признак для интерпретации объектов или явлений окружающей действительности (например, цвет, размер, телосложение и т.д.), так и одновременно несколько признаков в виде некой образной схемы, чему также способствует работа когнитивного механизма сравнения. Рассмотрим следующие примеры:

1. *You're fat. Look at that. This is disgusting. You look like a whale sitting on the beach [СОСА].*

2. *Then I'll hear them in the doorway; I'll hear their footsteps passing -- D.V.'s like a drunk elephant and Mister Dave's scraping the floor as he goes [СОСА].*

3. *Могутный второгодник был силен, как слон, и как слон неповоротлив [НКРЯ].*

В примере (1) при интерпретации грузного телосложения человека в фокус выводится не только определенный физический параметр животного (большой вес), но и целая ситуация, сформированная и закрепленная в сознании автора («кит, сидящий на пляже»). В примере (2) описание такой характеристики, как «неуклюжесть человека» дополнительно усиливается за счет заимствования подобного признака, выраженного прилагательным «drunk» из концептуально-тематической области «ЧЕЛОВЕК», в результате чего выстраивается образная схема: слон - неуклюжий; пьяный человек - неуклюжий => пьяный слон – очень неуклюжий, которая используется для интерпретации особенностей перемещения человека в пространстве. В примере (3) для описания человека в фокус выводятся два признака, свойственных конкретному животному *слон*, что приводит к интерпретации на основе синкретичной актуализации признаков силы и неуклюжести формата наблюдения за счет использования двух компаративных конструкций в предложении.

На уровне предложения-высказывания сравнение представлено в виде компаративных конструкций, содержащих такие компоненты сравнения, как “like”, “as”, “as...as”, “как”, “как будто”, “будто”, “словно”, “вроде”. Однако

в языке когнитивный механизм сравнения может быть представлен и другими способами. Например, через притяжательный падеж в следующих примерах:

4. *He gave up the dinette business. Didn't shave and looked more and more like a monkey, with a monkey's smile [COCA].*

5. *A water bug, the size of a mouse, plunges from the unpainted rafters and hurtles across the floor [COCA].*

6. *Она была одинокая женщина. На сильном, жилистом теле — головка с маленькой мордочкой летучей мыши [НКРЯ].*

Также когнитивный механизм сравнения может быть совмещен с языковым механизмом аффиксации и представлен через прилагательные со значением подобия:

7. *His face has a sort of natural' hurt' set. Sheepish. No, giraffish Like a lanky gawky giraffe [BYU-BNC].*

7. *Он мчался вскачь каким-то лошадиным галопом, оставляя за собой целые облака пыли [НКРЯ].*

Таким образом, можно сделать вывод о том, что когнитивный механизм сравнения является ведущим при характеризующей интерпретации, позволяющий отразить индивидуально-авторские характеристики объектов как интерпретирующей, так и интерпретируемой областей. На уровне предложения-высказывания сравнение представлено в виде компаративных конструкций, содержащих компоненты сравнения, а также через притяжательный падеж и сочетание с языковым механизмом аффиксации.

4.5. Генерализация и конкретизация как когнитивные механизмы формирования интерпретирующих смыслов лексических единиц категории «Млекопитающие»

Помимо вышеописанных когнитивных механизмов, участвующих в формировании интерпретирующих смыслов, стоит также отметить важность

таких механизмов, как генерализация и конкретизация (спецификация), которые являются актуальными для исследования лексических единиц категории «Млекопитающие».

В результате работы когнитивных механизмов генерализации и конкретизации происходит активизация интерпретирующих признаков формата наблюдения для идентификации половой принадлежности и групп млекопитающих.

Напомним, что когнитивный механизм генерализации характеризуется расширением концептуального содержания исследуемого понятия и в нашем исследовании реализуется на примерах переосмысления существительных, обнаруживающих «родовидовые концептуальные сдвиги» [Панасенко 2014: 96].

Так единицы, *cow, bull, корова, бык* используются для наименования млекопитающего и самки, либо самца некоторых других животных:

cow – 1 b: the mature female of various usually large animals (such as an elephant, whale, or moose) [Merriam-Webster];

bull – the male of some other large animals such as the elephant or whale [LDOCE];

корова – 1. Самка крупных жвачных парнокопытных животных сем. полорогих (быков), а также некоторых других парнокопытных (напр. лося, оленя) [Ожегов, Шведова 1997: 297];

бык – 2) самец некоторых домашних и диких рогатых парнокопытных животных [Ефремова 2000].

Единицы *dog, cat, tiger, horse собака*, используются для наименования не только самого млекопитающего, но и всего семейства животных, а также могут употребляться для обозначения родовой принадлежности некоторых групп животных:

dog – 1. a common animal with four legs, fur, and a tail. Dogs are kept as pets or trained to guard places, find drugs; 2. a male dog, fox or wolf [LDOCE]; 1 a: wolves, foxes, and other dogs [Merriam-Webster];

cat – 1. a : a carnivorous mammal (*Felis catus*) long domesticated as a pet and for catching rats and mice; b: any of a family (Felidae) of carnivorous usually solitary and nocturnal mammals (such as the domestic cat, lion, tiger, leopard, jaguar, cougar, wildcat, lynx, and cheetah) [Merriam-Webster];

tiger – 1. a: large Asian carnivorous mammal (*Panthera tigris*) of the cat family having a usually tawny coat transversely striped with black; b: any of several large wildcats (such as the jaguar or cougar) [Merriam-Webster];

horse – 1 a: a large solid-hoofed herbivorous ungulate mammal ...; c: a recent or extinct animal (such as a zebra, ass, or onager) of the horse family [Merriam-Webster];

собака – 1. Домашнее животное семейства псовых. 4. В нек-рых сочетаниях: название хищных млекопитающих сем. псовых. Енотовидная собака. Дикая собака динго [Ожегов, Шведова 1997: 739].

Для механизма конкретизации характерен обратный генерализации процесс, т.е. сужение концептуального содержания понятия. В нашем исследовании механизму генерализации подвергаются единицы, обозначающие родовую принадлежность того млекопитающего, которым данное понятие именуется. Процесс конкретизации характерен для переосмысления таких единиц как *horse, dog, свинья, коза*:

horse – 1 a: a male horse [Merriam-Webster];

dog – 2. a male dog [LDOCE];

свинья – ж. 1) парнокопытное млекопитающее, домашний вид которого разводят для получения мяса, сала, щетины, шкуры. 2) самка такого животного (в отличие от хряка, борова) [Ефремова 2000];

коза – 1. ж. 1) а) парнокопытное жвачное животное семейства полорогих. б) самка такого животного [Ефремова 2000].

Также в русском языке когнитивному механизму конкретизации подвергается лексическая единица *кошка* при уточнении вида животного: 1. Хищное млекопитающее семейства кошачьих. *Дикая к. Лесная, степная к.*

(разные виды дикой кошки). 2. Домашний вид такого животного, а также мех его [Ожегов, Шведова 1997: 302]; 1. б) самка кота [Ефремова 2000].

Таким образом, интерпретирующие значения лексических единиц исследуемой категории образуются за счет действия когнитивных механизмов профилирования, метафоры, метонимии, сравнения, генерализации и конкретизации. Стоит также подчеркнуть, что в основном когнитивные механизмы метафоры, метонимии, генерализации и конкретизации участвуют в процессе идентифицирующей интерпретации, в то время как характеризующая интерпретация в большей степени представлена как результат работы когнитивного механизма сравнения. Актуализация интерпретирующих смыслов анализируемыми когнитивными механизмами происходит, как правило, за счет использования определенных языковых структур, о которых речь пойдет далее.

4.6. Фразеологизация как языковой механизм формирования интерпретирующих смыслов лексических единиц категории «Млекопитающие»

Языковые механизмы играют важную роль в процессе образования вторичных значений в языке наряду с когнитивными механизмами, поскольку наши мысли мы преобразовываем в речи при помощи различных языковых форм.

На наш взгляд, основными языковыми механизмами формирования интерпретирующих смыслов являются фразеологизация, а также словообразование как особый механизм создания новых единиц на основе уже существующих путем аффиксации и словосложения.

Фразеологизмы представляют собой единицы языка, обладающие смысловой и грамматической цельнооформленностью, и выступают в качестве средств вторичной номинации. Таким образом, лексические единицы категории «Млекопитающие» в составе устойчивых выражений, закрепленных в языке, обладают значительной интерпретативностью,

поскольку интерпретирующий смысл, заложенный в содержании фразеологизма, формируется на основе определенного признака, выраженного лексической единицей, обозначающей млекопитающее. Как правило, фразеологизмы, содержащие лексические единицы исследуемой нами категории, формируются на основе различного рода ассоциаций в сочетании с физическими и поведенческими признаками животных. Например:

1. *The race issue is the elephant in the room in this election [LDOCE].*

2. *Власть почувствовала угрозу приватизации будущей Государственной думы и начала суетиться, как слон в посудной лавке, — вторит ему лидер СПС Борис Немцов [НКРЯ].*

В примере (1) важность события передается за счет признака размера животного, который будто бы находится в гостиной, т.е. проводится ассоциация с нахождением животного крупного размера в нетрадиционном месте: *the elephant in the (living) room – an important subject or problem that everyone knows about but no one mentions* [LDOCE]. В примере (2) фразеологизм *слон в посудной лавке* отражает такой признак, как неуклюжесть человека в стесненной обстановке (о большом и нескладном человеке, оказавшимся в тесноте, среди ломких, хрупких вещей [Ожегов, Шведова 1997: 732]).

Другим источником формирования ассоциаций, которые закрепляются в виде фразеологизма в языке, может служить обыденная ситуация:

3. *Nora decided to take the bull by the horns and organize things for herself. [LDOCE].*

4. *Без всяких вопросов, без всяких "подходов" взяла, что называется, быка за рога и сказала прямо в лоб [НКРЯ];*

В данных примерах проводится параллель между процессом решения трудной проблемы и традиционным способом усмирения быка, т.е. ассоциация с ситуацией из обыденной жизни: *take the bull by horns* (3) - to bravely or confidently deal with a difficult, dangerous, or unpleasant problem

[LDOCE]; *брать быка за рога* (4) – Экспрес. Начинать действовать решительно и энергично, с самого главного [Фёдоров 2008].

Также некоторые фразеологизмы, содержащие в себе единицы, обозначающие млекопитающих, имеют библейские корни, например: *wolf in sheep's clothing* – one who cloaks a hostile intention with a friendly manner [Merriam-Webster]; *волк в овчей шкуре* – Устар. Человек, прикрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели, лицемер; волк в овечьей шкуре [Фёдоров 2008]. Данный фразеологизм берет за основу библейскую заповедь: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Матф. 7:15).

Источником фразеологизма, содержащего в себе лексическую единицу, обозначающую млекопитающее, также может быть художественная литература. Так, в примере «*Accounting was a horse of a different color, although the Bureau tended to use the words "planning" and "accounting" to mean the same thing*» [LDOCE] основу фразеологизма *a horse of a different color* в значении «something that is completely different from another thing» [LDOCE] составляет цитата из литературного произведения В. Шекспира «Двенадцатая ночь»: “My purpose is, indeed, a horse of that colour”, обозначающая «то же самое», и в последствие трансформированная в результате ассоциации во фразеологизм с антонимическим значением [The Free Dictionary by Farlex].

Фразеологизация является продуктивным источником образования нового смысла в языке. Фразеологизмы с единицами, обозначающими млекопитающих, представлены в языке довольно широко, что свидетельствует о тесной взаимосвязи человека с представителями животного мира, что впоследствии находит свое отражение в закреплении в сознании человека образов и ассоциаций, связанных с животными, в виде устойчивых сочетаний.

4.7. Словообразование как языковой механизм формирования интерпретирующих смыслов лексических единиц категории «Млекопитающие»

Словообразовательный механизм также является способом формирования новых смыслов путем словоизменения (аффиксации) и словосложения. Как отмечает Л.В. Бабина: «Производные слова объективируют новые знания, возникающие на основе уже существующих знаний в концептуальной системе человека» [Бабина 2014: 31]. Полученное новое знание в результате образования новой формы слова вместе с работой когнитивных механизмов, описанных ранее в нашей работе, воспринимается и интерпретируется человеком по-новому.

Среди слов, обозначающих млекопитающих и образованных путем аффиксации и словосложения, можно выделить следующие группы:

1. Прилагательные со значением подобия.

В английском языке прилагательные со значением похожести или подобия млекопитающему образуются путем добавления к основе существительного аффиксов:

- *like: bearlike, wolflike, deerlike, whalelike, ratlike, lionlike* и др.;
- *ish: giraffish, tigerish, goatish;*
- *y: cowy, ferrety.*

В русском языке подобие выражается через лексические единицы, образованные с помощью сложных прилагательных (сущ+подобный): *медведеподобный, слоноподобный*, либо с помощью притяжательных прилагательных. При использовании прилагательных, выражающих подобие, берется за основу концептуальный признак характерный для определенного животного. Например:

1. *I tried to turn him over, but his bearlike body would not budge as my hands squeezed his sweat-drenched gray shirt [COCA];*

2. *Tate could not pin on Allie's so someone else stuck on her yellow orchid with tigerish brown spots [COCA];*

3. Они вступали на новую станцию. Выглядела она почти так же, как и предыдущая: низкие своды, слоноподобные колонны... [НКРЯ];

4. Один из них был с заячьей губой, второй— с обрубком правой руки, третий более или менее нормальный, но лицо в крупных прыщах [НКРЯ].

В примере (1) с помощью прилагательного *bearlike* характеризуются тело человека как тяжелое и неуклюжее, подобно телу медведя. В примере (2) прилагательное *tigerish* используется для описания расцветки орхидеи, подобной коричневому цвету тигра. В примере (3) при описании станции метро основным концептуальным признаком выступает форма колонны. В предложении (4) представлен пример использования притяжательного прилагательного на основе работы когнитивного механизма метафоры для обозначения расщепления нёба, в результате которого губы человека напоминают по форме рот зайца.

2. Производные глаголы.

Глаголы, производные от названий животных, были в некоторой степени рассмотрены Л.В. Бабиной, где она выделяла их оценочный компонент, говоря о том, что человек, используя деноминативные глаголы в качестве средств оценочной концептуализации и категоризации, склонен приписывать другому человеку некоторые признаки, характерные для животных и имеющие оценочный смысл [Бабина 2014: 32].

Образование производных глаголов от наименований млекопитающих в большей степени характерно для английского языка, поскольку в нем сильно развита система фразовых глаголов, т.е. глаголов с послелогом. Однако и в русском языке выделяются производные глаголы от существительных, образованные путем аффиксации. Таким образом, можно выделить следующие группы производных глаголов относительно их оценочных смыслов по следующим признакам:

- движению: *horse around/about* - phrasal verb informal to play roughly → *horseplay*: *Stop horsing around – you'll break something!* [LDOCE]; *hare off-* to run or go very fast: *He hared off down the road* [LDOCE];

- поведению: monkey around (also monkey about British English) - phrasal verb informal to behave in a stupid or careless way: *Stop monkeying around and listen to me!* [LDOCE]; *rat out* - if someone rats you out, they are disloyal to you, especially by telling someone in authority about something wrong that you have done : *You can't rat out your teammates* [LDOCE]; *обезьянничать* – подражать кому-то, перенимая манеры [Ожегов, Шведова 1997: 426]; *свинячить* – вести себя по-свински [Ожегов, Шведова 1997: 703]; *крысятничать, шакалить*, т.е. вести себя подлю и неприлично: *Главное — получать блага, не влямаясь, как пьяный жлоб в церковь, не крысятничая и шакаля по углам, отбирая последний кусок у сиротки* [НКРЯ]; *быковать*, т.е. вести себя упрямо и агрессивно: *В матче Россия — Чехия судья был, к счастью, тактичен, как тень. Не быковал, не нагнетал* [НКРЯ];

- речи, звучанию: *bitch* – to complain continuously: *People in our office are always bitching about each other* [LDOCE]; *rabbit on* – to talk for a long time in an uninteresting or annoying way: *He kept rabbiting on about the environment* [LDOCE]; *собачиться* – несов. разг.- сниж. ругаться, браниться [Ефремова 2000];

- деятельности: *beaver away* – to work very hard, especially at writing or calculating something: *He's been beavering away at his homework for hours* [LDOCE]; *ferret* – informal to search for something that is lost or hidden among a lot of things or inside a drawer, box etc: *She ferreted in her bag for a pen* [LDOCE]; *squirrel away* – phrasal verb to keep something in a safe place to use later: *By December I had \$300 squirreled away* [LDOCE]; *ушачить* – выполнять тяжелую работу: *Не стану я на других ушачить* [Ожегов, Шведова 1997: 257];

- потреблению пищи: *pig out* – to eat a lot of food all at once: *I found Sam in front of the TV, pigging out on pizza and fries* [LDOCE]; *wolf (also wolf down)* - to eat something very quickly, swallowing it in big pieces: *I wolfed down my lunch, charming a second helping out of the all-smiles stewardess* [LDOCE];

хомячить, т.е. есть с удовольствием: *Талита, да такой манник мы с мужем и до Макса любили, а щас и дети его только так хомячат* [НКРЯ].

3. Производные и составные существительные.

Образование нового существительного от основы другого существительного, обозначающего млекопитающего, наиболее характерно для русского языка. Главным способом образования нового существительного от единиц исследуемой семантики является аффиксация. Поэтому в русском языке выделяются следующие группы существительных, образованных путем аффиксации и получившие новое значение:

- существительные, обозначающие мясо животного: *медвежатина, крольчатина, баранина и т.д.*;

- существительные, обозначающие место: *медвежатник, обезьянник, конюшня, коровник и т.д.*;

- существительные, обозначающие пол животного: *медведица, слониха, тигрица, львица, кот и т.д.*;

- существительные, обозначающие возраст животного (детёныши): *котёнок, медвежонок, зайчонок, бельчонок, кенгурёнок и т.д.*;

- существительные с уменьшительно-ласкательным значением: *лошадка, барашек, овечка, зайнька и т.д.*

- существительные, обозначающие большой размер животного: *волчище, козлище, медведище и т.д.*;

Выделяются производные и сложные существительные, обозначающие род деятельности, связанный с млекопитающим, от которого они образованы: *лошадник, соболятник, тигролов, конюх, конюший, коровник, кроликовод, свинопас и т.д.*: *коровник* – (устар). Работник, занимающийся уходом за коровами [Ожегов, Шведова 1997: 297]), а также в английском языке сложные существительные и зоокомпозиции *horseman, dogman, swineherd, raindeer-breeder, sheep-breeder* и т.д.: *swineherd* - someone who looks after pigs [LDOCE].

Для идентификации обладателей животных выделяются такие наименования, как *собачник*, *кошатник*, *лошадник*, *cat-owner*, *dogman*: *лошадник* – (разг) 1. Любитель лошадей [Ожегов, Шведова 1997: 333]; *dogman* – a dog fancier or specialist [Merriam-Webster].

В английском языке также выделяются сложные существительные и зоокомпозицы, использующиеся для наименований:

- артефактов: *dog-end* – Brit. informal a cigarette end [ODCE 2006: 263]; *dog-leg* – a sharp bend [ODCE 2006: 263]; *horsebox* – Brit. a vehicle or trailer for transporting one or more horses [ODCE 2006: 437]; *sheepshank* – a knot made in a rope to shorten it temporarily [ODCE 2006: 835]; *bearskin* – a tall cap of black fur worn ceremonially by certain troops [ODCE 2006: 70]; *cat-o'-nine-tails* – a rope whip with nine knotted chords [ODCE 2006: 134] и т.д.;

- действий: *catfight* – a word for a fight between women, that some people consider offensive [LDOCE]; *catnap* – informal a very short sleep [LDOCE]; *dogfight* – a fight between armed aircraft [LDOCE]; *doggy-paddle* – a simple swimming stroke like that of a dog [ODCE 2006: 263]; *pony-trekking* – Brit. the leisure activity of riding across country on a pony or horse [ODCE 2006: 697];

- частей тела: *pigtail* – a plaited length of hair worn at the back or on each side of the head [ODCE 2006: 679]; *ponytail* – a hairstyle in which the hair is drawn back and tied at the back of the head [ODCE 2006: 697]; *dog-tooth* – canine [Merriam-Webster]; *harelip* – cleft lip [ODCE 2006: 414];

- мест: *bear-garden* – фиг. шумное сборище, место попойки [Мюллер 2006: 66]; *doghouse* – American English a small house outdoors for a dog to sleep in [LDOCE].

Наконец, среди зоокомпозицы английского языка, можно выделить ряд прилагательных, передающих оценку личности человека, его состоянию и интеллекту, например: *dog-tired* – adj. very tired [ODCE 2006: 263]; *hare-brained* – foolish and unlikely to succeed [ODCE 2006: 414]; *pig-headed* – stupidly stubborn [ODCE 2006: 679]; *lion-hearted* – very brave [LDOCE].

Таким образом, анализ фактического материала показывает, что такие языковые механизмы, как фразеологизация и словообразование являются наиболее продуктивными источниками формирования нового знания в языке. Данные языковые механизмы наряду с когнитивными механизмами, описанными ранее в данном параграфе, образуют основу для вторичной концептуализации и категоризации в языке посредством лексических единиц, обозначающих млекопитающих. В процессе формирования интерпретирующих смыслов с помощью единиц исследуемой семантики в результате комбинации тех или иных когнитивных и языковых механизмов выделяются различные концептуальные характеристики или признаки, которые позволяют использовать данные единицы во вторичной концептуализации, для описания объектов и явлений таких концептуально-тематических областей, как «ЧЕЛОВЕК», «АРТЕФАКТ», «ЖИВОТНОЕ», «РАСТЕНИЕ», «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА», «ЦВЕТ», «МЕСТО», «АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ», что формирует интерпретирующий потенциал исследуемой лексической категории.

Выводы по Главе II

Проведенное исследование интерпретирующего потенциала лексической категории «Млекопитающие» позволяет сделать следующие выводы:

1. Лексические единицы категории «Млекопитающие» обнаруживают значительный интерпретирующий потенциал. Это связано в первую очередь с тем, что в процессе чувственного восприятия мира человеком и в результате тесного взаимодействия человека и животного, образы, связанные с представителями животного мира, закрепляются в человеческом сознании в виде конкретно-чувственных образов и участвуют в формировании интерпретирующих смыслов.

2. Результаты формирования конкретно-чувственных образов закрепляются в сознании индивида как совокупность признаков, характеризующих млекопитающих, которые представляются как постоянные признаки и, как правило, закреплены на уровне словарных дефиниций. Концептуальное основание лексической категории «Млекопитающие» как аналоговой категории организовано признаками, которые присущи представителям данной категории.

3. Формирование интерпретирующих значений происходит в результате процесса концептуальной деривации на основе установления межконцептуальных связей между интерпретирующей и интерпретируемой областями, что позволяет делать вывод о том, что в основе интерпретирующих значений лексических единиц категории «Млекопитающие» лежит интегративная структура матричного формата, представляющая собой многоаспектное знание как систему взаимосвязанных контекстов. Интерпретирующие смыслы лексической категории «Млекопитающие» основываются на матричной структуре «человек+млекопитающее», «артефакт+млекопитающее», «животное+млекопитающее», «растение+млекопитающее», «объект неживой природы+млекопитающее», «цвет+млекопитающее», «абстрактное

явление+млекопитающее», «место+млекопитающее» и передают характеристику физических параметров человека (домен «физические характеристики»), его психики (домен «психика») и социализации (домен «социализация»), характеристику физических параметров артефактов, растений, животных, объектов неживой природы, (домен «физические характеристики»), качественных характеристик мест (домен «качество»), количественных и качественных характеристик абстрактных явлений (домены «количество» и «качество») и служат идентификации артефактов, животных, абстрактных явлений, мест и объектов неживой природы.

4. Интерпретирующий потенциал лексической категории представлен следующими форматами знаний как типами признаков: форматом перцепции, наблюдения, экспериенциальных эффектов, функции, операционального опыта и ассоциативным форматами. В рамках данных форматов происходит дальнейшая дифференциация признаков, определяющая интерпретацию сегментов вышеупомянутых когнитивных контекстов (доменов).

Так, формат перцепции интерпретирующего потенциала лексической категории «Млекопитающие» представлен следующими интерпретирующими признаками:

- Размер (большой/небольшой) – используется для интерпретации размеров человека и животного (домен «физические характеристики», сегмент «строение тела»), артефакта (домен «физические характеристики», сегмент «конфигурация»), растения (домен «физические характеристики», сегмент «строение растения»);
- Телосложение (грузное, крепкое, стройное, рост, формы тела/частей тела) – используется для характеристики фигуры человека (домен «физические характеристики, сегменты «строение тела» и «внешний вид»), состояния человека (домен «психика», сегмент «эмоционально-психологическое состояние»), скорости передвижения (домен «физические

характеристики», сегмент «кинематика»), положения человека в обществе (домен «социализация», сегмент «социальный статус»), для интерпретации конфигурации артефактов (домен «физические характеристики», сегмент «конфигурация»), строения растения (домен «физические характеристики», сегмент «строение растения»), телосложения животного (домен «физические характеристики», сегмент «строение тела»), количественных характеристик абстрактных явлений (домен «количество»);

- Волосяной и кожный покров (объём волосяного покрова, текстура волосяного и кожного покрова, фактура) – используется для интерпретации внешних особенностей человека (домен «физические характеристики», сегмент «внешний вид»), текстуры артефактов и объектов неживой природы (домен «физические характеристики», сегмент «текстура поверхности»), а также выражения морды животного (домен «физические характеристики», сегмент «выражение морды»);

- Звуки (громкие высокие, громкие низкие, тихие) – используется для характеристики голоса человека (домен «физические характеристики», сегмент «голос»), звуков, производимых артефактом (домен «физические характеристики», сегмент «звук»).

- Окрас (однотонность, многоцветность, рисунок на теле) - используется для интерпретации цветовых особенностей частей тела человека, поверхности артефактов, растений, животных, и объектов неживой природы (домен «физические характеристики», сегмент «цвет»); для обозначения наименований цветовых оттенков.

Формат наблюдения интерпретирующего потенциала лексической категории «Млекопитающие» представлен следующими интерпретирующими признаками:

- Кинетические характеристики (отсутствие движение, манера передвижения, область перемещения, поза, баланс, скорость, траектория) - используется для характеристики специфики перемещения человека в

пространстве (домен «физические характеристики», сегмент «кинематика»), для описания состояний человека (домен «психика», сегмент «эмоционально-психологическое состояние»), при интерпретации особенностей перемещения артефактов и животных (домен «физические характеристики», сегмент «кинематика»), при характеристике абстрактных явлений (домен «качество»);

- Повадки (реакции, поведение как результат типа питания, как результат биологических потребностей, интеллект, действия в отношении других животных) – используется для интерпретации особенностей психики человека (домен «психика», сегменты «поведение», «эмоционально-психологическое состояние», «характер», «интеллект»), его действий (домен «физические характеристики», сегмент «физическое действие», домен «социализация», сегменты «коммуникативные действия» и «межличностные отношения»), а также при характеристике пространств (домен «качество»).

Формат экспериенциальных эффектов представлен признаком «неблагоприятное воздействие» и используется для интерпретации физических ощущений человека (домен «физические характеристики», сегмент «неприятное физическое ощущение»), его состояний (домен «психика», сегмент «эмоционально-психологическое состояние»), характеристики межличностных отношений (домен «социализация», сегмент «межличностные отношения»).

Формат функции представлен признаками утилитарного назначения животного, которые используются для идентификации «артефактов».

Формат операционального опыта представлен признаком «действия, производимые с животными», который получает дальнейшую дифференциацию на признаки «деструктивные действия», «манипуляции отрицательного характера» и «манипуляции положительного характера», и используется для интерпретации действий человека в отношении других

людей (домен «физические характеристики», сегмент «действие физического характера», домен социализация, сегмент «межличностные отношения»), для характеристики манипуляций, производимых с артефактами (домен «физические характеристики», сегмент «действия над артефактом») и объектами неживой природы (домен «физические характеристики, сегмент «действия над объектами неживой природы»), а также для характеристики пространств (домен «качество»).

Ассоциативный формат представлен следующими интерпретирующими признаками:

- Эмоциональная оценка (положительная и негативная) - используется для репрезентации эмоциональной оценки говорящим другого лица в форме обращений (домен «социализация», сегмент «межличностные отношения»), а также абстрактных явлений;

- Состояние – используется для передачи физического (домен «физические характеристики», сегмент «физическое состояние») и эмоционально-психологического состояния человека (домен «психика», сегмент «эмоционально-психологическое состояние»);

- Тембр – используется для интерпретации особенностей смеха человека (домен «физические характеристики», сегмент «голос»).

5. Исследование интерпретирующих значений и смыслов, которые развивают единицы лексической категории «Млекопитающие», показывает, что объекты животного мира воспринимаются человеком, в первую очередь, по каналам перцепции, а также в результате наблюдения за представителями млекопитающих. В связи с этим, признаки форматов перцепции и наблюдения лежат в основе интерпретации объектов других концептуально-тематических областей таких, как «ЧЕЛОВЕК», «АРТЕФАКТ», «ЖИВОТНОЕ», «РАСТЕНИЕ», «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА», «ЦВЕТ», «АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЯЕНИЕ», «МЕСТО». Это значит, что в результате установления соответствующих межконцептуальных связей на основе

принципа аналогии происходит осмысление других областей знания при активизации перцептивного формата знания и формата наблюдения интерпретирующего потенциала исследуемой лексической категории.

6. Интерпретирующие признаки, заложенные в концептуальном основании лексических единиц и выделенные в результате первичной интерпретации на уровне субкатегорий лексической категории «Млекопитающие», могут быть использованы при вторичной концептуализации для интерпретации объектов и явлений вышеупомянутых областей. К таким признакам относятся: среда обитания, тип питания, размер, окрас, телосложение (продолговатость форм, наличие отличительных частей тела (рога, колючки, хобот, сумка и т.д.), а также назначение млекопитающего (использование в хозяйственной деятельности домашних животных). Данные интерпретирующие признаки носят статус постоянных и закреплены на уровне словарных дефиниций. Другие признаки выявляются на уровне контекста и носят статус латентных. Схожесть признаков, характерных для лексических единиц разных субкатегорий, позволяет группировать лексические единицы, выполняющие общую интерпретирующую функцию относительно различных дифференциальных признаков.

7. В некоторых контекстах обнаруживается синкретичная актуализация интерпретирующих признаков в рамках одного или нескольких форматов, например телосложение+поза (формат перцепции) + настроение (формат наблюдения) (*угрюмо и грузно, как заснувший носорог, прикорнувшего* [НКРЯ]), текстура волосяного/кожного покрова+цвет (*grey and wrinkled like a hippopotamus* [BYU-BNC]), форма+цвет (*lake like a mouse's eye, perfectly round, perfectly brown* [СОСА]), скорость+характер перемещения (*быстрый и ловкий, как хорек* [НКРЯ]), поза+характер перемещения (*неуклюже, как медведь на дыбках, обернулся* [НКРЯ]) и т.д.

8. Интерпретирующие признаки одних форматов могут использоваться для интерпретации схожих концептуальных характеристик у

млекопитающего и объектов и явлений других концептуальных областей (например, большой размер млекопитающего характеризует крупное телосложение человека или большой размер артефакта), но также используются для интерпретации других концептуальных характеристик (например, продолговатость форм животного актуализирует характеристику скорости перемещения человека: *На этой проклятой войне нужно иметь такие ноги, как у борзого кобеля* [НКРЯ]; наличие отличительных особенностей в строении тела животного передает характеристику эмоционально-психологического состояния человека: *весь в мыслях, как дикобраз в иглах* [НКРЯ]; характер перемещения реализует характеристику эмоционально-психологического состояния: *She felt her way through the changes, rolled like a seal in the new currents* [СОСА] и т.д.).

9. Формирование интерпретирующих смыслов у лексических единиц категории «Млекопитающие» происходит на основе работы таких когнитивных механизмов, как профилирование, метафора, метонимия, сравнение, генерализация и конкретизация. При этом концептуальное сравнение используется в большей степени при характеризующей интерпретации, а механизмы метафоры, метонимии, генерализации и конкретизации при идентифицирующей интерпретации. Идентификация объектов и явлений других концептуальных областей происходит на основе следующих метафорических и метонимических моделей: МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЧЕЛОВЕК; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – АРТЕФАКТ; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЖИВОТНОЕ; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – МЕСТО; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – НЕЖИВАЯ ПРИРОДА; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЕГО МЕХ/ШКУРА; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ИЗДЕЛИЕ ИЗ ЕГО МЕХА/ШКУРЫ; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЕГО ЦВЕТ; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЕГО МЯСО.

10. Основными языковыми механизмами, участвующими в формировании интерпретирующих смыслов посредством лексических единиц, репрезентирующих млекопитающих являются фразеологизация и

словообразование (образование производных и сложных слов с компонентом зоонимом).

Заключение

Лексическая категория «Млекопитающие» является значимой для интерпретации человеком окружающей его действительности. Это связано, в первую очередь, с тесным взаимодействием человека с представителями животного мира.

Данная лексическая категория представлена, как в научной, так и в обыденной картинах мира человека. Для научной картины мира основанием для классификации млекопитающих служат биологические особенности млекопитающих. Что касается обыденной картины мира, то подразделение лексических единиц на субкатегории происходит относительно выделения определенных концептуальных характеристик, получаемых человеком в ходе эмпирического познания и закрепляемых в его сознании в виде конкретно-чувственных образов.

Также значимую роль для классификации представителей млекопитающих в рамках обыденной картины мира представляет собой уровень взаимодействия человека и представителей млекопитающих, что позволяет разделить все лексические единицы, репрезентирующие млекопитающих, на две большие подкатегории – «Дикие млекопитающие» («Wild Mammals») и «Домашние млекопитающие» («Domestic Mammals»). Внутри выделенных подкатегорий происходит дальнейшая дифференциация лексических единиц по типу питания на хищников и травоядных. Лексические единицы, репрезентирующие диких млекопитающих, дифференцируются также относительно среды обитания, физических параметров размера, телосложения, объема волосяного покрова, особенностей окраса. К концептуальным характеристикам домашних млекопитающих можно отнести назначение млекопитающего (питомцы, скот), физические параметры (размер, телосложение, половая принадлежность).

Лексическая категория «Млекопитающие» строится по инвариантно-вариантному принципу. Инвариантом данной лексической категории

является единица «млекопитающее» («mammal»), представляющая собой семантический классификатор, который используется в словарных дефинициях для обозначения прототипических характеристик для элементов категории. К данным прототипическим характеристикам можно отнести *теплокровность, наличие шерсти/меха, вскармливание детенышей собственным молоком, живорождение, питание готовыми органическими соединениями, способность двигаться*, а также *наличие органов чувств*. Характеристики, присущие млекопитающим на уровне первичной интерпретации, являются основой использования лексических единиц исследуемой категории во вторичных значениях для интерпретации объектов и явлений других концептуально-тематических областей.

Лексические единицы категории «Млекопитающие» распределяются относительно трех основных уровней категоризации: базового, субординатного и суперординатного, а также переходного уровня между базовым и субординатным, что объясняет разный уровень интерпретативности лексических единиц в зависимости от разного уровня обобщения. Следовательно, лексические единицы базового и переходного уровней отличаются высшей интерпретативностью, поскольку обладают большим количеством характеристик, присущих членам исследуемой лексической категории, используются в дефинициях для определения других представителей категории «Млекопитающие», а образы, формируемые лексическими единицами данных двух уровней, воспринимаются человеком гештальтно.

В ходе исследования было установлено, что лексические единицы категории «Млекопитающие» обнаруживают значительный интерпретирующий потенциал. В основе формирования интерпретирующего потенциала лексическими единицами исследуемой категории лежит интерпретирующий формат знания. Интерпретирующие смыслы формируются в процессе концептуальной деривации на основе установления межконцептуальных связей между интерпретирующей областью и объектами

интерпретируемых областей в результате принципа аналогии. Следовательно, в основе интерпретирующих значений лексических единиц категории «Млекопитающие» лежит интегративная структура матричного формата. Когнитивные области представлены доменами, а межконцептуальные связи, устанавливающиеся между доменами и категориями интерпретирующих областей, определяют деление доменов на сегменты как результат интерпретирующей концептуализации.

Интерпретирующий потенциал лексической категории «Млекопитающие» распространяется на такие области, как «ЧЕЛОВЕК», «АРТЕФАКТ», «ЖИВОТНОЕ», «РАСТЕНИЕ», «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА», «АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ», «МЕСТО», «ЦВЕТ».

Интерпретация лексическими единицами категории «Млекопитающие» представлена как характеристика объектов и явлений вышеупомянутых областей (характеризующая интерпретация) и в качестве наименования новых классов объектов (идентифицирующая интерпретация). Характеризующая интерпретация лексическими единицами исследуемой категории представлена в языке признаками форматов перцепции, наблюдения, экспериенциальных эффектов, функции, операционального опыта и признаками ассоциативного формата. Идентификация происходит на основе следующих метафорических и метонимических моделей: МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЧЕЛОВЕК; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – АРТЕФАКТ; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЖИВОТНОЕ; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – МЕСТО; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – НЕЖИВАЯ ПРИРОДА; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЕГО МЕХ/ШКУРА; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ИЗДЕЛИЕ ИЗ ЕГО МЕХА/ШКУРЫ; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЕГО ЦВЕТ; МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ – ЕГО МЯСО.

В процессе интерпретации может наблюдаться синкретизация признаков в рамках одного или несколько форматов, а также разновекторность при характеристике признаками одного формата различных доменов и сегментов других областей.

Формирование интерпретирующих смыслов происходит на основе таких когнитивных и языковых механизмов, как профилирование, концептуальная метафора, метонимия, сравнение, генерализация, конкретизация, фразеологизация и словообразование.

Перспективой проведенного исследования является изучение лексической категории «Млекопитающие» на материале других языков, а также исследование интерпретирующих смыслов в широком значении (включая характеристику и идентификацию) для производных языковых единиц, т.е. образованных от единиц исследуемой категории.

Список использованной научной литературы

1. Абишева К.М. Категоризация и ее основные принципы // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 21-31.
2. Аверина М.А. Компонент-зооним в составе фразеологизмов русского и английского языков // Филология и литературоведение. – 2014. – № 9. – Режим доступа: <http://philology.snauka.ru/2014/09/927>.
3. Аквазба Е.О. Денотативное и коннотативное значение слова в художественном тексте (на материале лексики растительного и животного мира в произведениях М.М. Пришвина): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – русский язык / Аквазба Екатерина Омаровна. – Тюмень, 2004. – 24 с.
4. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания. – М.: Академия, 2005. – 672 с.
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995а. – 472 с.
6. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995б. – № 1. – С. 37–67.
7. Апресян Ю.Д. Идеи и методы структурной лингвистики (краткий очерк). – М.: Просвещение, 1966. – 304 с.
8. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967. – 256 с.
9. Апресян Ю.Д. Основные принципы и понятия системной лексикографии / Ю.Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М., 2006. – С. 33-74.
10. Апресян Ю.Д. Исследование по семантике и лексикографии. Том 1. Парадигматика. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 568 с.
11. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

12. Бабина Л.В. Вторичная репрезентация концептов языке: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04; 10.02.19 / Бабина Людмила Владимировна. – Тамбов, 2003. – 341 с.
13. Бабина Л.В. Проблема концептуальной деривации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 86-91.
14. Бабина Л.В. Концептуальные основы словообразования // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 128-149.
15. Бабина Л.В. К исследованию оценочного потенциала производных слов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. I. – С. 31-34.
16. Бабушкина О.Н. Механизмы оценочной категоризации профессиональной деятельности // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – №2. – С. 31-41.
17. Балабанова А.В. Зоонимическая лексика в художественном дискурсе Е.И. Носова: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01. – русский язык / Балабанова Альбина Владимировна. – Курск, 2008. – 18 с.
18. Башарина А.К. Понятие «семантическое поле» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2007. – Т. 4. – № 1. – С. 93-96.
19. Белау М.Ю. Глагольная таксономическая модель концепта «Самостоятельное перемещение субъекта» в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – германские языки / Белау Максим Юрьевич. – Тамбов, 2009. – 19 с.
20. Беляевская Е.Г. Интерпретация знаний о мире в языке: методы изучения // Интерпретация мира в языке: коллективная монография / Л.В. Бабина [и др.]; науч. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 82-155.

21. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.
22. Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: Сб. науч. тр. Посвящается Е.С. Кубряковой. – Москва-Воронеж, 2002. – С. 103-114.
23. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-35.
24. Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. Посвящается юбилею проф. Н.Н. Болдырева. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 16-40.
25. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5-23.
26. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. – 2009. – Вып. IV. – С. 25-77.
27. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 31. – С. 11-16.
28. Болдырев Н.Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке: Коллектив. монограф. – М: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2012. – С. 17-120.
29. Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013а. – № 1. – С. 5-14.
30. Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. Вып. XV. Механизмы языковой когниции: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013б. – С. 12-21.

31. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014а. – 236 с.
32. Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014б. – № 6. – С. 118-122.
33. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1. – С. 5-12.
34. Болдырев Н.Н. Когнитивная природа языка: сборник статей / Н.Н. Болдырев. – М. – Берлин: Директ-Медиа, 2016а. – 251 с.
35. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016б. – № 4. – С. 10-21.
36. Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография / Л.В. Бабина [и др.]; науч. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 19-78
37. Болдырев Н.Н., Алпатов В.В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 5-14.
38. Болдырев Н.Н., Магировская О.В. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. – № 2. – С. 7 -16.
39. Болдырев Н.Н., Чистякова Е.В. Оценочный потенциал ландшафтной лексики современного английского языка // Вестник Тамбовского университета. – 2012. – № 7. – С. 22-27.
40. Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 5-13.

41. Боркин Л.Я. Карл Линней (1707-1778) как зоолог // Труды Зоологического института РАН. – 2009. – Приложение № 1. – С. 9-78.
42. Бочкарев А.Е. О факторах понимания как условиях интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 4. – С. 103-107.
43. Бояркина Л.М. Репрезентация концепта «ЧЕЛОВЕК / ЛИЧНОСТЬ» средствами разных языковых уровней в современном английском языке (на материале зоонимов и фитонимов): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / Бояркина Людмила Михайлова. – Тамбов, 2010. – 23 с.
44. Бучило Н.Ф. История и философия науки: Учебное пособие / Н. Ф. Бучило, И. А. Исаев. – Москва: Проспект, 2014. – 432 с.
45. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. – № 5. – С. 105-113.
46. Ватлецов С.Г. Систематика зооморфной лексики и ее англо-русская эквивалентность: Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Ватлецов Сергей Германович. – Нижний Новгород, 2001. – 278 с.
47. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В.Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
48. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
49. Ганичева С.А. Русские глаголы-зоофоны в структурно-семантическом и лингвогеографическом аспектах: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01. – русский язык / Ганичева Светлана Алексеевна. – Вологда, 2016. – 23 с.
50. Гольдберг. Структурные связи в лексико-семантическом поле языка (на материале русского и английского лексико-фразеологического поля «Биологическое существование человека»): Монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. – 232 с.

51. Гольдберг В.Б. Компаративные словосочетания и компаративная категоризация как отражение познания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 71-80.

52. Гольдберг В.Б. Отражение семиотического и концептуального этапов познания в образном сравнении // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1. – С. 25-33.

53. Гольдберг В.Б. Образное сравнение как модель интерпретации действительности // Интерпретация мира в языке: коллективная монография коллективная монография / Л.В. Бабина [и др.]; науч. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 244-285.

54. Горбенко М.В. Стереотипы восприятия зоонимов в межкультурных коммуникациях (на примере диаспор г. Костаная): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Горбенко Марина Валериевна. – Челябинск, 2009. – 27 с.

55. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М: Прогресс, 1984. – 400с.

56. Гусева А.Е. Основы лингвокогнитивного моделирования лексико-фразеологических полей в немецком и русском языках: Дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Гусева Алла Ефимовна. – Москва, 2008. – 489 с.

57. Дейк ван Т.А, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153-211.

58. Дементьева А.Г. Когнитивные основы формирования переносных значений фитонимов (на материале английского, русского и французского языков): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Дементьева Алевтина Геннадьевна. – Тамбов, 2012. – 185 с.

59. Демьянков В.З. Основы теории интерпретации и ее приложение в вычислительной лингвистике. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 76 с.

60. Денисова Г.Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке: Автореф. ...д-ра филол. наук: 10.02.04. – германские языки / Денисова Галина Леонидовна. – Самара, 2009. – 36 с.

61. Денисова Г.Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке: Дис. ...д-ра . филол. наук: 10.02.04. – германские языки / Денисова Галина Леонидовна. – Тольятти, 2013. – 482 с.

62. Деннет Д.С. Виды психики: на пути к пониманию сознания. Перевод с англ. А. Веретенникова / Под общ. ред. Л.Б. Макеевой. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 184 с.

63. Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собр. соч.: в 6 т. / под общ. ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. – Т.1. – 762 с.

64. Дильтей В. Герменевтика и теория литературы // Собр. соч.: в 6 т.– М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – Т.4. – 531 с.

65. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I. – М.: 1960. – С. 264-389.

66. Заботкина В.И. Антропоцентрический принцип как методологическая основа когнитивных исследований // Когнитивные исследования языка. – 2017. – Вып. XXX. – С. 51-54.

67. Завалишина Ю.Г. Зоонимы и фитонимы в русской и английской паремиологии в аспекте этнического менталитета: Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Завалишина Юлия Геннадьевна. – Курск, 1998. – 220 с.

68. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. – М.: Просвещение, 1964. – 464 с.

69. Зигель Ф.Ю. Сокровища звездного неба: Путеводитель по созвездиям и Луне. 5-е изд. – М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1987. – 296 с.

70. Иванищева О.Н., Жданова И.И. Толерантный дискурс в современном обществе: учебное пособие / О.Н. Иванищева, И.И. Жданова. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 2017 с.

71. Инкуй Ч. Русские зоонимы в комплексном лингвистическом рассмотрении: Автореф. дисс. ...канд. фил. наук: 10.02.01. – русский язык / Чжэн Инкуй. – М., 2001. – 22 с.

72. Карам Р.А. Структура и семантика зоокомпонентов в русском языке (словообразовательный аспект): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Карам Рахим Али. – Елец, 2010. – 28 с.

73. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля // Науч. д-ра л. высш. школы. Филол. науки, 1972. – № 1. – С. 57-68.

74. Кобрина О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – №2. – С. 90-100.

75. Кодухов В.И. Общее языкознание: учебник для студентов филол. специальностей. – М.: Высшая школа, 1974. – 303 с.

76. Кодухов В.И. Введение в языкознание: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 Рус. яз. и лит. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1987. – 288 с.

77. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 108 с.

78. Костина Н.Ю. Русские и английские названия птиц: опыт системно-сопоставительного описания: монография / Н.Ю. Костина. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2012. – 164 с.

79. Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / Максим Анисимович Кронгауз. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 352 с.

80. Кубасова А.О. Образная характеристика человека в румынском языке через сравнения с животными и зоометафоры (лексико-семантический

анализ): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 – романские языки / Кубасова Анна Олеговна. – СПб., 2008. – 173.

81. Кубрякова Е.С. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: РАН ИЯ, 1997. – 314 с.

82. Кубрякова Е.С. О концепте «контейнера» и формах его объективации в языке // Изв. РАН, СЛЯ, 1999. – Т. 58. – № 5-6. – С. 3-12.

83. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – Вып. 1. – С. 4-10.

84. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

85. Кунин А.В. Английская фразеология. – М.: Высшая школа, 1970. – 344 с.

86. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1986. – 336 с.

87. Куренкова Т.Н. Лексико-семантическое поле «Еда» в произведениях Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.А. Булгакова: Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. – русский язык / Куренкова Татьяна Николаевна. – Красноярск, 2008. – 258 с.

88. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.

89. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование. Женщины, огонь и опасные предметы // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 143-184.

90. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12-51.

91. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

92. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиторал УРСС, 2004. – 256 с.

93. Лапшина М.Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте: Дис. ... д-ра . филол. наук: 10.02.04 – германские языки, 10.02.19 – общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика / Лапшина Марина Николаевна. – СПб., 1996. – 331 с.

94. Лапшина М.Н. Семантическая эволюция английского слова (изучение лексики в когнитивном аспекте). – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998. – 159 с.

95. Лапшина М.Н. Когнитивная ценность зоометафоры // Наука вчера, сегодня, завтра: сб. ст. по материалам XXXII междунар. науч.-практ. конф. №3 (25). – Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016. С. 102-107.

96. Литвин Ф.А. Зооморфизмы в синтаксической функции определения // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1975. – С. 20-28.

97. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. – М.: Наука, 1984. – 117 с.

98. Лурия А.Р. Язык и сознание. / Под редакцией Е.Д. Хомской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

99. Магировская О.В. Вторичная номинация концепта в современном английском языке (на материале пословиц и загадок): Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / Магировская Оксана Валериевна. – Красноярск, 2001. – 180 с.

100. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке: Дис. ...д-ра. филол. наук: 10.02.19 – теория языка, 10.02.04 – германские языки / Магировская Оксана Валериевна. – Тамбов, 2009. – 351 с.

101. Магировская О.В. Антропоцентрический принцип организации дискурса // Когнитивные исследования языка. Вып. XXX. – 2017. – С. 68-70.

102. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В.А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

103. Мелихова Д.И. Интерпретирующие признаки форматов перцепции и наблюдения лексической категории «собаки» (на материале русского и английского языков) // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. XXV. – С.738-744.

104. Метельская Е.В. Образ человека в английской и русской субстандартной лингвокультурах (на материале зоонимов английского и русского языков): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Метельская Елена Владимировна. – Пятигорск, 2012. – 26 с.

105. Миронова И.В. Микросистема зооцентрических обозначений человека и его действий в современном английском языке: Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / Миронова Ирина Владимировна. – Тамбов, 2000. – 175 с.

106. Москаленко А.В. Концепт «птица» в английской фразеологической картине мира: Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. – германские языки / Москаленко Анна Валерьевна. – Санкт-Петербург, 2015. – 230 с.

107. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. – М.: Высш. шк., 1987. – 288 с.

108. Орехова Ю.С. Анималистическая литература Франции: традиции и их трансформации в творчестве С.-Г. Колетт: Дис. ...канд. фил. наук: 10.01.03. – литература народов стран зарубежья (западноевропейская и американская) / Орехова Юлия Сергеевна. – Калининград, 2008. – 199 с.

109. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

110. Палкин А.Д. Образ мира и картина мира: о необходимости терминологического различения // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 3. – С. 99-108.

111. Панасенко Л.А. Проблема моделирования интерпретирующего потенциала лексических категорий (на материале категории «птицы» в английском языке) // Вестник ТГУ. – 2012. – № 4. – С. 257-264.

112. Панасенко Л.А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: Дис. ...д-ра. филол. наук: 10.02.04 – германские языки, 10.02.19. – теория языка / Панасенко Людмила Александровна. – Тамбов, 2014. – 351 с.

113. Панасенко Л.А. Матричная структура знания как основа реализации интерпретирующего потенциала лексических категорий // Когнитивные исследования языка. – 2015а. – Вып. XXIII. – С. 493-501.

114. Панасенко Л.А. Субкатегориальная организация лексической категории как ее интерпретирующий потенциал (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. – 2015б. – Вып. XXI. – С. 102-106.

115. Панасенко Л.А. Интерпретирующие форматы знания лексических категорий: формат наблюдения // Когнитивные исследования языка. Вып. XXX. – 2017 – С. 78-81.

116. Панасенко Л.А. Когнитивные основания интерпретирующего потенциала лексических категорий // Интерпретация мира в языке: коллективная монография коллективная монография / Л.В. Бабина [и др.]; науч. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 218-241.

117. Панасенко Л.А., Мелихова Д.И. Аналогия как фактор антропоцентричности интерпретирующего потенциала лексической категории «Млекопитающие» (на материале английского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 12. – Ч. 4. – С. 138-143.

118. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 236 с.

119. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. – М., 1959. – 145 с.

120. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 408 с.
121. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. – 314 с.
122. Потебня А.А Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
123. Пуцилева Л.Ф. Культурно детерминированные коннотации русских зоонимов и фитонимов (на фоне итальянского языка): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Пуцилева Лариса Филипповна. – СПб., 2009. – 17 с.
124. Серебренников Б.А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – 602 с.
125. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
126. Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И., Телия В.Н., Уфимцева А.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
127. Сидорова Ю.Е. Textoобразующий потенциал зоонимов (на примере концепта «кот»): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01. – русский язык / Сидорова Юлия Евгеньевна. – Ростов-на-Дону, 2011. – 26 с.
128. Скикевич Т.И. Формирование лексической группы названий диких животных в русском языке: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.02. – русский язык / Скикевич Татьяна Ивановна. – Минск, 1998. – 18 с.
129. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993 – 152 с.
130. Соколова М.В. Лингвокультурологическая специфика фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в марийском и финском языках: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.20. – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Соколова Марина Валерьевна. – Чебоксары, 2015. – 24 с.

131. Солнцева Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского, и немецкого языков этносемантическом аспекте: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Солнцева Наталья Владимировна. – Омск, 2004. – 36 с.

132. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во Урал. унта, 1999. – 432 с.

133. Тишкина Д.А. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в английском и русском языках: сопоставительный анализ: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.20. - сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Тишкина Диана Алексеевна. – Казань, 2008. – 23 с.

134. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 288 с.

135. Уфимцева А.А. Лексическое значение. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

136. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски изследования в чест на акад. Стефан Младенов. – София: Българска академия на науките, 1967. – С. 523-538.

137. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. – М.: Наука, 1982. – 336 с.

138. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.

139. Хомякова Е.Г. Антропокогнитивные аспекты ценностной картины мира // Когнитивные исследования языка. Вып. XXX. – 2017. – С. 86-90.

140. Худанян А.Н. Оценочная категоризация межличностных отношений в современном английском языке: Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. – германские языки / Худанян Анаит Нориковна. – Тамбов, 2016. – 182 с.

141. Чжипин Х. Национальная специфика ассоциативной лакунарности в межкультурном взаимодействии (на материале русского и китайского языков): Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19. – теория языка / Чжипин Хань. – Благовещенск, 2016. – 184 с.

142. Чистякова Е.В. Категоризация ландшафтов и оценочный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке: Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. – германские языки / Чистякова Елена Владимировна. – Тамбов, 2015. – 221 с.

143. Чистякова Е.В. Ландшафтная лексика как средство интерпретации знаний о человеке в современном английском языке // Интерпретация мира в языке: коллективная монография / Л.В. Бабина [и др.]; науч. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017.– С. 274-285.

144. Шарандин А.Л. Динамическая природа концептуализации и категоризации как основа речевой деятельности человека // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 75-82.

145. Шарандин А.Л. Слово и его формы в аспекте теории интерпретации // Интерпретация мира в языке: коллективная монография / Л.В. Бабина [и др.]; науч. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017.– С. 185-215.

146. Швецова В.М. Основные направления в изучении вербализованных ассоциаций в лингвистике // Актуальні проблеми філології. – Івано-Франковск, 2013. – С. 73-76.

147. Шевчик А.В. Комплексное мотивологическое исследование зоонимов русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – русский язык / Шевчик Анна Валерьевна. – Томск, 2011. – 24 с.

148. Шемаева Е.В. Концептуальная деривация как когнитивная основа формирования семантики лексикализованных форм множественного числа имени существительного // Известия СГУ. – Саратов, 2013. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 11-14.

149. Шлейермахер Ф. Герменевтика. – СПб.: «Европейский Дом», 2004. – 242 с.
150. Barcelona A. On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual metaphor // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective*. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 31-59.
151. Barsalou L.W. The Human Conceptual System // *The Cambridge Handbook in Psycholinguistics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 239-258.
152. Barsalou L.W., Yeh W., Luka B.J., Olseth K.L., Mix K., Wu L.-L. Concepts and Meaning. – University of Chicago, 1993. – Режим доступа: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.11.3801&rep=rep1&type=pdf>.
153. Barsalou L.W., Simmons W.K., Barbey A.K., Wilson C.D. Grounding conceptual knowledge in modality-specific systems // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2003. – V. 7. – № 2. – P. 84-91.
154. Benyon D. Spaces of Interaction, Places for Experience. – California: Morgan & Claypool Publishers, 2014. – 129 p.
155. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. – Berkeley: The Univ. of Calif. Press, 1969. – 178 p.
156. Boldyrev N.N., Dubrovskaya O.G. Context of Sociocultural Knowledge in Discourse Construction // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – Rome: MCSER Publishing, 2015. – V. 6. – № 1. – P. 25-30.
157. Brown C.H. A Survey of Category Types in Natural Language // *Meanings and Prototypes: Studies in Linguistic Categorization*. – Oxford: Routledge, 1990. – P. 17-47.
158. Clausner T., Croft W. Domains and image schemas // *Cognitive Linguistics*. – 1999. – V. 10. – №1. – P. 1- 31.
159. Croft W. The Role of Domains in the Interpretation of Metaphors and Metonymies // *Cognitive Linguistics*. – 1993. – № 4. – P. 335-370.

160. Cruse D.A. The Pragmatics of Lexical Specificity // Journal of Linguistics. – 1977. – V. 13. – № 2. – P. 153-164.
161. Cruse D.A. Lexical Semantics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 310 p.
162. Cruse. D.A. Meaning in Language. An introduction to Semantics and Pragmatics. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 424 p.
163. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics. An Introduction. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.
164. Fauconnier, G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 190 p.
165. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Projection and Middle Spaces. Technical Report № 9401, Department of Cognitive Science, University of California, San Diego, 1994. – Режим доступа: www.cogsci.ucsd.edu/research/files/technical/9401.pdf.
166. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. – New York: Basic Books, 2002 – 440 p.
167. Fillmore Ch. Frame Semantics // Linguistics in the Morning Calm / Ed. by Linguistic Society of Korea. – Seoul: Hanshin Publishing, 1982. – P. 111-137.
168. Goossens L. Metaphtonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action // Cognitive Linguistics. – 1990. – 1.3– P. 323-340.
169. Ipsen G. Der Alte Orient unt die Indogermanen. Fetschrift fur W. Streitberg. – Heidelberg, 1924. – P. 30-45.
170. Jackendoff R. Semantics and Cognition. – Cambridge, London: The MIT Press, 1983 – 283 p.
171. Johnson M. The Body in the Mind. The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. – Chicago: University of Chicago, 1987. – 234 p.
172. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What categories reveal about the mind. – Chicago, London: University Press, 1987. – 614 p.

173. Lakoff G. Philosophical Speculation and Cognitive Science // *Philosophical Psychology*. – 1989. – V. 2. – № 1. – P. 55-76.
174. Lakoff G. The invariance hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? // *Cognitive Linguistics*. – 1990. – V. 1. – №1. – P. 39-74.
175. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // *Metaphor and Thought* / Ed. by A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 202-251.
176. Lakoff G. Cognitive Semantics: In the Heart of Language. An Interview with George Lakoff // *Fórum Lingüístico*. – Fpolis, 1998. – № 1. – P. 83-119.
177. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. V. 1: Theoretical Prerequisites. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. – 516 p.
178. Langacker R.W. Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1991. – 383 p.
179. Langacker, R.W. Foundations of Cognitive Grammar. V. 2: Descriptive Application. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – 422 p.
180. Mayne R. The Language of Sailing. – Chicago, London: Fitzroy Dearbon Publishers, 2000. – 320 p.
181. Panther K.-U., Thornburg L.L. Metonymy // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 236-264.
182. Radden G. How metonymic are metaphors? Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 93-108.
183. Radden G., Kövecses Z. Towards a Theory of Metonymy // *Metonymy in Language and Thought* / Ed. by K. U. Panther, G. Radden. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1999. – P. 17-59.
184. Rosch E. Cognitive Representation of Semantic Categories // *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 104. – 1975. - № 3. – P. 192-233.

185. Rosch E., Mervis C.B., Gray W.D., Johnson D.M., Boyes-Braem P. Basic Objects in Natural Categories // *Cognitive Psychology*. – 1976. – V. 8. – № 3. – P. 382-439.
186. Schwyter J.R. Old English Legal Language. The lexical field of theft. – Odense: Odense University Press, 1996. – 197 p.
187. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics // Concept Structuring System*. – Vol. I. – Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 2000. – 565 p.
188. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics // Typology and Process in Concept Structuring*. Vol. II. – Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 2000. – 495 p.
189. Taylor J.R. *Linguistic Categorization*. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 328 p.
190. Turner M. *Reading Minds: The Study of English in the Age of Cognitive Science*. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. – 298 p.
191. Varela F. J., Thompson E., Rosch E. *The embodied mind: Cognitive Science and Human Experience*. – Massachusetts: The MIT Press, 1993. – 308 p.

Список использованных словарей

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1969. – 608 с.
2. Биологический словарь Online [Электронный ресурс]. – URL: <http://bioword.ru/>.
3. БСЭ – Большая советская энциклопедия / под ред. А.М. Прохорова. – Т.2. – 1970. – 632 с.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. – М.: Русский язык, 2000. – URL: <http://www.efremova.info/>.
5. Жаргон.ру. Интерактивная энциклопедия современного языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://jargon.ru/>.
6. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
7. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
8. Мюллер В.К. Большой англо-русский словарь: В новой редакции: 210000 слов, словосочетаний, идиоматических выражений, пословиц и поговорок. Изд. 4-е. – М.: Цитадель-трейд: ЛАДА: РИПОЛ КЛАССИК, 2006. – 832 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Изд-е 4-е, доп. - М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
10. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – URL: <http://ushakovdictionary.ru/>.
11. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М.: Аделант, 2013. – 800 с.

12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – М.: Прогресс, 1986. – URL: <https://vasmer.slovaronline.com/>.
13. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 828 с.
14. A Dictionary of Slang [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.peevish.co.uk/slang/>.
15. ABBY Lingvo Live [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru>.
16. CD – Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>.
17. EOLD – English Oxford Living Dictionaries [Электронный ресурс]. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>.
18. LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English Online [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ldoceonline.com/>.
19. Merriam-Webster [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/>.
20. ODCE – Oxford Dictionary of Current English. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 1081 p.
21. OED – Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.etymonline.com/>.
22. The Free Dictionary by Farlex [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.thefreedictionary.com/>.
23. Wikipedia – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.wikipedia.org/>.
24. Wilson D.E., Reeder D.M. Mammal Species of the World. A Taxonomic and Geographic Reference. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005. – 2142 p.

Список источников фактического материала

1. Высоцкий В., Крылов А.Е. 130 песен для кино. – М.: Союз кинематографистов СССР, Всес. творческо-производственное объединение «Киноцентр», 1991. – 303 с.
2. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.
3. Робертс С. Остров затонувших кораблей [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.livelib.ru/book/87924/readpart-ostrov-zatonuvshih-korablej-stiven-roberts>.
4. BYU-BNC – British National Corpus [Электронный ресурс]. – URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/>.
5. Clarke A.C. A Space Odyssey [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.angelfire.com/blog2/endovelico/ArthurC.Clark-2001.pdf>.
6. COCA – Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. – URL: <https://corpus.byu.edu/coca/>.
7. Dickens Ch. The Life and Adventures of Nicholas Nickleby [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dickens.jp/etexts/dickens/novels/nn.pdf>.
8. Mitchell M. Gone with the Wind [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioteka.kijowski.pl/mitchell%20margaret/gone%20with%20the%20wind.pdf>.
9. Steinbeck J. East of Eden [Электронный ресурс]. – URL: <http://1.droppdf.com/files/feVEb/east-of-eden-john-steinbeck.pdf>.
10. Wells H.G. The War of the Worlds [Электронный ресурс]. – URL: http://www.planetpublish.com/wp-content/uploads/2011/11/The_War_of_the_Worlds_NT.pdf.

Таблица 1. Интерпретирующий потенциал лексической категории «Млекопитающие» (характеризующая интерпретация)

Интерпретирующие признаки	Интерпретируемая область ЧЕЛОВЕК		
	Домен «физические характеристики»	Домен «психика»	Домен «социализация»
1. Формат перцепции <ul style="list-style-type: none"> • Размер • Телосложение • Волосяной и кожный покров • Звуки • Окрас 	строение тела строение тела, внешний вид, кинематика внешний вид голос внешний вид	эмоционально-психологическое состояние	социальный статус
2. Формат наблюдения <ul style="list-style-type: none"> • Кинетические характеристики • Повадки 	кинематика физическое действие	эмоционально-психологическое состояние поведение, эмоционально-психологическое состояние, характер, интеллект	коммуникативные действия, межличностные отношения
3. Формат экспериенциальных эффектов Неблагоприятное воздействие	физическое ощущение	эмоционально-психологическое состояние	межличностные отношения

4. Формат операционального опыта Деструктивные действия Манипуляции нейтрального и положительного характера	действия физического характера		межличностные отношения
5. Ассоциативный формат <ul style="list-style-type: none"> • Эмоциональная оценка • Тембр голоса • Состояние 	голос (смех человека) физическое состояние	эмоционально-психологическое состояние	межличностные отношения

Интерпретирующие признаки	Интерпретируемая область АРТЕФАКТ	Интерпретируемая область ЖИВОТНОЕ	Интерпретируемая область АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ
	Домен «физические характеристики»	Домен «физические характеристики»	Домены «количество»/ «качество»
1. Формат перцепции <ul style="list-style-type: none"> • Размер • Телосложение • Волосяной и кожный покров • Звуки • Окрас 	конфигурация конфигурация текстура поверхности звуки, производимые артефактом внешний вид	строение тела строение тела, выражение морды внешний вид	количество времени
2. Формат наблюдения <ul style="list-style-type: none"> • Кинетические характеристики • Повадки 	кинематика	кинематика	качественные характеристики событий

4. Формат операционального опыта Деструктивные действия	физическое действие над артефактом		
--	---------------------------------------	--	--

Интерпретирующие признаки	Интерпретируемая область РАСТЕНИЕ	Интерпретируемая область НЕЖИВАЯ ПРИРОДА	Интерпретируе мая область МЕСТО
	Домен «физические характеристики»	Домен «физические характеристики»	Домен «качество»
1. Формат перцепции <ul style="list-style-type: none"> • Размер • Телосложение • Волосяной и кожный покров • Окрас 	строение растения строение растения внешний вид	конфигурация текстура внешний вид	
2. Формат наблюдения <ul style="list-style-type: none"> • Среда обитания • Повадки 			качественные характеристики мест
3. Формат операционального опыта Деструктивные действия		физическое действие	качественные характеристики мест

Таблица 2. Интерпретирующий потенциал лексической категории «Млекопитающие» (идентифицирующая интерпретация)

Интерпретирующие признаки	Интерпретируемые области			
	ЧЕЛОВЕК	АРТЕФАКТ	ЖИВОТНОЕ	МЕСТО
1. Формат перцепции (физические характеристики: форма, цвет, половая принадлежность, возраст)	части тела	наименования спортивных снаряжений, устройств, машин, одежды	наименования рыб и насекомых, групп животных, самок и самцов, детенышей	наименования мест
2. Формат наблюдения (кинетические характеристики, социальная роль, действия, поведение)	социальный статус (звания), кинематика (стиль плавания), наименования профессий, действий	наименования машин		наименования мест
3. Формат функции Функциональное назначение		наименования продуктов питания, изделий из меха, кожи		

Интерпретирующие признаки	Интерпретируемые области		
	НЕЖИВАЯ ПРИРОДА	АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ	ЦВЕТ
1. Формат перцепции (физические характеристики: форма, цвет, параметры силы)	наименование горных пород	единицы мощности	наименования цвета
2. Формат наблюдения Поведение	наименование металла		